

Леонид Марченко

КЛЯТВЕ ОСТАЛИСЬ ВЕРНЫ
– о юных героях с Карантинного острова –

документально-художественный роман
(издание 2-е, дополненное)

Херсон – 2010

УДК 087.5
ББК 84
М 30

Художник – Кирилл Амелин

Марченко Л.В.
М 30 Клятве остались верны: Роман – 2-е изд. доп. – Херсон:
Айлант, 2010. – 232 с.: илл.

ISBN 978-966-630-017-4

В годы Великой Отечественной войны в Херсоне – на острове Карантинном – действовала группа отважных юных патриотов, которая впоследствии была названа «Мальчишки с Карантинного». О жизни и подвигах юных героев рассказывается в книге Леонида Марченко «Клятве остались верны».

УДК 087.5
ББК 84

ISBN 978-966-630-017-4

© Марченко Л., 2010
© Амелин К., илл. 2010

Глава 1

На рыбалке. Моряки-разведчики. Появление Дунайской военной флотилии. Отец Сени строит блиндаж. Лет бабочек. Враг уже в городе.

1.

Постепенно день вступал в свои права. Горячие лучи августовского солнца быстро прогревали воздух, изгоняя утреннюю прохладу.

Друзьям-рыбакам, сидевшим на берегу, пришлось снять куртки.

Мальчишки не сводили глаз с поплавок, неподвижно застывших на гладкой поверхности воды.

– Тихо-то как! – произнес Сеня Темный.

– Утки крикают, лягушки квакают... Какая уж тут тишина! – возразил Миша Чибисов.

– А по-моему, это как раз и есть настоящая тишина. Только представь – вокруг ни одного звука, ни одного движения... Это уже вовсе не тишина, а безжизненное безмолвие...

И вдруг вдаль послышался гул, напоминающий завывание работающего мотора.

– Скорее под мостик! – крикнул Миша.

Ребята быстро юркнули под деревянный настил лодочного причала.

– От греха подальше, как говорит наша соседка баба Таня, – шепотом, оправдывая вынужденное бегство в укрытие, произнес Сеня. – Осколки-то летят как им вздумается. Не дай бог и нас настигнут...

На днях из Одессы пришел в Херсон караван судов с ранеными. Не успел пароход «Новороссийск» причалить к морпорту, как неожиданно появились «юнкеры», сбросили бомбы на суда с красными крестами. Одна бомба чудом не угодила в корму

«Котовского», который готовился швартоваться вслед за «Ново-российском». Дежурный матрос на портовой вышке не растерялся, пулеметной очередью сорвал новую атаку вражеских самолетов. Однако после этого случая «юнкерсы» ежедневно появлялись с внезапными «визитами» в небе над Херсоном...

Находясь под причалом, приятели уловили, что звуки мотора разносятся понизу, над водой.

– Глиссер, – первым догадался Сеня.

Он выскочил на песчаный берег и стал вглядываться в даль. Из-за мыса Малого Потемкинского острова показался быстроходный катерок.

– Вижу одного! В тельняшке...

– Значит, наш! – обрадовался Миша.

Ребята замахали руками, приветствуя моряка.

А тот почему-то повернул к ним, гася скорость глиссера.

Пристав к берегу, широкоплечий краснофлотец с бронзовым от загара лицом спрыгнул на сушу. Закурив «беломорину», он выдохнул дым и лишь после этого поинтересовался:

– Хлопцы, вы в курсе, какая в городе обстановка? Немцы есть?

– Немцев нет! – с готовностью ответил Сеня.

– А вот обстановка ненормальная, – опережая товарища, затараторил Миша. – В городе безвластие. В магазинах и на складах бери что хочешь и сколько хочешь – никакой охраны.

– Вас как величать? – неожиданно спросил моряк.

– Миша.

– Сеня.

– А меня Василий. Вот и познакомились.

В это время из-за мыса выскочил еще один глиссер с двумя моряками-краснофлотцами. Они подплыли к беседующим.

Василий, бросив папиросу на песок, придавил ее каблуком и сообщил прибывшим:

– Пацаны говорят, что немцев в Херсоне нет, но и порядка тоже нет! Грабеж, безвластие...

И затем он приказал двум морякам-глиссеристам:

– Смотайтесь в порт, уточните ситуацию на месте. А я возвращаюсь к своим, сообщу командованию свежие сведения...

Василий повернулся к ребятам.

– Держите краба!

Он по очереди подал каждому свою сильную широкую ладонь.

– Бывайте!

Глиссеры, набрав скорость, исчезли из виду.

– Знаешь, кто это? Разведчики! А Василий среди них старший, – сделал вывод Миша. – Я вот расскажу нашим островским, ух, как они завидовать будут, что мы разведчикам помогли!

Рыбалка друзей теперь не интересовала. Война вновь напомнила о себе, от нее нигде не скроешься.

– Говорят, что немцы уже в Николаеве, – сказал Сеня.

– Совсем-совсем рядом от нашего города, – добавил Миша.

Через час на Днестре показались военные корабли. Они шли кильватерной колонной. За ними буксиры тянули груженные баржи. Это была Дунайская военная флотилия, которой предстояло защищать Херсон от нападения врага.

2.

С появлением Дунайской военной флотилии прекратились налеты немецких бомбардировщиков. Зенитки на бронекатерах плотным огнем не раз и не два встречали непрошенных гостей, у тех отпала охота появляться в небе над Херсоном.

В городе вновь заговорило радио. Прозвучало обращение военного коменданта, капитан-лейтенанта Балакирева к населению: соблюдать порядок, прекратить грабежи складов и магазинов, а всем мужчинам призывного возраста прийти в военкомат.

Однако временное затишье не вселяло уверенности жителям города. По улицам беспрерывно шли беженцы, части отсту-

павшей 9 Армии. Круглосуточно работала переправа: паромы перевозили людей, военную технику, скот. Просочились слухи, что немцы прорвали фронт севернее Николаева и развивают наступление на Каховку.

Далекie разрывы, будто раскаты грома, раздавались все чаще. Страх поневоле вселялся в души херсонцев, мрачные мысли о своем будущем лишали их сна.

Тихон Федорович, шлюпочный мастер, ночами устраивал в огороде блиндаж. Стены в яме укрепил досками, сверху настелил бревна и все это уплотнил толстым слоем грунта.

«Будто скифский курган в миниатюре возник на нашей усадьбе», – подумал Сеня, глядя на творение отца.

Сын поинтересовался:

– Батя, а разве нас это спасет?

Тихон Федорович буркнул в ответ:

– По крайней мере, от бомбежек уберезет!..

Послышался стук в калитку.

– Сенька! На минутку!

У входа стоял Леня Лагутенко. Он был в выцветшей тельняшке, на брюках – широкий матросский ремень с начищенной до блеска бляхой. Леню ребята уважали за силу и независимый характер, любили за веселый и добрый нрав. Он легко сходилcя и со взрослыми, и с теми, кто был моложе его. Именно из таких, как Леня Лагутенко, и вырастают вожаки. Недаром же его единогласно избрали капитаном островской футбольной команды.

– Сеня, предупреди Чернявских, Сережу Бабенко – через неделю у нас игра с забалковскими, я с ними уже договорился... А к Запорожчукам, Шуре Падалке, Мише Еременко я сам зайду.

3.

Утро 19 августа было необычайно тихим. Застыл, словно онемел, камыш. Затихли лягушки, прекратив кваканье. Умолкли и птицы. Но тишина была недолгой. В воздухе возникло нара-

тающее слитное шуршание. На небольшой высоте тучей летели красные бабочки. А чуть погода вслед за ними начался лет желтых бабочек.

– Ого, сколько их! Куда они летят? – Сеня проводил взглядом бабочек.

Его отец стоял возле блиндажа с лопатой в руках. Он покачал головой, удивляясь такому невиданному зрелищу, от которого, впрочем, в душе родилось беспокойство.

– На восток путь держат, от войны улетают...

Крестясь, зашла во двор к Темным соседка, баба Таня Черникова.

– Катерина! Ой, не к добру это! Бабочки – будто затмение Божие! – обратилась она к Сениной матери.

– Сегодня спасивка – спас яблочный. Господь хочет убереечь безвинных тварей от лиха, – объяснила Катерина.

– А кто нас спасет? Чем мы провинились перед Господом? – из глаз бабы Тани скатились слезинки, и она снова перекрестилась.

Вдалеке послышалась стрельба. Со стороны кирпичного завода мерно застучал пулемет: та-та-та...

– Кажется наш «максим», – высказал предположение Тихон Федорович.

Затем, где-то на окраине Сухарного, зашипел по-змеиному другой пулемет.

– А это немецкий... Значит, враг уже в городе.

И Тихон Федорович изо всей силы воткнул лопату в землю. Нервное напряжение, которое копилось в нем все эти дни, будто искало выхода наружу.

Глава 2

Воздушный бой. Немецкие танки в порту. Неравная схватка: бронекатер затонул, «Очаковский канал» сел на мель. Ночная вылазка за оружием.

1.

К полудню в небе разгорелся воздушный бой. Наши «ястребки» смело атаковали немецкие «мессершмидты» или «мессеры» – так их в основном называли летчики.

Борьба шла на равных, поскольку количество было одинаковым – по два самолета. «Ястребки» явно уступали в скорости «мессерам». Однако наши летчики искусно маневрировали, удачно избегая пулеметного огня противника. Юркие «ястребки» свечой взмывали вверх, разворачивались, чтобы с высоты напасть на фашистские машины.

– Бейте их! Так им, так! Бейте немцев! – возбужденно приговаривал Сеня, подбадривая наших летчиков.

Рев моторов, частое стрекотание крупнокалиберных пулеметов было слышно далеко. Воздушный бой шел над Чернобаевским аэродромом.

Сеня, чтобы лучше было наблюдать за поединком, уселся на воротах. Краем глаза парнишка заметил, что этот бой всецело захватил и его соседа. Дед Козачок, сторож островской школы № 9, подняв голову, безотрывно смотрел в небо.

– Сенька, слезай сейчас же! Уселся, как живая мишень! – крикнул Тихон Федорович на сына. – Не дай Бог, немецкий снайпер на мушку возьмет... Ему все равно в кого стрелять – в ребенка или в солдата...

Но стоило зайти отцу в дом, как Сеня перелез через ворота и прошмыгнул во двор к соседу Козачку.

А сражение в небе не утихало. Наоборот, дело приняло серьезный оборот.

Немецких самолетов прибавилось: сначала на подмогу прилетела пара «мессеров», потом еще один и еще...

– Раз, два... пять... – начал считать дед Козачок. – Уже семь немецких самолетов!

«Ястребкам» нелегко было оставаться невредимыми в этой круговерти. Они по-прежнему искусно уклонялись от пулеметных очередей, используя преимущество в высоте.

Солнце уже находилось в зените. Немецкие летчики применили хитроумную тактику. Четыре «мессера» атаковали «ястребки», отвлекая внимание наших летчиков. А в это время другие «мессеры» заходили в пики из-под солнца в хвосты двум нашим истребителям, строча по ним без помех.

Вскоре на одной «краснозвездной» машине заглох подбитый мотор. Самолет, планируя, начал спуск к нефтегавани. За ним тянулся черный шлейф дыма.

Прошло несколько минут, но взрыва не последовало.

– Наверное, наш летчик на воду самолет направил, – высказал догадку дед Козачок. – Скорее всего, на Стеблиевском озере посадку совершил...

Второй «ястребок» какое-то время отбивался от наседавших на него семи «мессеров». Но и его участь была решена. Очевидно, в бензобаке самолета горючее закончилось, мотор стал «чихать», и «ястребок» потерял скорость. Как раз в этот момент его прошило пулеметной очередью.

Самолет снизился чуть ли не до верхушек верб и через Днепр стал уходить в сторону Кардашинки. Один «мессер» пустился за ним вдогонку, сопровождая до середины Днепра, но затем полетел вспять.

– Эхма! Количеством, гады, берут! – сокрушенно воскликнул дед Козачок.

– А на равных им не под силу наших одолеть, – добавил Сеня.

И старый, и малый впервые оказались свидетелями воздушного боя и были потрясены его исходом.

От переживания у Сени пальцы сжались в кулачки. Утешало лишь то, что взрывов от падения «ястребков» не было слышно, и значит, летчики остались живы. С хмурым лицом зашел Тихон Федорович.

– Так вот ты где! – обратился он к сыну. – А ну, марш домой!..

Сеня не успел увернуться от ремня. Отец огрел сына по спине и вдоваков деда Козачка обозвал старым дурнем.

– Это ж война, а не цирк! А вы тут рты поразевали!..

2.

Через какой-то час эхо близкой канонады достигло Карантинного острова. Уханье разрывов и треск выстрелов доносились от морпорта.

– Айда на лесопилку! – скомандовал Леня Чернявский. – Оттуда будет видно всю панораму боя.

Шура Теленга, Андрей Запорожчук, Миша Еременко, другие островские мальчишки без раздумий побежали к штабелям бревен, которые высились на самом берегу острова.

От причальной стенки порта, набирая скорость, уходил буксир «Очаковский канал». На его палубе находились моряки. Очевидно, они были последними, кто покидал город, защищая его от врага.

На пристань выскочил немецкий танк, у которого на башне четко выделялась белая паучья свастика. С кормы буксира тотчас по нему выстрелила пушка.

Прозвучало еще несколько залпов – это с бронекатера Дунайской военной флотилии метили в танк. Вероятно, командир корабля приказал орудийному расчету вызвать огонь на себя, чтобы группа моряков на «Очаковском канале» могла беспрепятственно отойти на безопасное расстояние.

Танк, выстрелив по бронекатеру, быстро спрятался за зданием морпорта и стал недосягаем.

– Смотрите, – воскликнул Леня Чернявский, – фашист попал в наш корабль! Прямо в рубку!

На борту бронекатера, который после попадания снаряда развернуло боком, можно было разглядеть номер – 203.

Вражеский танк вновь высунулся из-за угла своего укрытия. Теперь наш бронекатер, потерявший ход, был для немецкого экипажа отличной мишенью, и танкисты тот час же этим моментом воспользовались.

После серии выстрелов 203-й бронекатер загорелся: один снаряд попал в машинное отделение. По инерции судно еще двигалось несколько минут к середине Днепра, а затем перевернулось через левый борт. Совсем недолго бронекатер плыл по течению, пока полностью не погрузился в воду. И в том месте возник фонтан, воздух с шипением вырывался наружу.

А немецкий танк тем временем переключился на буксир «Очаковский канал», который оказался на речной отмели.

– Елки-моталки! Буксир с фарватера свернул! – Шура Теленга схватился за голову, представляя, что сейчас произойдет, и снова повторил: – Елки-моталки!

– Кто-то вежи, указывающие безопасный проход, снял, – удивился Андрей. – Вчера они здесь стояли. Из-за этого буксир и сбился с курса...

На пристани появился еще один танк со свастикой. Он с ходу выпустил несколько снарядов по буксиру.

Прямой наводкой судно было подбито. Моряки, спасаясь от гибели, прыгали в воду, плыли к камышам. И фашисты строчили по ним из пулеметов.

Ребята сидели на бревнах, затаив дыхание. Они видели, что в трагическом поединке побеждал неприятель. И от этого в их душах скребли кошки.

– Вот и объявился враг в Херсоне нежданно-негаданно, незванным гостем, – со вздохом произнес Шура Теленга.

– Если бы гостем! – возразил Миша Еременко. – А то ведь наглым захватчиком!..

Тяжело было мальчишкам наблюдать за неравной схваткой, в которой наши моряки ничего не могли противопоставить немцам. И неудивительно. У фашистов уже имелся значительный опыт по внезапному захвату европейских стран...

Чтобы разрядить тягостную минуту, Андрей Запорожчук с ухарством обратился к друзьям:

– Давайте-ка смотаемся в темноте на «Очаковский канал»! Может, раздобудем там матросские ремни...

Такие ремни – широкие, кожаные, с якорями на латунных бляхах – давняя мечта островских мальчишек. Немногие из них были обладателями этих ремней. Леня Лагутенко, капитан футбольной команды, да Сеня Темный. Вот, пожалуй, и все...

3.

Ночная вылазка удалась.

Только вместо матросских ремней ребята обнаружили на верхней палубе буксира оружие и боеприпасы.

– Вот это да! – присвистнул от изумления Петя Чернявский. – Да здесь же целый арсенал!

– Тише ты! – дернул за рукав его двоюродный брат Леня. – Еще услышит нас кто-нибудь...

– Надо все отсюда забрать, чтобы ничего не досталось врагу, – вполголоса произнес Шура Рублев.

Ребята загрузили в лодку несколько винтовок и ящики с патронами. Взяли часть гранат.

– Хорошо, что нас никто не опередил, – радовался Андрей Запорожчук.

– Хлопцы! Ведь в затопленных каютах тоже может быть оружие, – возникло предположение у Миши Еременко.

– В другой раз на буксир втихаря наведемся. В любом случае за одну ходку все не заберем, – успокоил Петя, – Одно ясно, такое богатство ни за что немцам не оставим!..

В возбужденном состоянии, какое обычно бывает при неожиданной удаче, мальчишки покинули буксир. Но плыли к берегу осторожно, чтобы их не выдали громкие всплески. Весла предварительно обмотали тряпками.

Враг уже был в городе, однако на остров еще не ступала его нога. Поэтому все обошлось без особых приключений.

Оружие замаскировали в камышах.

– После перепрычем в более надежное место, – сказал Андрей.

Но никто не уходил от тайника. Мальчишки они и есть мальчишки. Им хотелось прямо сейчас пострелять из винтовок, похвастаться друг перед другом, кто из них самый меткий. Все же, понимали, что этого делать никак нельзя, выстрелы привлекут внимание и островских жителей, и немцев. Да и светало уже.

– Ладно, пора по домам! Если кто-нибудь встретится случайно, будет спрашивать, где мы были, отвечаем: на рыбалке... – предупредил Петя.

– Рыба-то где? – улыбнулся Шура Рублев.

– А не было в эту ночь клева!

Глава 3

Вторжение немцев на остров. Оккупанты ловят гусей. Ганс из дивизии СС «Адольф Гитлер» слушает патефон.

1.

Немецкая разведка появилась на Карантинном острове лишь на следующий день после захвата Херсона.

Первым делом немцы отыскивали понтон, который был частью разводного наплавного моста через реку Кошевую. Понтон обнаружили в затоне судоремонтного завода. Катером отбуксировав его на место, оккупанты восстановили мост. И тут же пустили по нему технику и живую силу.

Прильнув к забору, Сеня старался ничего не упустить из увиденного. «Так, автомашины с прислугой и четыре пушки... двадцать пять мотоциклов с колясками – по три автоматчика на каждом мотоцикле... А вот четыре автомобиля, груженные моторными лодками... Легковушка – там, наверное, офицеры... Колонна велосипедистов – до сотни человек...»

Не только Сеня был свидетелем вторжения немцев на территорию острова. И другие мальчишки скрытно наблюдали за их передвижением. Дети по наивности верили, что война долго не продлится. Стоит нашим войскам собрать все силы в кулак и ударить по врагу, от него только мокрое место останется. Дети были убеждены, что со дня на день в Херсоне высадится десант Красной Армии. И бойцам непременно понадобятся сведения о численности врага, о местах расположения немецких постов, вражеских орудий...

Пока же на острове хозяйничали оккупанты. Свои пушки они выставили возле бывшей лесопилки Шульца, на берегу Днепра. Их непонятный говор слышался теперь повсюду – на Докстрое, среди домов жителей острова.

Первого немца вблизи Сеня увидел, когда тот шел к помпе. На груди его, наперевес, висел автомат. В руке он, как корзинку, держал за ремешок каску, почти полную яиц. «Уже успел у какой-то хозяйки дань силой взять...» – с неприязнью подумал Сеня.

Парнишка отметил, что немец совсем не похож на своих собратьев, карикатурно изображенных на плакатах. Это был рослый, плотного телосложения блондин. Рукава его форменной рубашки закатаны по локоть.

Из-за угла дома появился Федя Казанчик и чуть не столкнулся с автоматчиком. Не растерявшись, Федя отдал честь немцу, и тот в ответ по армейской привычке козырнул, заученно щелкнув коваными подошвами ботинок. А затем сообразив, что оплошал, сплюнул, сердито ругнулся по-своему.

Федя понял, что немец хочет пить, подбежал к помпе и с готовностью стал качать воду. Теперь, в свою очередь, пришлось Сене плевать. Его покорило угодничество Феди Казанчика. «Дать бы ему по шее пару раз, чтобы не пресмыкался перед врагом»...

От реки донесся сильный шум. Было слышно гоготанье гусей, хохот, крики. Оказывается, со двора Прокофия Харченко выскочили через калитку гуси. Они, хлопая крыльями, с радостью устремились к воде. Гусей долго держали взаперти, хозяин строго-настрого приказал не выпускать их на волю, чтобы уберечь от немцев. По-видимому, насыпав корм птице, хозяйка, тетка Мария, забыла закрыть дверцу, и гуси тотчас воспользовались свободой. А в этот момент несколько автоматчиков, оставив мотоциклы на берегу, надумали освежиться в Днепре. И тут такая удача – гуси чуть ли не в руки идут! Быстро скинув одежду, немцы бросились в воду, принялись ловить самого крупного гусака. Им долго не удавалось его поймать, но все-таки гусаку не повезло. Рыжий немец, победно подняв над головой жертву, довольно зареготал. А через непродолжительное время еще двоим гусям были свернуты шеи.

Свою добычу немцы отдали тетке Марии, приказав зажарить птицу на ужин.

Сеня представлял, с каким сердцем тетка Мария будет готовить еду: из своего же добра для непрощеных квартирантов.

Тихон Федорович, укладываясь спать, вздыхал, его угнетало увиденное за день. Сеня слышал, как отец рассказывал матери, уже лежа в кровати:

– А я видел Масля с хлебом-солью в руках. Видно, заранее к приходу оккупантов готовился. Встречал их, как желанных дорогих гостей...

Теперь и Екатерина Ефимовна принялась вздыхать:

– Ой, что нас ждет? Что ждет?.. От этих оккупантов добра уж точно не будет...

2.

В ходу появилось незнакомое, не употреблявшееся до сих пор на острове, слово «оккупант».

Все наиболее интересные события происходили теперь на улице.

И Сеня держался возле ворот своего дома, хотя и был постоянно начеку. Мало ли что может случиться, когда рядом враг – завоеватель...

И все-таки любопытство побеждало страх.

Подошел Петя Чернявский и негромко произнес:

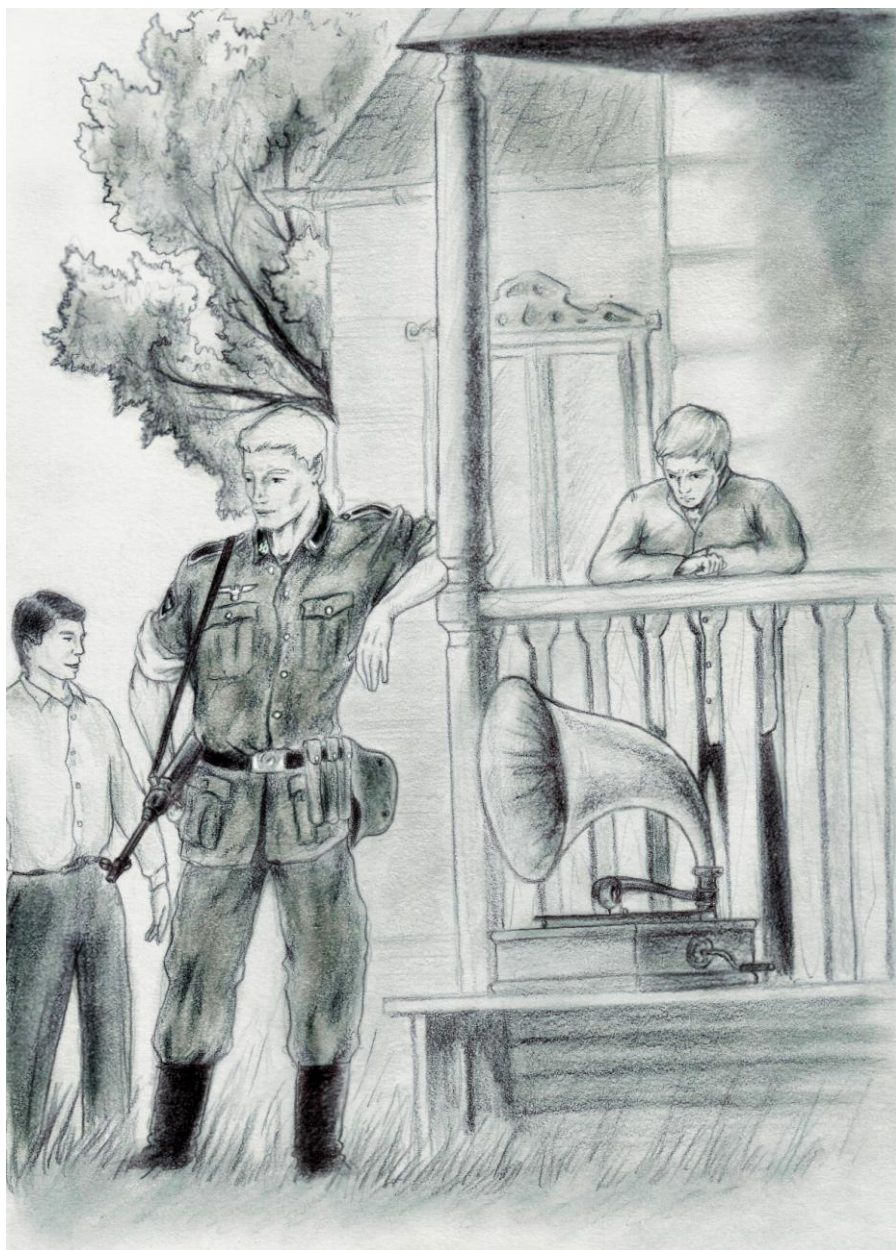
– Привет, Сеня! Как стемнеет, приходи к ложбине, между первым и вторым островами. Соберемся у поваленного дерева. Есть серьезный разговор...

Только Петя удалился, как из дома Прокофия Харченко высыпали немцы. После сытного ужина с шнапсом они были явно навеселе. Увидев островских девчат возле помпы, набирающих воду в ведра, немцы подошли к ним, начали приставать, угощать шоколадом.

Сеню позвала мать, и он заторопился в дом.

И отец, и сестры уже сидели за накрытым столом.

– Ты хоть ел сегодня? – спросила мать сына. – Садись вечерять...

И Сеня лишь сейчас почувствовал, как он сильно проголодался. А ведь за весь день и крошки не проглотил – не до того ему было.

Наскоро перекусив, Сеня предупредил родителей, что будет спать под грушей в саду.

– Там намного безопаснее. Если вдруг стрельба или бомбежка – мне до блиндажа рукой подать...

Но в уме у него другая мысль созрела: ночуя на воздухе, он мог незаметно исчезнуть, чтобы встретиться с приятелями...

Солнце клонилось к закату.

Бесцеремонно толкнув носком ботинка калитку, вошел знакомый рослый немец, которого Сеня видел днем возле помпы. За ним следовал Федя Казанчик.

– Они просят музыку... – угодливо улыбаясь, объяснил Федя. – А у вас есть патефон.

– Я-я... музык...патефон... – подтвердил подвыпивший немец и хлопнул себя в грудь ладонью. – Ганс...

«Значит, Гансом величать. Принесла вас нелегкая!» – чертыхнулся Сеня. Но пришлось подчиниться, ведь просьба завоевателя – это то же самое, что беспрекословный приказ.

Сеня вынес патефон во двор, установил на крыльце. Поставив пластинку, предупредил:

– Другой нет, только эта... И хриловатый голос запел: «Если завтра война, если снова в поход...»

Покачивая головой в такт музыке, немец приговаривал:

– Гут...гут...

А когда песня закончилась, он откатил рукав, на котором виднелась нашивка с немецкой надписью «Адольф Гитлер». Немец быстро залопотал, с гордостью поднимая вверх большой палец и повторяя:

– Я-я. Адольф Гитлер!..

– Это он показывает, что на наш остров прибыли части дивизии СС «Адольф Гитлер», – сказал Федя Казанчик. – И Ганс из этой дивизии...

Глава 4

Дом тюремных рыбаков. Клятва юных патриотов. Вторая вылазка за оружием на затопленное судно. Ночная стрельба. Арестованы мужчины островского поселка. Гитлеровцы наводят порядок под страхом смертной казни.

1.

Возле бывшего дома тюремных рыбаков стояла немецкая пушка. Ее дуло было направлено в сторону морпорта.

У Сени, проходившего мимо, отложился в памяти и этот факт.

Совсем некстати вспомнился рассказ отца о тюремных рыбаках, которые жили в кирпичном доме на берегу Днепра. Они были бесконвойные, то есть никто их не охранял. Эти люди ловили рыбу и лодкой поставляли улов в центральную городскую тюрьму – для пропитания заключенных... Но уже лет пять по какой-то причине тюремные рыбаки отсутствовали. Дом – кирпичный, добротный, с большим подвалом – долгое время пустовал, пока его не занял со своей семьей Михаил Еременко – полный тезка Сениного товарища Миши Еременко, жившего в противоположном конце островского поселка. И если шла речь о Михаиле Еременко, то островитяне сразу же уточняли: кого имеете в виду – старого или пацана?..

Когда Сеня подошел к ложбине, там уже ожидали Петя и Леня Чернявские, Андрей и Федя Запорожчуки, Шура Рублев.

Не успел Сеня присесть на поваленное дерево возле приятелей, как появились Шура Теленга, Миша Еременко и Сережа Бабенко.

Петя оглядел собравшихся внимательным взглядом и, как никогда серьезно, обратился к друзьям:

– Не буду ходить вокруг до около... Вы знаете, фашисты уже хозяйничают на нашем острове. И мы с вами собрались здесь, чтобы решить: что нам делать? Одно скажу, равнодушно наблюдать за действиями завоевателей – не имеем права!

Голос Пети налился металлом.

– Твоя правда, не будет спокойной жизни врагу! – подтвердил Андрей. – У нас есть оружие...

Парень осекся, поняв что сболтнул лишнее. Ведь не все из присутствующих были прошлой ночью на «Очаковском канале», не все знали про спрятанные винтовки и боеприпасы.

Однако Петя не стал делать из этого тайны. Иначе зачем было приглашать ребят на сходку...

– Да, мы уже имеем кое-что. И в нужный момент в нужном месте это оружие обязательно применим против врага...

После такого признания и Ленья, и Андрей наперебой принялись рассказывать о том, сколько стволов, гранат и патронов они взяли на морском буксире, как надежно все это укрыли от посторонних глаз.

Сеня, Сережа Бабенко, Федя Запорожчук и Шура Теленга слушали, раскрыв рты. В душе они завидовали своим товарищам, которые в первый же день появления врага в Херсоне завладели боевыми винтовками.

– Но там еще есть, – успокоил ребят Петя. – И нам снова предстоит побывать на судне, забрать остальное оружие.

Он подумал несколько минут, словно взвешивая свои мысли, и произнес:

– Сегодня вряд ли получится. Немцы выставили усиленные караулы на берегу, ведут себя очень настороженно. Попробуем завтра...

Никто с Петей не спорил. Негласно ребята считали его своим вожаком. Ему было 17 лет. Он признавал только короткую стрижку. Особо выделялись у него глаза – серьезные, не по годам строгие.

– А сегодня мы собрались с одной целью, – продолжил Петя. – Надо решить, как нам действовать, чтобы не давать покоя врагу. Но сначала мы должны дать клятву...

Петя вынул из кармана листок.

– Я заранее написал слова. Послушайте... – не глядя в бумагу он наизусть отчеканил: – Клянемся беспощадно мстить врагу! Клянемся свято хранить тайны, не выдавать их даже под страхом смерти!..

– Клянемся!.. Клянемся!.. – повторяли за Петей остальные ребята.

Возникла долгая пауза. Никому не хотелось нарушать торжественную тишину. Только что произнесенные слова клятвы накрепко связали ребят незримыми нитями, каждый из них ощутил необыкновенный прилив сил и духа. Им теперь казалось, что и они нисколько не слабее захватчика, могут ему противостать, тем более в их руках тоже оружие...

– Пока нас маловато, всего девятеро, – первым прервал молчание Андрей. – Надо бы еще привлечь надежных хлопцев.

– Обязательно! Шура Падалка, Миша Деев, Леня Лагутенко, Валя Кабаков... Все наши островские парни – вместе в школе учились, вместе кожаный мяч гоняли... Знаем друг друга не один год, – сказал Петя.

– Про Мишу Чибисова забыли, – напомнил Сеня.

Но Шура Рублев фыркнул недовольно:

– Да Миша этот – самый главный врунишка и хвастунишка на острове! Он обо всем проболтается первому встречному и сам не поймет, как у него такое получилось!.. Ты бы еще предложил кандидатуру Феди Казанчика...

Хорошо, что сумерки скрыли, как густо покраснел Сеня. В словах Шуры была несомненная истина. Миша Чибисов – неплохой товарищ, но балаболка еще тот – любую девчонку переговорит. А Федя Казанчик – бесхребетное существо, каждому угодить норовит. Вот уже и с немцами дружбу завел.

– Будем отбирать ребят толковых, смелых и надежных, – сказал Миша Еременко. – Мяч гонять и против врага идти – вещи несовместимые. А дело мы затеяли нешуточное!

– Между прочим, наш капитан Леня Лагутенко наметил футбольный матч с забалковскими соперниками. – Федя Запо-

рожчук рукой растер ногу, которую он отсидел, подложив под себя. – Да вот, не придется сыграть...

– Сначала оккупантов надо прогнать из города, а потом и до футбола очередь дойдет, – заверил Петя.

2.

Оккупанты, состоявшие из немцев и румын, на первых порах охраняли остров и днем, и ночью. Знали, что за Днепром, на левом берегу, в плавнях, находились партизаны, а в Цюрупинске занимали позиции войска Красной Армии. Нападение с их стороны могло быть каждую минуту, и фашисты не смыкали глаз, часто проводили смену часовых, которые ходили вдоль берега.

И лишь на четвертый день пребывания захватчиков на острове юные заговорщики решились вторично совершить вылазку на морской буксир «Очаковский канал». Ребятам показалось, что немцы несколько успокоились – никто их не тревожил все эти дни.

В лодку уселись Леня и Петя Чернявские, Андрей Запорожчук, Шура Теленга и Миша Еременко. А Сеню и Сережу Бабенко оставили на складе леса – следить за немецким караулом.

– Не засните на стреме и чуть что – давайте нам сигнал, – предупредил Петя, последним усаживаясь в лодку.

Андрей предварительно смазал солидолом уключины, весла опять обмотал тряпками. И Сеня с Сережей, как ни напрягали слух, не могли понять: движутся их соратники по воде или на месте стоят.

Ночь была темная, беззвездная и безветренная. Неимоверно досаждали комары. Они гудящей тучей вились над мальчишками, которые сидели на штабеле бревен.

– Кровопийцы! – стонал, отмахиваясь от комарья Сережа. – Садисты!

Сеня натянул рубаху на голову, оставив лишь щелку для глаз.

– Бери с меня пример, – посоветовал он товарищу.

После полуночи насекомые утихомирились, и мальчишки вздохнули с облегчением.

Глаза их постепенно свыклись с темнотой. Неподдалеку был дом тюремных рыбаков. Теперь в нем обитали и немцы, потеснив семью Михаила Еременко.

Периодически часовые выходили из дома, направлялись к берегу, стояли какое-то время, прислушиваясь к ночной тишине, и снова удалялись. Очевидно, под крышей они чувствовали себя спокойнее и увереннее...

Зоркие глаза ребят хорошо различали их силуэты.

«Ага! Гитлеровцы сменили тактику... – подумал Сеня. – Теперь часовые не курсируют постоянно вдоль реки, как вначале – в первые дни оккупации острова. Что ж, нам это только на руку...»

Мальчишкам казалось, что прошла вечность. На востоке начало слегка светать небо. А их товарищи все еще на «Очаковском канале», хотя пора бы им уже возвращаться. Мрачные мысли полезли в голову. К тому же, и часовые чаще стали выходить из дома тюремных рыбаков.

Один немец поднял плоский камешек, заправски бросил его в воду. «Словно у островской ребятни научился», – наблюдал за немцем Сеня. У детей игра называлась «дед бабку перевезет». Заключалась она в том, чтобы камешек как можно дольше прыгал по поверхности воды. У кого было больше таких «прыжков», тот и становился победителем.

– Три раза всего... Слабак! – высказался Сережа. – Я камешки лучше кидаю, у меня рекорд – восемь «прыжков»...

– Молчи! – Сеня дернул друга за рубаху. – Кажется, плывут...

Послышался легкий всплеск. Сеня чиркнул спичку, что означало сигнал «опасно». Однако и немец успел уловить посторонние звуки. Он побежал в дом, вероятно, для того, чтобы сообщить о подозрительном и вызвать подмогу.

Ребята в лодке мгновенно оценили обстановку. Плыть на другую сторону Днепра, чтобы отсидеться в камышах, не имело

смысла. Во-первых, за ними послали бы погоню, а во-вторых, при возвращении домой ситуация могла повториться. Поэтому выбрали наиболее приемлемый вариант – грести к берегу, до которого уже рукой подать. Друзья налегли на весла.

Сеня и Сережа быстро спустились с бревен, поджидали товарищей. Выскочив из лодки с оружием, ребята побежали к штабелю, где темнота была гуще.

– На держи! – Андрей передал Сене винтовку, а сам снова вернулся к лодке и резко оттолкнул ее от берега.

– Теперь не узнают, что это наша лодка. Теперь концы в воду... – объяснил он свой поступок, вернувшись к друзьям.

– На этот раз оружия мало взяли. Надеялись на большее... – сказал Шура. – Но нам и этого хватит.

– Сколько было – столько и взяли! – добавил Миша.

Из дома тюремных рыбаков один за другим вышли несколько немцев. Послышались какие-то команды.

– Будем разбегаться! – Петя понял, что их могут вот-вот обнаружить. – А винтовки временно дома спрячьте, после мы их в наш тайник переправим...

Ребята бросились врассыпную. Но гитлеровцы уже успели заметить беглецов, открыли по ним беспорядочную стрельбу.

Петя и Андрей отстали, им нелегко было бежать: у каждого по две винтовки.

Немцы, пустившиеся в погоню, чаще застрочили из автоматов. И вдруг в эту пальбу влились одиночные винтовочные выстрелы.

«Неужели наши отстреливаются?» – подумал Сеня. Он не мог ничего видеть, поскольку уже был за сплошным деревянным забором Докстроля – проскочил через замаскированный проход.

Вслед за ответными выстрелами раздался дикий вопль и послышалась громкая немецкая ругань.

Сеня за считанные минуты оказался в своем дворе, под раскидистой грушей. И вовремя. Частая стрельба разбудила островских жителей, подняла их на ноги. Собаки подняли лай, устроив несусветную переключку. Отец вывел семейство из дома,

сказал, чтобы спрятались в блиндаже. И направился к сыну, который с сильно бьющимся сердечком – от ночных передраг, от быстрого бега – лежал и делал вид, что крепко спит.

Отец толкнул его, произнес чуть слышно:

– Поднимайся, досыпать будешь в блиндаже...

3.

Утром гитлеровцы оцепили первый Карантинный остров. Со всех домов они согнали взрослых мужчин, приказав им взять с собой документы – паспорта и военные билеты. А затем закрыли арестованных в подвале островской школы.

Жители острова понимали, что и облава, и арест были связаны с ночной стрельбой. Но что стряслось – этого еще никто не знал.

Поползли слухи, что фашисты зверствуют. Кто-то видел, как на Красном базаре повесили Мотьку-контролершу. Это была известная личность в городе, гроза торговков. Она безбожно штрафовала тех, кто вовремя не оплатил базарное место. Поэтому торговли ее безмерно боялись. Но чем Мотька-контролерша не угодила немцам? Люди терялись в догадках.

В городе был введен комендантский час. За ночное хождение грозил расстрел. Новый порядок – орднунг – гитлеровцы наводили со всей жестокостью, под страхом смерти. Любое неповиновение тут же каралось беспощадно.

Миша Чибисов ежедневно приходил к Сене. Громко рассказывая ему, как то в одном, то в другом конце города расстреливали местных жителей. Всякий раз его истории были страшнее и страшнее.

– Да откуда тебе все это известно? – удивлялся Сеня. – Ты же дальше нашего поселка нигде не бываешь...

– От людей узнал, – уклончиво отвечал Миша.

Сеня, в общем-то, всегда спокойный, уравновешенный паренек, не выдержал, сорвался.

– Ты вот пришел, наболтал всяких страстей-мордастей и ушел. А мне твои байки боком выходят! Родители слышат все это, и потом отец строго-настрого запрещает мне и сестрам со двора выходить, – высказался он Мише.

– Так что, мне не приходиться к тебе больше? – с обидой спросил Миша.

– По делу приходи. А если страхи на всех нагонять, то лучше не надо. Мы уже можем постоять за себя...

Сеня тут же прикусил язык, чуть не проговорившись товарищу об оружии. С досадой на самого себя, нахмурившись, он буркнул Мише:

– Ну все, иди! Мне надо матери по хозяйству помочь...

Днем мужчин освободили. И Сениного отца тоже. Оказывается, в ночной перестрелке был ранен в руку немецкий офицер. Вот по этому-то поводу и учинили немцы допрос. Виновных не нашли, да их и не могло быть среди задержанных.

А те, кто были причастны к ранению военного чина, вечером собрались в ложбине, чтобы обсудить возникшую ситуацию.

– Я дважды выстрелил из винтовки, – поделился Андрей Запорожчук.

– И я раз... – Петя Чернявский улыбнулся. – А все-таки, нагнали мы страху на врага! Ну что ж, можно утверждать, что это наше первое боевое крещение!

– А что дальше? – спросил Сережа Бабенко.

– Будем действовать по обстановке – ответил Петя.

Глава 5

Повешенный моряк. Один против гитлеровцев. У Лары Аникиной. Встреча с Дифой-Фридой. Чтение дневника. Успех на концерте. Маленькая месть за моряка-героя.

1.

Ночью была гроза.

Шура вышел утром на берег Днепра. Плеск набегающих волн, загадочный шорох камыша затронули в его душе какую-то особую струну. Ему захотелось что-то немедленно совершить, куда-нибудь спешно податься. Одним словом, действовать, а не отсиживаться в четырех стенах.

«Надо бы Толю Тендитного проведать», – тотчас вспомнил Шура о своем друге.

Он зашел в дом.

Отец его, Яков Федорович Рублев, сидел у окна на лавке и, думая о своем, смотрел на плавни.

– Батя, я в город схожусь.

– К Тольке, небось? – догадался Яков Федорович. – Ну, да ладно. Разве тебя удержишь? Пускай Валюша на дубивке перевезет...

Шура с сестрой переправились через Кошевую, пристали к Алешковской пристани. Брат сошел на деревянный причал, а Валентина, сев за весла, заспешила домой.

Шура пересек железнодорожные пути, вышел к скверику, который был неподалеку от речного вокзала, – чистому, омытому ночным дождем.

В центре скверика он вдруг увидел на дереве повешенного моряка.

Жутко было смотреть на его изуродованное, без глаз лицо – с бурыми пятнами засохшей крови. На голове моряка чудом

держалась бескозырка, одна ленточка зацепилась за ветку. Грудь висельника перекрестили пустые пулеметные ленты.

Шуре стало не по себе. Сердце учащенно забилося – не от страха, а от других, еще неведомых ему чувств. Ярость, негодование, ненависть к врагу переполняли душу мальчишки, болезненно ранив ее.

Поднявшись вверх по улице Коммунаров, Шура машинально свернул на Краснофлотскую. Его окликнули, но он ничего не услышал. Образ моряка, как мираж, безотрывно стоял перед парнишкой.

– Шура! – наконец-то до его сознания пробился голос девчонки.

Это Лара Аникина, одноклассница, обращалась к нему. Она стояла у приоткрытой двери старинного дома.

– Шура! Что с тобой? На тебе же лица нет!..

Рублев неосознанно провел ладонью по лицу, словно проверяя: на месте ли оно?

– Я только что моряка на дереве видел... – глухо произнес он. – Изверги!

– Да, я знаю... – Лара вздохнула тяжело и продолжила: – Наша соседка, Елена Александровна, ты ее должен помнить – она немецкий в школе преподавала, работает теперь в комендатуре переводчицей. Елена Александровна присутствовала при допросах и издевательствах над моряком... Когда рассказывала нам обо всем увиденном, ее бил озноб, слезы текли ручьем...

И Лара в подробностях поведала историю. Шура старался слова не пропустить, все запомнить, чтобы потом в точности пересказать островским ребятам.

Моряк, очевидно, получил задание прикрывать отступление последних защитников Херсона, которые на буксире «Очковский канал» отходили к левому берегу.

Моряка оставили в порту. Командование знало, на кого положиться. Это был сильный духом, волевой воин, который заранее приготовился к худшему исходу.

Моряк обосновался на старой барже, стоявшей у причала. Не очень надежной защитой ему служили деревянные ящики. Зато у него было два пулемета.

Он обложил себя лентами. Тут же под рукой находились четыре набитых зарядами диска для ручного пулемета. А в кобуре – заряженный револьвер.

Вскоре появились гитлеровцы. Моряк подпустил их ближе и дал очередь. Трое немцев ткнулись носами в землю, остальные побежали прочь.

Через время захватчики, сменив тактику, рассредоточились вокруг и, подползая к барже, начали ее усиленно обстреливать из автоматов.

Моряк не спешил, вел бой с завидным спокойствием, экономил заряды. После его коротких, метких очередей кто-то из немцев вскрикивал, оставаясь лежать неподвижно.

Расстреляв ленты, моряк переключился на ручной пулемет. Однако противник по выстрелам понял, что отстреливается один человек. Немцы осмелели, продолжая упорно продвигаться к барже.

Когда и в револьвере закончились патроны, моряк захотел подползти к краю судна, чтобы спрыгнуть в воду. Но этот маневр ему не удался, он был ранен в ногу. Немцы, опередив смельчака, стукнули его по голове прикладом, и он потерял сознание.

При допросах герой не произнес ни слова, даже имени своего не назвал. Его били, истязали, применяя пытки, но и это не помогло: моряк словно онемел. Тогда фашисты отрезали ему, по очереди все пальцы на правой руке. Непонятно, как он мог терпеть адскую боль и ни разу не издать стога! Другой бы на его месте давно лишился рассудка...

Всю ночь герой провалился в закрытом сарае, а наутро его привели на площадь. Там привязали к столбу, так как держаться на ногах у него уже не было сил.

И при кучке напуганных жителей, которых согнали с близлежащих домов, в окружении вооруженных гитлеровцев, кололи его тесаками в грудь, в живот. После вырвали оба глаза. Моряк

умер мученической смертью, и фашисты не смогли ничего добиться от него. Они повесили труп и ушли.

– Он так и остался неизвестным героем, – заключила Лара.

Она, не стыдясь, вытерла слезы. Покраснели глаза и у Шуры, он отвернулся. Но мираж не исчезал: моряк – герой, с пулеметными лентами наперевес, в бескозырке, с черными провалами вместо очей, словно присутствовал рядом, призывая к мести.

2.

– Кто из наших в городе остался? – спросил Шура.

Из «наших» – это из 6-а класса.

– Отличницы Дифа-Фрида Халипер... Вовка Карабин... Хануковы... Лешка Жаров... Катюшка рыженькая... Вовка Григорьев... – с готовностью стала перечислять Лара. – А вот Кира Ясенко, Лена Моралева с родителями эвакуировались. Про других не знаю...

Лара не сводила взгляда с Шуры Рублева, в которого была тайно влюблена. Фигура у него, как у атлета: купание в реке с ранней весны до поздней осени укрепили мышцы. К тому же красивый – слегка вьющиеся темные волосы, густые брови, длинные ресницы. А глаза какие-то таинственные, не поймешь даже какие – не то зеленые, не то серые...

– А чего мы здесь стоим? – спохватилась Лара. – Какая же я негостеприимная! Заходи в дом.

– Да нет, я к Толе Тендитному иду... – стал отнекиваться Шура.

– Хотя бы на минутку, – Лара была настойчива. – Раз уж ты к Толе идешь, то передай книгу Дифе-Фриде. Думаю, тебя не затруднит, они же по соседству живут.

Толя зашел в квартиру Лары. В комнатах было прохладно, толстые стены не пропускали жаркий августовский воздух.

В Лариной комнате у окна стоял стол, за которым она занималась. Возле чернильницы лежала раскрытая тетрадь.

– Представляешь, Шура, отец Дифы-Фриды какой-то чокнутый! Вчера Дифа напомнила мне, что он уже интересовался книгой. Мол, на полке среди собрания сочинений Жюль Верна – пустое место, не хватает одного тома... В городе немцы, людей расстреливают, вешают, а у него книга на уме! До полуночи читала, чтобы сегодня же вернуть ее...

Шура усмехнулся. Он знал старого Халипера – часовщика. Тот в очках, с густой поседевшей растительностью на лице смахивал внешностью на самого писателя Жюль Верна. Мастерская Халипера располагалась в центре города – на Суворовской.

Шура подошел к окну. Случайно глянул на раскрытую тетрадь. На страницах ровным крупным, чуть ли не каллиграфическим, почерком мелькали знакомые имена, и даже свою фамилию он увидел.

– Это дневник. Я его давно веду. Здесь о нашем классе... – спокойно, не смущаясь, объяснила Лара.

В общем-то, ничего удивительного нет. Всем в школе известно, что Лара любит литературу, ей легко даются языки. А еще выпускает школьную стенгазету, заметки для которой практически пишет лишь она да Толя Тендитный. «Между прочим, и Толян ведет дневник», – подумал Шура.

– В этой тетради запечатлены события, которые произошли за два года до войны. Можешь взять, посмотреть...

Лара закрыла тетрадь и протянула Шуру. Поняв, что он колеблется – удобно ли читать чужие мысли, Лара успокоила:

– Здесь ничего такого нет... Обычные отношения обычного класса...

Подходя к дому Халипера, Шура столкнулся с сестрами-близнецами.

«Привет!» – хотел он обратиться к ним бодро и независимо, но у девчонок был такой странный вид, словно они за лето неузнаваемо изменились. И Шура тихо, несмело произнес:

– Здравствуйте... А я к вам... Лара просила книгу передать...

– Мы к отцу идем, – сказала Дифа.

И Шура догадался, что это именно Дифа. Он отличал ее от Фриды по голосу. Сестры были настолько схожи между собой, что все их путали. И чтобы не ошибиться, звали девчонок Дифа-Фрида. Позже Фриде надоела путаница, и она коротко остригла волосы.

Шуре нравилась Дифа, но та об этом даже не имела представления: он скрывал свои робкие чувства от нее. Иногда удивлялся – ну, почему так, сестры выглядят одинаково, а ему по душе именно Дифа, а не Фрида...

Шура обратил внимание, что поверх платков на плечах девчонок были косынки. «Совсем не холодно, даже наоборот, лишнее с себя хочется сбросить, а они...» – подумал он.

Дифа, перехватив удивленный взгляд товарища, развязала узел, сняла косынку и повернулась к Шуре спиной. На белом, в синих цветочках, платье ярко выделялся желтый шестиугольник.

Фрида смотрела в сторону, словно ее это не касалось. Однако Шура заметил, как лицо ее покрылось красными пятнами.

– Для чего это? – слегка заикаясь от возникшего волнения, спросил парнишка.

– А ты разве не знаешь, что всем евреям велено нашить эти знаки?! – с надрывом в голосе воскликнула Дифа.

– Для чего?! – вырвалось у Шуры, хотя он сознавал, что сестрам нелегко отвечать ему.

– А ты у фашистов поинтересуйся! – резко ответила Фрида. – Ну, почему, почему мы не выехали? Почему остались здесь?!

Видимо, эти вопросы возникали не раз и не два. И никто, естественно, не ждал на них ответа.

– Все умные люди уехали. А мы остались, чтобы носить эти позорные знаки... – Фрида жестко глянула на Дифу и приказала: – Закрой желтую метку!

Дифа послушно натянула косынку на плечи, завязала концы.

– Это все папа. Он ходил на совет к родственникам. И те сказали, что немцы обещали вывести всех евреев в Палестину... – объяснила она.

– Как же! Как же! Будет нам райская жизнь! – со злым сарказмом отрезала Фрида.

Шура попрощался с сестрами и последовал к дому Гендитных. Андрей Прокофьевич, отец Толи, был один. Он ворчливо сказал:

– Сын такой же непоседа, как и ты! Заваялся с утра, до сих пор не появлялся...

3.

Вернувшись домой, Шура Рублев уединился. Он раскрыл первую страницу дневника Лары Аникиной и углубился в чтение. И как бы заново окунулся в чудесную атмосферу незабываемой школьной жизни.

1 сентября. 1939 года.

У нас очень интересный класс. В списке есть фамилии Табаков и Тютюнов. А еще двое Хануковых, две Халипер. Двух Черновых перевели в параллельный – 5-б. Лидия Ивановна сказала, что три пары близнецов в одном классе – слишком богатая роскошь.

У всех девочек косы или просто длинные волосы. Только у меня дурацкие мальчишечьи вихры. Витька Цыганенко, по прозвищу Цыган, дернул меня за чуб и спросил: мальчик я или девочка? Не успела я ему ответить, как за меня заступилась Лена Моралева. Она так стукнула Витьку, что он аж закачался. Тут прозвенел звонок, и Цыган лишь погрозил нам кулаком.

Я сижу на первой парте с Бебой Факторовой. Она – хорошая девочка с длинными волосами.

Сзади сидят сестры Халипер – Дифа и Фрида. Они настолько неотличимы друг от друга, что я всегда путаю их. Они очень музыкальны: одна играет на скрипке, другая – на пианино. И очень красивые. Глядя на них, так и хочется сказать, что они, как две утренние, сверкающие на солнце, росинки...

5 сентября 1939 года.

Сегодня был урок физкультуры. Илья Владимирович заставил нас лазать по канату и шесту. Я легко забралась до потолка, и все почему-то удивились моей ловкости. Из мальчишек удалось повторить мой «подвиг» Шурке Рублеву, Лешке Жарову и Гришке Ветренко.

Скоро будут выборы старосты класса и председателя совета отряда.

15 сентября. 1939 года.

В этот день выбирали старосту и председателя. Предлагали несколько кандидатур, а потом класс разделился. Паша, наш вожатый, назвал одних «моралистами», а других «дорошистами». И не зря. Председателем совета отряда выбрали Мишку Дороша. Зато Лена Моралева теперь у нас староста класса. Паша сказал, что нам нужно подготовить праздничную программу к 7 ноября.

22 сентября 1939 года.

Мария Ивановна говорит, что у нас сильный класс по рисованию. А я – бесталанная. Даже спичечные коробки у меня выходят на бумаге какие-то кривобокие и некрасивые. Вот Лена здорово рисует. Надо бы привлечь ее к оформлению стенгазеты.

6 октября 1939 года.

Сегодня дралась с Витькой Цыганом. Он меня обозвал, а я разозлилась, ударила его в грудь. Он размахнулся ногой, но я была начеку. Схватила его ногу, крутнула, и Цыган, выше меня на целую голову, плюхнулся носом на пол. Я, как гладиатор на жертву, победно наступила на него. Класс взвыл от восторга: поверженный Цыган лежал и стонал от боли, а девчонка его придавила ногой...

Если б я не научилась приемам на заставе, которым обучил красноармейцев дядя Вася Егоров, Цыган бы меня изувечил.

Зазвенел звонок. Валентина Николаевна еле успокоила всех и рассадила по местам. Она самая лучшая учительница – преподает нам русский и украинский.

14 октября 1939 года.

Мишка Дорош признался мне, что ему давно, еще с третьего класса, больше всех девчонок нравится Лена Моралева. Помоему, в классе все знают, кто кому нравится.

А недавно среди учеников пошло гулять словечко «париться». Гринька парится за Леной, Фрида – за Лешкой, Мишка – тоже за Леной. Валерка за Ирой... Слово жаргонное, из молодежного лексикона. У меня с Дифой по этому поводу возникла дискуссия. Она считает, что «париться» – значит кто-то за кем-то «бегает, аж пар идет». А я утверждаю, что кто-то хочет быть парой кому-то. Можно спросить у Валентины Николаевны, но как-то неудобно.

25 октября 1939 года.

Скоро выступать, а у нас еще ничего не готово. Вчера на репетиции пирамиды, когда я уже стояла на плечах у Мишки Дороша, он вдруг стал поправлять очки, закачался, и я грохнулась на пол. Теперь вместо Мишки – Шурка Рублев. Он сильный, и мне с ним не страшно. Он живет на острове. Там отчаянные мальчишки. Говорят, что они до октябрьских праздников в реке плавают.

4 ноября 1939 года.

Вожатый Паша устроил генеральную репетицию. Сказал, что завтра вечером в 18.00 мы выступаем в агитпункте, который находится в здании городской поликлиники.

Два года прошло с того памятного концерта, а Шура помнит его до мельчайших подробностей.

Открыл концерт Паша. Он был в черном костюме и белой сорочке с галстуком.

Вначале дети выступили с литературно-музыкальной композицией.

Читали стихи, пели песни. «Никогда! Никогда! Никогда! Коммунары не будут рабами!» – скандировали мальчишки и девчонки в пионерских галстуках, завершая первый номер.

Пока девчонки переодевались для танца, Дифа заполнила паузу игрой на скрипке.

И вот вожатый – конферансье объявил: «Матросский танец! У рояля – Фрида Халипер»!

Девчонки в матросках, взявшись за руки, качались в такт музыке, изображая волны. А затем кок Лена Моралева и кочегар Ада Вайнштейн затеяли шуточный спор-поединок: кто важнее на корабле? Сперва Лена в белом поварском колпаке огромной поварешкой замахивалась на Аду, вымазанную сажей, которая защищалась кочергой. После Ада пускала в ход кочергу, и Лене приходилось отступать. Между делом девчонки отбивали дробь и чечетку, корчили такие уморительные мины, что в зале смеялись до слез.

Успешно выступили и акробаты. Пирамиды «конструировались» под дружные аплодисменты зрителей.

Проникновенно, на «бис» читала стихи Кира Ясенко:

Жили три друга – товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга – товарища
Взяты фашистами в плен...

Пожилые женщины, сидевшие в первых рядах, не стыдясь, вытирали слезы.

После концерта Паша – вожатый подытожил: «Искусство – великая сила! Вызывает у человека смех и доводит до слез. Вы сегодня выступили превосходно: люди и смеялись, и плакали. Поздравляю всех с первым успехом»!..

4.

Шура отложил в сторону Ларкин дневник. «Ох и девчонка! Сумела разбередить душу...» – подумал парнишка о своей школьной подруге. Ему захотелось увидаться с кем-то из друзей по школе.

Шура направился к яхт-клубу на пляж. Поздоровался с Петей Чернявским, который только что искупался и сидел на песке, поджав колени к подбородку.

Рублев присел рядом и, волнуясь, рассказал Пете о повешенном моряке.

Петя слушал молча, нахмурившись, и смотрел безотрывно в сторону речпорта.

А там в это время швартовался к пристани полицейский катер. Мотор заглох. Полицаи сошли на берег.

Неожиданно Петя встрепенулся, глаза его загорелись огнем.

– Сбегай за инструментом. Ну, долото, нож прочный возьми. А я лодку подготовлю. Сейчас мы устроим номер!..

Шура без всяких объяснений понял замысел товарища.

Ребята за считанные минуты пересекли Кошевую. Лодку оставили неподалеку от катера. И стали нырять по очереди. Со стороны казалось, будто один мальчишка сторожит лодку, пока другой резвится в воде.

Петя действовал долотом, а Шура ножом. Нелегкое это занятие: нырнув, держаться одной рукой за скользкое от тины днище катера, а другой рукой расковыривать между досками в смоле щель. В легких быстро кончался запас кислорода, и надо было спешить на поверхность – глотнуть свежего воздуха.

В какой-то момент у Шуры выскользнул нож, опустился на дно, и в том месте фонтанчиком взметнулся ил. Шура вынырнул, чертыхнулся. Отдышавшись, снова устремился в воду. К счастью, нож увидел сразу: красная ручка четко вырисовывалась на сером илистом дне.

Наверное, прошло часа полтора, пока мальчишки добились своего. Шура прикрыл щель ладонью, и ее сразу же притянуло к днищу катера. «Значит, вода поступает внутрь», – удовлетворенно подумал Шура.

Мелкие щепки выплывшие из-под катера, уносило течением.

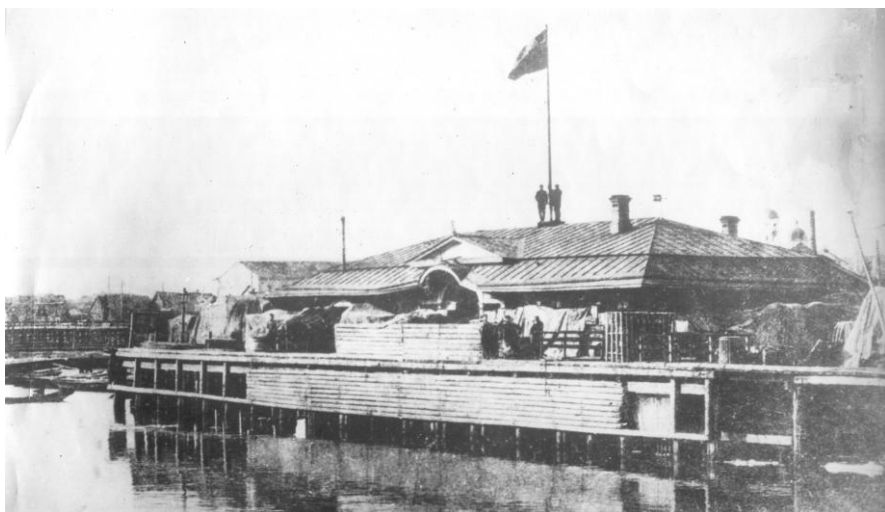
– Теперь ничто нас не выдаст, – сказал Петя. – Лишь бы до утра полицаи здесь не появились, не заметили течи...

– Это, пусть и незначительная, наша месть за гибель моряка, – Шура налег на весла, направляя лодку к Карантинному острову.

– Знаешь, чего я больше всего боюсь? Скажут про нас люди: какие-то хулиганы резвятся, куражатся, руки у них от безделья чешутся. Вот и тянет их на разные выходки и шалости, – высказался Петя.

– Обыватели скажут! А умные люди поймут, где просто баблство, а где связано с риском для жизни. И потом, враг должен нас бояться, а не мы его, – вступил в спор с товарищем Шура.

– Однако то, что мы сейчас сотворили с катером, вряд ли тянет на акт возмездия. Так, ерунда... – сказал Петя и тут же сам себе возразил: – А впрочем, если б нас поймали на этой чепухе, то по головке бы не погладили. Это уж точно!

Старая Херсонская пристань

...Утром следующего дня рабочие, которые переправлялись на завод Коминтерна, увидели такую картину. По причалу суетливо бегали полицейские и громко ругались. Катер, оборвав чалки, ушел под воду.

Судостроителям, которых немцы силой принудили трудиться на заводе, было отрадно видеть, что полицейские понесли урон.

«Почаще бы не везло новым хозяевам и их холуям!» – так, наверное, думали рабочие в эти минуты.

Глава 6

Дифа-Фрида в гетто. «Реквием» Моцарта. Старуха выкрала младенца. Прощание с Дифой-Фридой. Расстрел евреев.

1.

На следующий день Толя Тендитный появился у Шуры Рублева.

– Есть новости. Оказывается, немцы разрешили открыть начальные школы и гимназию, – сообщил Толя другу.

– Значит, и дальше будем учиться! – обрадовался Шура. – Надо бы сказать об этом всем одноклассникам. Ларе Аникиной, Дифе – Фриде Халипер...

Шура первыми назвал отличниц, поскольку у них тяга к учебе, к знаниям – несомненная. Он хотел было и других вспомнить, но Толя перебил:

– Поздно...

– Почему «поздно»? – не понял Шура.

– Сестры Халипер уже не пойдут в школу. Это и есть вторая новость... Вчера евреев со всего города согнали в гетто. Я был очевидцем этой облавы... – Толя вздохнул. – Не хотел сразу тебя огорчать...

Шура молча осмысливал сказанное другом. Ему никак не верилось, что враг даже детей не щадит, отлучая их от дома.

– А туда можно пробраться? – наконец прервал молчание Шура.

– Сам понимаешь, еврейское гетто усиленно охраняют.

– А если хотя бы со стороны глянуть? Может, попробуем?

– Попытка – не пытка, – согласился Толя.

Обычным способом – на лодке – друзья переправились в речпорт.

Улица Воронцовская, ведущая в центр города, была непривычно пуста. На тротуаре валялись осколки стекла, их так

никто и не приборал. Солнечные лучи отражались от стекляшек, блики слепили глаза.

– Выйдем на Соборную, а после по улице Потемкинской двинемся к Фортштадту. Как раз там немцы гетто основали, – сказал Толя.

Шура с возмущением произнес:

– Уже и улицы на старый лад перекрестили! Улица Ленина – теперь Соборная, Карла Маркса – Потемкинская, а Коммунаров – Воронцовская...

– Воронцофштрассе! – поправил Толя. – На германский манер.

– Ничего! Это временное явление! – убежденно заверил Шура.

Около часа понадобилось друзьям, чтобы добраться до места.

Огромный двор на Фортштадской, неподалеку от улицы Колодежной, был плотно заполнен людьми, которых охраняли захватчики с овчарками. К тому же, двор был огражден металлическим забором – никак не подступиться.

Лица у людей – а их тут находилось более тысячи – были отрешенные, словно они уже заранее смирились со своей участью, приготовились к трагическому исходу. Изредка хныкали дети, да и то робко. Гнетущая атмосфера висела над гетто, тяжелым прессом давила на психику.

– Как же мы найдем в этой толчее Дифу-Фриду? – совсем упал духом Шура.

– Вон, в углу, растет акация. Давай залезем на нее, – подсказал Толя.

Сверху было все видно, как на ладони. И тут Шура обратил внимание на девушку с футляром для скрипки. Та, будто почувствовала взгляд, обернулась. Это была Дифа. А рядом стояла Фрида.

– Толян, я их вижу.

– Где, где?

– Да вот смотри правее...

Дифа подозвала сестру, положила ей на руки футляр, из которого достала скрипку.

Фрида что-то сердито стала выговаривать, это было видно по выражению ее лица. Возможно, посчитала неуместными действия сестры.

А Дифа, печально улыбнувшись, привычно наклонила подбородок к деке и коснулась смычком струн.

Тотчас музыка поплыла над гетто – щемящая, до слез волнующая душу, созвучная той траурной обстановке, в которой оказались обреченные евреи.

– «Реквием» Моцарта... – узнал мелодию Шура.

Она долго не давалась Дифе. Как-то на репетиции девушка призналась: «Совершенно нет настроения исполнять «Реквием», поэтому и не получается»... Дифа так и не смогла сыграть на скрипке такую сложную, никак не поддающуюся ей музыку.

И вдруг «Реквием» зазвучал четко, без сбоев, Дифа его играла наизусть, не пользуясь нотами: звуки как бы сами возникали из-под ее волшебного смычка.

– Прощается с нами... – глаза у Шуры покрылись туманом.

Ему невыносимо было слушать эту проникающую в самое сердце музыку. Лихорадочно металась в голове мысль: «Надо спасти Дифу-Фриду... Может, дождаться наступления темноты и ночью их выкрасть отсюда... Иначе они погибнут!»!

Толя догадался, о чем сейчас думал друг.

– Нет, вряд ли нам удастся их спасти. Мы их ночью просто не отыщем среди тысячи человек...

2.

Ребята спустились на землю с акации.

– Ну все, пошли отсюда! Я здесь больше не могу... – признался Толя. – Да еще эта музыка – так растревожила, что от нее места себе не находишь!..

Шура кивнул головой: точно, пора уходить.

Однако он тут же обратил внимание на старуху, которая подошла к забору, вытащила из черной сумки бумажный пакет и между прутьями просунула его молодой женщине. Очевидно, в пакете была нехитрая еда – хлеб да сало.

Молодуха приняла гостинец свободной, левой рукой. Правой она держала младенца, запеленатого в голубое одеяльце. Дитя в этот момент блаженно припало к материнской груди.

Заметив старуху с сумкой, к ней направился немец из охраны гетто. Он резко и отрывисто приказал ей отойти, угрожая наставив на нее дуло автомата.

– Что ты меня пугаешь?! Я к невестке пришла! У нее молоко пропадет, если она будет голодная... – закричала старуха, показывая на молодуху. – Или тебя не мать родила?!

Невестка беззвучно заплакала, слезы ручьем потекли по ее лицу, и ей даже нечем было их вытереть, поскольку обе руки оказались заняты.

– Ну-ну, перестань! – принялась старуха успокаивать молодую мать. – Отольются кошке мышкены слезы!

Охранник уже с любопытством смотрел на женщин. Дуло автомата сменило позицию – наклонилось вниз. Видимо, немец понял, что старуха не представляет никакой угрозы.

Женщины, тихо переговариваясь, неспешно пошли вдоль забора – каждая со своей стороны. На углу они остановились. Молодуха разжала пальцы левой руки, и пакет с едой упал на траву. Она отняла от своей груди младенца, свободной рукой застегнула верхние пуговицы платья, поцеловала несколько раз в личико дитя и неожиданно перебросила его через забор старухе.

Та опрометью кинулась бежать по боковой улочке.

Немец опешил, не ожидая такого поворота событий, а затем выпустил беспорядочную очередь из автомата в небо.

За забором заметушились, закричали в панике люди, словно выстрелы вывели их из долгого оцепенения.

Очнулись и охранники с собаками, забежали по периметру забора, стреляя по верх голов испуганной толпы.

А старухи след уже простыл.

– Бежим! – Голя подхватил Шуру под локоть.

Ребята дворами выскочили на соседнюю улицу и там увидели старуху с младенцем.

Она забежала в парадный подъезд дома. Через минуту – другую появилась снова, но уже без ребенка.

«В подъезде оставила дитя!» – догадался Шура.

А старуха тем временем пересекла улицу, тяжело дыша. Бег с младенцем и сумкой для нее был непривычной физической нагрузкой.

Она подошла к высокому крыльцу, заученно вытащила из сумки оловянную миску, в которую насыпала из мешочка семечки и сверху на них поставила стакан. А сама, положив сумку на крыльцо, уселась на нее. И, как ни в чем ни бывало, принялась щелкать семечки.

Буквально через минуту возле нее оказались немцы.

– Где matka? Киндер? – сердито обратились они к старухе. «Продавец семечек» махнула рукой в противоположную сторону: мол, туда убежала та, кого вы ищете. Немцы спешно удалились, стуча коваными подошвами.

А старуха опять все быстро собрала в сумку, зашла в знакомый подъезд, где оставила младенца, и вскоре вышла, держа его на руках. Но на этот раз младенец был накрыт темным платком, который, скорее всего, старуха тоже извлекла из сумки.

– Во дает бабка! – с восхищением воскликнул Толя. – Объегорила немцев! Наверное, заранее спланировала всю эту операцию.

– Значит, если все загодя обдумать, то можно спасти и Дифу с Фридой, – произнес Шура. – Надо лишь тщательно к этому подготовиться.

– Но сегодня ничего нельзя предпринимать. Эта бабка так разозлила конвоиров, что они теперь на пушечный выстрел никого не подпустят...

Ребята без приключений дошли до Толиного дома.

– Будешь видеть Лару Аникину, расскажи ей про Дифу – Фриду, – попросил Шура. – Это же ее лучшие подруги!

Попрощавшись с Толей, Шура вниз по Воронцофштрассе – Коммунарлов заторопился к пристани, чтобы на лодке попасть на остров. А там встретиться с ребятами и посоветоваться с ними, как освободить девчонок-одноклассниц из гетто.

3.

До полуночи Шура ворочался, не мог заснуть из-за пережитого за последние дни.

Оккупанты с самого начала показали свое истинное лицо: они вешали неугодных, ввели комендантский час, запугивали жителей расстрелом за малейшее неповиновение, евреев согнали в гетто, держат как скот за оградой...

Не всякий человек может вынести такую психическую нагрузку, а мальчишка тем более. Ночью Шуре снились кошмарные сны. Моряк, висящий на дереве, в упор уставился кровавыми глазами в своих палачей, а те кололи его штыками, расстреливали из пистолетов уже мертвого, заставляя отвернуться.

Неожиданно возле моряка, по обе стороны появились Дифа и Фрида, красивые, ни в чем не повинные девочки. И палачи обрадовались новым жертвам. У них возник спор: как им поступить – вначале застрелить, а после повесить, или наоборот?..

Вскоре рядом с девочками очутился папа Халипер, точь-в-точь похожий на Жюля Верна. Он был обвешан часами и с охапкой книг в руках. Палачи еще больше возрадовались: о такой работенке – стрелять и вешать каждого, кто перед ними – они мечтали всю жизнь.

Но тут раздались мощные, торжественные аккорды. Это сестры исполняли «Реквием»...

Шура проснулся весь мокрый. Встал, в темноте на ощупь пробрался в кухню, выпил из ведра воды. Но после таких навязчиво-кошмарных снов долго не мог уснуть. Лишь под утро его сморил крепкий сон.

Проснулся Шура, когда солнце подбиралось к зениту.

– Я тебя не стала будить, – мать пригладила на голове сына вихры. – Мне показалось, что ты заболел. Вон какое лицо у тебя бледное...

– Нет-нет, я здоров, – успокоил Шура мать. – Просто разо-спался...

Пока он умылся, пока поел, день уже был в самом разгаре.

Раздался стук в дверь.

– Заходите! – крикнул Шура.

На пороге показался Толя Тендитный – в рубашке навы-пуск.

– Вот хорошо, что я застал тебя дома! – обрадовался он. – Вчера, после того, как мы с тобой расстались, я был у Лары Аникиной. Обо всем сообщил... И у нас с ней возник план. На Колодяжной, недалеко от гетто, живет дальний родственник Ла-ры – дядя Степан. Он без одной ноги, обитает в доме сам. Лара предлагает остановиться у него и в удобный момент изучить подходы к гетто, поведение немцев...

– Молоток! – похвалил Шура друга. – Это как раз то, что нам сейчас надо. Двинули в город!

Ребята зашли за Ларой. И уже втроем отправились к дяде Степану.

Лара не стала ничего скрывать от родича, сказала, что две ее подруги – одноклассницы в гетто, и ей хочется с ними уви-деться.

Дядя Степан, выслушав, лишь головой покачал.

– Вряд ли что-то вам удастся. Немцы с утра стягивают сюда подкрепление. Машины по улице мотаются туда-сюда. Не иначе они что-то затевают. Лучше обождать, пока не прояснит-ся...

При первой же попытке пробраться к гетто мальчишки убедились, что это невозможно. Близлежащие подходы были перекрыты румынами и полицией.

– Неужели из-за старухи, которая младенца выкрала, та-кой переполох? – удивился Толя.

И дети были вынуждены вернуться в дом дяди Степана.

Ближе к вечеру послышался неясный густой гул, нарастающий с каждой минутой.

Показались немецкие автоматчики, за ними плотная масса людей – мужчины, женщины, старики, дети... Они шли по мостовой – покорно, слаженно. Соблюдая внешний порядок, обреченно доверив свои жизни слепой судьбе. По левому и правому тротуарам толпу сопровождали охранники с овчарками.

Дядя Степан и его гости – Лара, Толя и Шура – стояли у калитки, а мимо них протекала многотысячная колонна.

Дети лихорадочно высматривали Дифу и Фриду, но ряды проходили за рядами, а девчат так и не было.

– Наверное, они уже прошли, – нарушила молчание взволнованная увиденным Лара. – Разве можно их тут отыскать?..

И вдруг они услышали голос:

– Лара! Шура!

Дифа подняла косынку над головой, помахала товарищам. Вслед за ней то же повторила Фрида.

– Прощайте! – воскликнули разом сестры-близняшки.

И все. Они уже были впереди, пропали из виду.

Лара убежала в дом, упала на кровать и зарыдала. Ей невыносимо было даже представить, что она видела любимых подруг в последний раз.

... А наутро страшная весть пронеслась черной птицей над городом: душегубы – фашисты расстреляли всех, кто был в гетто, не пощадили стариков и детей. Говорят, что долго шевелилась земля, которой засыпали общую могилу с варварски уничтоженными жителями Херсона – безвинными жертвами кровавого врага – монстра.

Глава 7

Бомба в трюме. Леня Лагутенко объявляет бойкот родителям. Взрыв на пляже и гибель немецкого офицера.

1.

Капитан островской футбольной команды Леня Лагутенко считал себя везучим человеком.

Во-первых, он жил в самом прекрасном и живописном месте на острове. Выйдешь из хаты, и сразу же перед глазами днепровское раздолье с заповедными плавнями! И мысли его тут же уносятся вдаль, вслед за бегущей водой, за течением реки, которая торопится в объятия моря-океана. Леня часто представлял, что он – капитан большой каравеллы. Веселый ветер упруго наполняет белые паруса. Каравеллу с напутственными криками сопровождают чайки. И у капитана курс на неизведанные острова, разбросанные по морским просторам. Каждому, вновь открытому, острову он присвоит имена своих друзей. Здорово: о херсонских ребятах будут знать по всему свету!

Во-вторых, мечта Лени начала осуществляться: он учился в мореходке на третьем курсе.

Широкоплечий, выше среднего роста, с темными волосами, зачесанными назад, в форме курсанта Леня был похож на молодого морского офицера.

Бог не обидел Леню силой, однако и другим богатством наделил – добрым сердцем, покладистым характером.

Летнюю практику 1941 года курсанты Херсонской мореходки проходили на судах разного назначения. Леня Лагутенко получил направление на транспортное судно, которое обслуживало линию Одесса-Батуми.

В основном, перевозили в трюмах сыпучие грузы – сахар, зерно. Но лишь один рейс был сугубо хозяйственным, а затем,

кроме груза стали брать на борт беженцев, чтобы переправить их в безопасные районы Кавказа.

В одном из рейсов в середине августа на судно налетели фашистские бомбардировщики. Они сбросили свой смертоносный груз, и бомба прямым попаданием угодила в открытый трюм. К счастью, заряд не взорвался, так как трюм был заполнен мешками с мукой, которая, очевидно, оказалась амортизатором для бомбы.

Натерпелись тогда страху и экипаж судна, и пассажиры-беженцы, ожидая, что с минуты на минуту раздастся взрыв, и все взлетит в воздух, а после погрузится на дно. Каждый уже мысленно попрощался с жизнью.

В Очакове Леня с матросом осторожно вынесли бомбу на берег. Капитан судна объявил благодарность смельчакам и в качестве поощрения отпустил молодого курсанта на неделю в Херсон – проведать родителей. Первый день Леня провел дома – отдыхал, отсыпался. А на второй день обошел островских друзей, встретился с капитанами футбольных команд Забалки и Сухарного, договорился с ними о товарищеских поединках.

Да только не довелось погонять мяч по травяному полю, испытать игровой азарт, неумную радость после забитых голов. Херсон внезапно оккупировали немцы, Леня не смог выехать из города, чтобы продолжить судовую практику. Он хотел было попытаться перебраться в Цюрупинск, но отговорил отец.

– Ну, до Цюрупинска плевое дело добраться, а дальше? На перекладных до одесского порта? А где гарантия, что немец завтра и в тех краях не окажется...

Мария, старшая сестра, эвакуировалась с мужем на Урал еще две недели назад. Леня даже не попрощался с ней, поскольку был в рейсе. Поразмыслив над словами отца, сын решил остаться дома, ведь и возле родителей тоже кто-то должен быть. Мало ли что может случиться в такое непредсказуемое время...

Но именно с родителями у него начались конфликты. Отец, Федор Васильевич, когда фашисты появились на острове, сказал сыну:

– Ленька! Ты бы тельняшку снял. Не дразни эсэсовцев! Они пуще всего моряков не любят!

Но сын, всегда послушный и уступчивый, проявил строптивость.

– Чего мне их бояться! Я будущий моряк, курсант мореходки, и тельник – не просто часть одежды, а визитка морской профессии!..

Он демонстративно не снимал полосатую тельняшку, спал в ней, и, как ни странно, пока ему это сходило с рук.

Пришлось матери, Пелагее Андреевне пойти на хитрость. Она взяла тельняшку будто бы постирать, а сама изрезала ее на ленты.

После этого Леня крепко обиделся на отца с матерью и несколько дней не разговаривал с ними, объявив им бойкот.

2.

С первых дней оккупации немцы стали принуждать местное население трудиться на благо рейха в артелях, организациях, на заводах. За отказ от трудповинности хозяева-самозванцы грозили смертной карой, о чем со всех сторон оповещали листовки, отпечатанные на желтой, розовой, белой бумаге. Дома и заборы были обклеены листовками по всему городу. Немцы, которые славились своей бережливостью, на сей раз не жалели бумаги для грозных предупреждений.

Федор Васильевич Лагутенко работал медником на судостроительном заводе имени Коминтерна. Он понимал, что на молодого рослого и здорового сына, болтающегося без дела, скоро обратит внимание оккупационная власть острова.

Вечером отец явился домой с работы и заявил Лене прямо с порога:

– Я договорился насчет тебя. Будешь разнорабочим на Коминтерне, завтра с утра вместе идем на завод...

Леня не стал спорить с отцом. Но больше недели не выдержал.

– Не могу я здесь! Каждый день видеть рожи немецких прихвостней – инженеров и пресмыкаться перед ними?! Они же обращаются с рабочими, как с быдлом!

– Надо перетерпеть, – принялся увещевать сына Федор Васильевич. – Плетью обуха не перешибешь. Хочешь не хочешь, а спину гнуть придется, иначе привлекут за саботаж...

К счастью Лени, неожиданно помог сосед Антон Федорович Коновалов. Он сам зашел в дом Лагутенко.

– Здравствуйте вам и вашей хате! Пришел по делу... Тут знакомый мой интересовался – нужны два человека на переправу в нефтегавань. Я и подумал о Лене, он же у вас будущий моряк. Костя Чернега уже дал согласие...

Леня обрадовался такому повороту событий. Костя – островской парень, бок о бок с ним в одной команде играли на футбольном поле.

– Батя, решено! Я на завод – больше ни ногой! А вот служба на судне – это как раз по мне... – Леня с благодарностью посмотрел на Антона Федоровича, его предложение оказалось своевременным.

Федор Васильевич не возражал. Главное, сын определился с работой, теперь никто к нему не станет цепляться...

Работая на переправе, ребята ко всему присматривались, наблюдали за действиями оккупантов. Они заметили, как немецкий офицер облюбовал себе на песчаной косе Большого Потемкинского острова пляж и, используя погожие сентябрьские дни, частенько загорал на нем.

На видном месте в песок был воткнут кол с табличкой, на которой имелась предупреждающая надпись «Внимание! Пляж только для немецких офицеров»!

Появлялся немец на пляже днем, когда солнце находилось в зените. Первым делом он раздевался и подходил к колу с табличкой, пробуя – крепко ли он держится. А затем ногой притапывал песок вокруг кола.

– Ну, гад! До предела педантичный! – возмущался Костя Чернега.

– Прибывает на пляж в одно и то же время, минута в минуту, хоть часы сверяй по нему! И каждый день песок топчет возле кола с объявлением, будто ему это доставляет удовольствие.

– А почему бы не использовать эту педантичность против него самого? – у Лени внезапно возникла идея. – Надо заложить мину...

– Где же нам ее взять?

– Места надо знать! – рассмеялся Леня. – Наши при отступлении заминировали острова, и я обнаружил пару мин. Думаю, для нашего клиента одной хватит...

Костя загорелся, ему не терпелось отомстить офицеру, прибывшему, возможно, с берегов Рейна на берега Днепра чтобы устроить здесь личный пляж.

Вечером ребята выкопали ямку возле кола и осторожно вложили в нее мину, присыпав тонким слоем песка.

Однако на следующий день пошел дождь, и подопечного ребят-мстителей на пляже не было.

Но через два дня, когда опять установилась хорошая погода, и солнце нагрело песок, немец снова не упустил случая позаргорать.

Взрыв был такой силы, что тело офицера, изрешеченное осколками, перебросило через куст, а кол с табличкой оказался в воде.

Немцы посчитали, что этот взрыв – дело рук партизан, скрывающихся в плавнях. Им и в голову не могло прийти, что смерть офицеру подстроили островские мальчишки.

Глава 8

На могиле Шуры Мамкиной. О прозвищах. Плевков в офицера. Тайник в доме Сережи Бабенко. Поджог на заводе имени Коминтерна. Разговор Анатолия Бородина с ребятами.

1.

Винтовки, взятые на «Очаковском канале», ребята решили опробовать где-нибудь в густых плавнях – подальше от людских глаз.

– Я знаю одно такое место. Причем, героическое... – обратился к друзьям Шура Теленга. – На правом берегу речки Серединки. Двинули туда!

Островских мальчишек долго уговаривать не надо: уселись в лодку, весла в руки – и вперед! Гребли по очереди, поэтому добрались до цели быстро.

Увидев на открывшейся поляне литой чугунный крест, Шура показал в его сторону:

– Когда я впервые здесь с отцом очутился, заинтересовался у него, кому этот крест поставлен и почему могила в безлюдном месте, в стороне от поселений? Отец мне тогда поведал историю... Оказывается, тут похоронена девушка-разведчица, сотрудница Херсонской ЧК Шура Мамкина.

– Давно это было? – спросил Сеня.

– В 1920 году, еще в гражданскую войну. Шура вошла в доверие белогвардейцам, работала в расположении врангелевских войск в Голой Пристані, – продолжил рассказ Теленга. – Со связными она передавала ценные сведения в штаб Красной Армии. Но вдруг оборвалась связь, а разведчице срочно надо было доставить секретные данные командованию. И она отважилась отправиться в Херсон на лодке с местным рыбаком...

– Их схватили? – Андрей Запорожчук направил лодку к отмели, чтобы вытянуть затем ее на песок.

– Нет! Этот рыбак оказался форменным гадом. В пути он убил девушку и тело сбросил в воду. Обнаружили труп неподалеку, течением вынесло на мель. Ну и похоронили на берегу. Шура Мамкиной было всего-навсего семнадцать лет...

– И как только земля носит предателей, изменников?! – возмущенно воскликнул Сеня.

Судьба юной разведчицы его так взволновала, что он готов был предать скорому и нещадному суду того рыбака, если бы он сейчас находился здесь. Тем более, винтовки были рядом, в лодке. Уж Сеня не стал бы щадить негодяя, который совершил тяжкое преступление!..

Юные патриоты с оружием в руках приблизились к черному чугунному кресту.

– Мне сдается, что уместней тут был бы обелиск с красной звездой, – сказал Андрей.

– После войны поставим, – убежденно заверил Леня Чернявский. – И чтобы табличка была с надписью: «Отважной юной разведчице, погибшей в годы гражданской войны Александре Мамкиной». Мы не должны забывать своих героев!

– Предлагаю дать салют в ее честь, – предложил Сеня.

– Только давайте стрелять одиночными, по очереди. А то как ахнем залпом, далеко будет слышно. Еще кто-нибудь захочет полюбопытствовать, что за стрельба тут такая... – предупредил Петя.

Первым выстрелил Шура Теленга. Оружие держал неумело, после сильной отдачи приклад соскользнул с плеча, ударил по лицу. Шура бросил винтовку на траву, схватился ладонью за щеку.

– Рыжий, что с тобой? – встревоженный Леня Чернявский подбежал к Шура.

– Да ничего, все в порядке...

Шура опустил руку, вымученно улыбнулся, но улыбка вышла страдальческой. На правой скуле молодого стрелка заметно багровел синяк.

– Ого, как припечатало! Зубы-то хоть целы? Быстро смочи рубаху в воде да приложи к лицу, – посоветовал Леня.

Шура Теленга был невысокого роста, щуплый и самый молодой среди островских ребят, поклявшихся мстить врагу.

За густые веснушки, за рыжеватые волосы его на острове все звали Рыжим. И он не особенно обижался, поскольку многие ребята, кроме своих имен, еще имели и прозвища. Андрей Запорожчук – Духа. Леня Лагутенко – Олекса. Лида Григорьева – Коза.

Прозвища прилипали накрепко, порой навсегда подменяя данное с рождения имя. Спроси любого на острове: где живет Сашка Харченко? Скажут в ответ: не знаем такого, это не нашенький. Но стоит обмолвиться о Талалае безносом, то каждый покажет его двор.

Был Сашка Харченко отпетым островским забиякой и хулиганом. В одной из драк ему оторвали часть носа, после чего он стал уродлив. Еще он очень любил плясать, ни одной молодежной вечерки не пропускал. Как пойдет в пляс, так сам себе и припевает: «та-ла-ла, та-ла-ла...» Вот и прозвали его островские жители Талалаем безносим...

– Ну как, Рыжий, полегчало? – участливо спросил Сеня.

– Заживет, как на собаке! – успокоил друзей Шура.

2.

Когда Шура Теленга показался дома, мать его, которую жители острова звали Заварихой за ее сварливый характер, сразу же заохала-запричитала:

– Ну и сынок у меня! Чи на радость растет, чи на горе?! Где тебя так угораздило?

– Ударился нечаянно. Что ж тут такого?

Но старшую сестру Марию не проведешь на мякине. Ответила брата в сторону, говорит:

– Ты от меня ничего не утаивай. Вижу, как ты к немцам относишься. Наверное, в какой-то переделке участвовал? Ты у нас, хоть и малый, но бедовый!

– Не придумывай! – Шура не собирался откровенничать с сестрой.

– Знаешь, как я немцев ненавижу!.. – продолжала натиск Мария.

И чуть не поплатилась за эту открытую ненависть, когда через три дня в их дом заглянул немецкий офицер с солдатом.

У Марии были пышные белокурые волосы, веснушки едва проглядывались на ее привлекательном лице. В отличие от брата она не была рыжей.

Девушка гладила белье в общей комнате, которая служила и залой, и столовой. А Шура после ночной рыбалки отдыхал в спальне.

Офицер взял Марию за руку и принялся ее расхваливать:

– Карош, русиш девошка! Карош!

Мария резко выдернула руку и плюнула в немца.

Опешивший вначале, офицер разъярился, выхватил из кобуры пистолет. Но спас от беды солдат. Он что-то по-своему сказал старшему по званию, и тот, бросая резкие ругательства, убрал оружие.

– Швайн русиш девошка! Швайн!

Уходя, офицер со злостью сильно хлопнул дверью.

Шуру этот удар разбудил, он тут же выскочил из спальни: что стряслось?

После рассказа Марии, брат принялся ее ругать:

– Тебя же могли пристрелить! Уже взрослая, а ведешь себя, как ребенок!

Но вскоре и сам не удержался от мальчишеской выходки.

Увидел, как на первый Карантинный остров прибыли полицаи с двумя румынами. Привязав лошадь к забору, они удалились по своим делам.

А Шура, переждав немного, отвязал лошадь и отогнал телегу аж на пятый остров. Долго пришлось потом оккупантам, кляня всех на свете, разыскивать пропажу.

3.

Чаще всего ребята собирались у Сережи Бабенко, который жил у своей бабушки Василисы. Он был сиротой, его родители умерли от страшного голода, охватившего Украину в 1932 году. Зато им удалось спасти единственного сына, которому они отдавали последнюю крошку...

Шура Теленга отправился к Сереже в условленный час. За ним увязалась младшая сестренка Валюшка, которая любила брата и всегда следовала по его пятам.

– Валька, иди домой! Нечего тебе за мной хвостиком тянуться! – принялся Шура прогонять меньшую.

– А мне дома скучно! С тобой интереснее... – заныла сестренка.

Они уже подошли к дому Бабенко. Чтобы избавиться от Вали, Шура пошел на хитрость.

– Побудь возле калитки. Если посторонний появится, предупреди меня. Ясно?

– Ладно, – согласилась сестренка. – А что вы там будете делать?

– Да ничего особенного! Надо посоветоваться об одном деле. Ребячья тайна... – ответил Шура.

В этот раз у Сережи были Миша Деев, Андрей Запорожчук, Миша Еременко, Сеня Темный.

Валя какое-то время постояла у калитки, мучаясь догадками: «Что за тайна может быть у брата и его друзей?»..

Она зашла в дом и увидела отодвинутый в сторону стол, открытый люк подвала, ребят с разобранной на части винтовкой.

Было понятно: они изучают оружие, пытаются освоить его. Валя появилась так тихо и незаметно, что юные подпольщики опешили. Они тут же сложили в тряпку детали винтовки и опустили в подвал.

Сережа прикрыл пол ковриком, стол установил на место – будто ничего и не было.

– Ты почему оказалась здесь! – сердито обратился Шура к сестре. – Где я тебе велел стоять?!

– Воды захотелось попить, – оправдалась Валя.

Шура повел сестру домой и по дороге попросил ее никому не выдавать ребячью тайну.

– Не скажу! – пообещала Валя. – Я ведь никому не рассказываю, что у нас на чердаке ты спрятал винтовку, завернутую в мешковину...

Брат с удивлением посмотрел на сестру, словно она впервые открылась ему в новом свете.

Действительно, оружие, взятое во второй раз на «Очаковском канале», каждый, как мог, припрятал у себя дома. Вот и сегодня у Сережи разбирали винтовку, еще не переправленную в тайник. «Пожалуй, опасно держать дома оружие», – подумал Шура.

Вечером того же дня тройка ребят – Миша Еременко, Миша Деев и Шура Теленга – подошли к судостроительному заводу имени Коминтерна, который работал в военное время.

По периметру он был огорожен сплошным деревянным забором. Ребята отбили две доски, проникли на заводскую территорию. В руках Миша Еременко держал бутылку с керосином.

– Вы пока здесь притаитесь. А я проверю, нет ли кого в литейном... – шепотом произнес Шура.

Он исчез. А вскоре раздался тихий свист: Шура дал понять, что можно заходить в здание.

Через полчаса на заводе поднялась суматоха – горел литейный цех. Было слышно, как немцы бегали и кричали заполошенно: «Пожар! Партизаны! Диверсия!»

Однако огонь не успел сильно разгореться, и через какой-то час пожар был затушен.

И все-таки ребята остались довольны и своими действиями, и результатом. Во-первых, они выполнили задание Пети Чернявского, а во-вторых, насолили оккупантам. Пусть они не надеются, что им здесь предстоит райская распрекрасная жизнь. По крайней мере, на острове все будет наоборот – их ждут частые и неожиданные сюрпризы, от которых враг вовсе не будет в восторге.

4.

Юные патриоты собрались в условленном месте – почти в полном составе. Не было лишь Шуры Рублева.

– У него горе. Не успел он опомниться после смерти Дифы-Фриды, как вчера гестапо арестовало его отца. – Рассказывая, Толя Тендитный веткой отмахивался от мошкары. – До сих пор Яков Федорович в застенках. Вот мать и не отпускает никуда Шурку, боится за него...

Яков Федорович был известным человеком на острове. Жители избрали его депутатом в горсовет, чтобы он отстаивал их интересы. Спокойный, рассудительный, Яков Федорович никогда не повышал голоса. К нему обращались люди, у которых что-то наболело, которым необходима была его поддержка. Яков Федорович внимательно выслушивал каждого, давал советы, обещал разобраться, если дело оказывалось очень сложным. Про него люди отзывались так: «Наш Рублев слов на ветер не бросает. И если сказал, что поможет, – разобьется, но сделает»...

Жители острова уважали своего депутата. И когда немцы арестовали его, долго недоумевали: неужели за общественную работу тоже надо ответ держать?

– Да, Шурке сейчас не позавидуешь. Чем мы можем ему помочь? – обратился к ребятам Толя Запорожчук.

– Надо насолить фрицам по первое число! – с горячностью ответил Леня Чернявский. – К примеру, на заводе Коминтерна станки вывести из строя. Для нас теперь самый главный девиз – «Бей, круши все, что работает на фрицев! Ничего не оставляй врагу ценного»!

Запальчивость Лени подбодрила ребят, готовых по первому зову действовать, мстить ежедневно и ежечасно фашистам за их зверства.

В течение двух дней мальчишки буйствовали безудержно и бесшабашно и, как правило, гурьбой. На них поначалу не обращали внимания. Ну зашли свои, островские пацаны, у которых отцы и старшие братья работали на заводе. Пусть присматриваются ко всему, скоро им тоже придется здесь корабельные

профессии осваивать. А ребята, улучив удобный момент, подсыпали в смазку станков битое стекло и песок, бросали в электроштиты металлические прутья.

После очередной, удачно проведенной диверсии к ним подошел Анатолий Павлович Бородин. Его знали многие, до войны он был вожаком комсомольской организации на заводе имени Коминтерна.

Всегда улыбчивый, минуты не обходящийся без шуток – прибауток, на этот раз Анатолий Павлович принялся распекать мальчишек:

– Слежу за вами и диву даюсь! Ходите ватагой, привлекаете к себе внимание.. Уж если я вас поймал на горячем, то и немцы вскоре застукают! Поджог в литейном, небось, тоже ваших рук дело?

Увидев, что ребята насупились, отводя взгляды в сторону, Анатолий Павлович понял: надо менять тактику, иначе контакт может не получиться. И он уже спокойнее стал объяснять отчаянным смельчакам, что впредь следует вести себя предусмотрительно, согласованно, без анархии.

– Вместе мы сможем с большим толком сотрудничать, – многозначительно произнес Бородин. – Договорились?

У Пети Чернявского тотчас промелькнуло в голове, что, скорее всего, этот человек искал с ребятами встречи. Петя в душе обрадовался: в борьбе с жестоким, беспощадным врагом опыт взрослого просто необходим. А доверять Бородину можно, он свой в доску. И к тому же, сам вышел на ребят...

Петя удержал в себе эти размышления, но ответил Анатолию Павловичу в тон:

– А почему бы и не договориться!

– Вот и замечательно! – с облегчением произнес Бородин. – Чуть позже и при других обстоятельствах обсудим все более детально. А сейчас давайте расходиться, вон в пролете главный инженер показался, господин Ансельм...

Глава 9

Якова Рублева продержали три дня в гестапо. Дневник Лары Аникиной – продолжение. В гимназии. Сочинение на тему «Гитлер и Сталин». Тетради сгорели в топке.

1.

Иногда Шуру Рублеву хотелось побыть в одиночестве, чтобы осмыслить происходящее вокруг него.

Неожиданный арест Якова Федоровича лишил Шуру спокойствия. Он любил и уважал отца, который не был чрезмерно строг к сыну и требовал от него лишь одного: чтобы хорошо учился. «Знания – это твой будущий кусок хлеба, – говорил Яков Федорович. – Знания тебе всегда подскажут, как выйти из самой трудной ситуации»...

А вчера вечером отец явился домой – неузнаваемо постаревший, ссутулившийся. Будто его придавило непосильным грузом, от которого он никак не мог избавиться. В гестапо Якова Федоровича продержали три дня, устраивая допросы «с пристрастием».

Мать бросилась к нему, обняла и залилась слезами.

– Ну-ну, я же еще не покойник! – принялся успокаивать жену Яков Федорович. – Чего реветь-то?..

А Шура обрадовался появлению отца, который чуть ли не с того света вернулся.

– Что им нужно было от тебя? – вытирая кончиком платка слезы, спросила мать.

– Посчитали, раз я депутат, то должен обо всем и обо всех знать, – нехотя ответил отец. – Не очень-то в городе и его окрестностях люди подчиняются новому порядку, вот немцы и бегятся, хотят выяснить, кто зачинщики сопротивления, кто связан с партизанами, подпольщиками...

Он смолк, решив, что и так достаточно сказал.

– Ой! Что же я! – всплеснула мать руками. – Покормить же тебя надо!..

Отец ел вяло, без аппетита. После ужина сразу улегся на кровать.

Он всю ночь ворочался, постанывал, а мать ему давала пить отвары из трав, успокаивала, что-то приговаривая. Через стенку Шура не слышно было слов.

Вот и сегодня отец лежит. Досталось же ему в гестаповских застенках! Чем отцу помочь? Шура вздыхал, изредка заглядывал в спальню. Потемневшее, заросшее жесткой щетиной лицо Якова Федоровича было отчужденным, глаза закрыты.

Шура сидел в своей комнате мрачный. Ему никуда не хотелось идти. Взгляд его коснулся дневника Лары Аникиной, лежавшего на нижней полке книжного шкафа. Шура так и не дочитал дневник до конца. Он открыл тетрадь.

20 марта 1940 года.

В «Спартаке» несколько дней идет кинофильм «Истребители». После его просмотра в нашем классе все напевают мелодию полюбившейся песенки. А слов никто толком не знает.

«Любимый город, синий дым Китая, знакомый дом, зеленый сад, веселый взгляд»... – пел Мишка Дорош. Фрида его перебила: «Нет, неправильно! Там другие слова»...

Чтобы разрешить их спор, отправились в скверик возле кинотеатра «Спартак». Из кинобудки выходил динамик, и можно было слушать весь фильм от начала до конца.

Фрида оказалась права. Надо петь: «Любимый город в синей дымке тает»... Ох, и посмеялись мы над председателем совета отряда!

4 апреля 1940 года.

С Витькой Цыганом мы постоянно, что называется, «на ножах». Он цепляется ко мне, а я ему ни в чем не уступаю. Если

в моих руках учебник, то непременно бью Витьку книгой куда попало.

А недавно Цыган меня выручил.

Я шла из школы домой, замечталась о чем-то. Яркое весеннее солнце слепило глаза. И надо же, не заметила кусок кирпича, который валялся на тротуаре. Неудачно наступила на кирпич, и как результат – подвернула ногу. Сама идти из-за боли не могла. А тут Цыган откуда-то появился и помог добраться домой.

В классе узнали об этом и решили нас помирить. На большой перемене усадили рядом на парту.

– Мир? – спросила я Витьку.

– Мир! – утвердительно мотнул он головой.

Я ему протянула кулачок с вытянутым указательным пальцем. Он то же самое.

Ухватив друг друга за пальцы, смеясь, повторили старую клятву:

– В мире –мире навсегда, в ссоре-ссоре никогда!

26 апреля 1940 года.

В классе почти все увлеклись монограммами, изобретая замысловатые переплетения букв. Их дарили друг другу на память.

Лучше всех рисует Гринька Ветренко. Он изобразил хитро переплетенные между собой, почти осязаемо выпуклые литеры-инициалы Кире Яненко. Она была так рада подарку!

А дома ее мама разглядела в переплетении хвостиков и завитушек скверные заборные слова.

Кира явилась утром в школу и заявила при всех Гриньке:

– Теперь ты вычеркнут из моей жизни! Навсегда!

12 мая 1940 года.

Горячее майское солнце нахально било в окна класса.

Софья Витальевна, пожилая учительница в старомодных очках, открыла журнал.

– Рублев, к доске...

Шура нехотя поднялся, направился к учительскому столу. Из-за ночной рыбалки он не выучил урок и теперь мямлил, выигрывая время, надеясь на чудо.

Софья Витальевна сняла очки, положила их на журнал и устало потерла пальцами переносицу. И тут дверь приоткрылась, позвали учительницу.

Шурка осторожно взял очки, водрузил их на нос, скорчив уморительную гримасу. Класс замер от тихого восторга...

Когда Софья Витальевна появилась в классе, очки лежали на прежнем месте, а выражение лица у Рублева было смиренно-почтительным.

Учительница с потерянным взглядом, с трясущимися губами взяла очки и журнал, и ничего не сказав, покинула класс.

Ученики были в растерянности. Но пришла завуч и объявила, что уроков сегодня не будет. У Софьи Витальевны погиб сын...

На этой записи дневник Лары Аникиной заканчивается.

Шура закрыл тетрадь, и краска стыда вновь залила его лицо. Как он казнил себя тогда за дурацкую клоунаду! Его мучения растянулись – в школе он не появлялся два дня.

2.

В гимназии прозвенел звонок. Вошла учительница – молодая грузная женщина в очках. Она молча оглядела учеников, стоявших за партами, и затем сказала:

– Садитесь! Давайте знакомиться, меня зовут Анфиса Никифоровна...

Шура Рублев знал, что из их прежнего класса в гимназии, открытой для «украинского населения», изъявило желание продолжать учебу лишь несколько человек. Он, Лара Аникина, Лешка Жаров, Мишка Дорош... Не густо!

– Ну вот, знакомство состоялось. А теперь, для первого раза, напишем сочинение... – начала урок Анфиса Никифоровна. – Вспомните, как вы писали про братьев Андрея и Остапа из повести Гоголя «Тарас Бульба». Вы писали характеристики.

– Сравнительные характеристики, – поправил Миша Дорош.

– Правильно. Именно сравнительные характеристики. – Учительница, тяжело поднявшись со стула, подошла к доске. – Так вот, сейчас вы напишете сочинение на тему...

И она мелом вывела: «Сталин и Гитлер». Отошла в сторону. Посмотрела на написанное и, густо покраснев, стерла тряпкой надпись, написав затем ее заново: «Гитлер и Сталин».

– Задание понятно? Тогда приступайте... – И Анфиса Никифоровна вновь уселась за стол...

В классе установилась неестественная тишина. Дети вдруг поняли со всей ясностью, что они теперь живут в ином мире, в котором мерилом являются совсем другие ценности, непривычные для них.

Первой решительно взялась за ручку Лара. В классной тишине четко было слышно, как скрипело ее перо по бумаге. Да еще раздавалось недовольное сопение Миши Дороша, не знавшего, с какого боку подступиться к сочинению.

Шура заглянул в тетрадь Лары.

Она уже успела заполнить часть тетрадной страницы своим ровным почерком. «Кто такой Сталин, мы знаем из его биографии, которую мы изучали в 6 классе. А кто такой Гитлер? О нем я могу судить только по военным сводкам. Он хочет повторить судьбу Наполеона, напавшего на Россию в 1812 году»?

У Шуры от удивления округлились глаза, он слегка толкнул Лару. А та с досадой отмахнулась: мол, не мешай!

«Не буду писать сочинение!» – такая мысль вначале овладела Шурой. Но не писать тоже было нельзя. Неодобрительный взгляд учительницы, ее хмурый вид подталкивал учеников скорее браться за работу.

И тогда у Шуры возникла идея. Он изобразил на листке два танка – один со звездой, другой со свастикой.

У фашистского танка дуло было погнуто, гусеница слетела, из люка высунулся немецкий танкист с поднятыми руками. Для полной картины Шура показал разрывы от снарядов вокруг танков.

Рисунок ему понравился.

И тут Рублеву вспомнилось напутствие Бородина, который просил присмотреться к порядкам в гимназии, узнать, чему там учат, но самому ни в коем случае на рожон не лезть. И выходит, что Шура ослушался своего старшего наставника. Можно, конечно, уничтожить рисунок, вырвав лист из тетради. Но это смахивало бы на малодушие. И Шура без колебаний закрыл тетрадь.

3.

Городская управа назначила распоряжаться открывшейся гимназией Эмилию Ивановну, немку из колонистов, теперь «фольксдойч».

Сегодня директрису вызвали по каким-то делам в управу, и в учительской сидели Мария Ивановна, учительница младших классов, и Анфиса Никифоровна.

Мария Ивановна курила папиросу возле открытой печной дверцы, чтобы дым затягивало в топку. Она слышала, как Анфиса Никифоровна охает и ахает, проверяя за столом сочинения.

– Полюбуйтесь, что они вытворяют! – наконец не выдержала Анфиса Никифоровна. – Это же просто возмутительно!

Мария Ивановна подошла к столу, взяла из стопки тетрадку, потом другую. Лицо ее побледнело.

– И много таких? – спросила она.

Анфиса Никифоровна не ответила на ее вопрос, продолжая возмущаться, наливаясь бешенством:

– Это не дети! Это же форменные заговорщики и партизаны! Надо немедленно составить список учеников, кто нелестно отозвался о Гитлере и его победоносной армии! И первым в списке должен быть Рублев!

Анфиса Никифоровна ткнула в руки Марии Ивановне раскрытую тетрадь с рисунком, изображающим победу советского танка над фашистским.

– Эмилия Ивановна должна исключить из гимназии Рублева! Пусть другим будет неповадно... – выходила из себя Анфиса Никифоровна.

Мария Ивановна молча сгребла тетради со стола и бросила их в топку. Чиркнула спичкой, и пламя на глазах стало уничтожать сочинения.

У Анфисы Никифоровны отвисла челюсть, очки спали с носа, и она даже не стала их удерживать.

– Послушай, Анфиса, ведь с такими сочинениями тебе прямой путь в тюрьму, – Мария Ивановна достала из пачки новую папиросу. – Ну кто тебе поверит, что это не ты научила детей так отзываться о Гитлере? Пойми, какой спрос с детей?

Анфиса Никифоровна сникла моментально, от недавнего бешенства и следа не осталось. В глазах ее появились отблески страха.

– А ты никому об этом не скажешь? – потухшим голосом спросила она.

– Что я могу сказать? У меня же нет никаких доказательств. Они теперь там – в печи...

Мария Ивановна кочергой пошевелила догорающую бумагу и усмехнулась. Она была рада за детей, которые будто бы устроили показательный урок неповиновения новому германскому порядку.

Глава 10

Возвращение Белого. На допросе у Кольтера, полковника службы безопасности СД. Враг овладел Цюрупинском. Друзья мстят Белому за Найду.

1.

У деда Козачка, несмотря на преклонный возраст, зрение было не хуже, чем у молодых. Он увидел человека, который на левом, противоположном берегу размахивал, как флагом, длинной жердью с белой тряпкой.

Дед Козачок хорошенько присмотрелся и ахнул:

«Ба! Да это ж сам Белый Алексей Иванович! Он же с красными в Цюрупинск ушел... Что за нечистая сила его обратно привела?»..

Уже и Белый на той стороне заметил деда Козачка и закричал ему что-то. Очевидно, просил перевезти лодкой через Днепр. Из-за большого расстояния крик долетал эхом, отчетливо слова разобрать было невозможно.

Дед Козачок смекнул, что об увиденном следует доложить начальству – в лице оккупационной власти. И он засеменил к дому тюремных рыбаков, где стоял немецкий гарнизон.

Вышел офицер. И старик сбивчиво и возбужденно стал ему рассказывать:

– Там Белый с белым флагом... Кричит, домой просится... Надо бы лодку к нему направить...

– Белый флаг? Два раза белый флаг? Зачем два раза? – не понял офицер суетливой речи деда Козачка.

– Да нет, белый флаг один! А второй – это Белый Алексей Иванович – наш островской... – продолжал объяснять дед. – Пойдемте, я покажу!

Офицер взял двух вооруженных солдат, и они отправились за дедом Козачком.

Перебравшись на другой берег лодкой, немцы на всякий случай взяли Белого на мушку, а тот свалился на колени, запричитал:

– Я сдаюсь! Сам сдаюсь, добровольно! Хочу верой и правдой служить фюреру! У меня есть важные сведения для немецкого командования...

Белого сразу же доставили к начальнику Херсонской службы безопасности СД Кольтеру.

– Господин полковник, захватили важную птицу. Говорит, что владеет особо секретными данными...

С виду Кольтер был похож на добропорядочного бюргера – чуть выше среднего роста, полноватый, со слегка отвислыми щеками. Однако зачастую внешность обманчива, и за маской добряка может скрываться жестокий, разрушительного свойства характер.

Полковник считал, что обладает даром гипнотизера, и он частенько проверял свои способности на тех, кто оказывался в его кабинете не по своей воле. Вот и на сей раз Кольтер устремил свой волевой холодный взгляд на Белого. Было заметно, что «гость» занервничал, пот струйками побежал по его лицу, ему нелегко было стоять по стойке «смирно».

Полковник удовлетворительно усмехнулся и отвел глаза.

– Ну и что вы такого неординарного решили нам преподнести? – необычайно мягким голосом заинтересованного собеседника обратился Кольтер к Белому.

Хозяин кабинета также не сомневался в своем артистическом таланте перевоплощения. Он мог быть раскованным, простым в обращении, напустить веселость, если это необходимо для дела.

– Я...я...я хочу сказать... – Белый с трудом приходил в себя после «гипнотического сеанса».

– Смелее, смелее, – подбодрил его Кольтер. – Здесь вас никто не укусит.

– Я знаю расположение мин на левобережье. При отступлении частей Красной Армии из Херсона меня силой вынудили уйти с ними... Я не хотел, но деваться было некуда...

– Понимаю, понимаю, – кивнул шеф СД, – давайте ближе к делу. Что вы конкретно знаете о заминировании?

– Я был при этом, когда устанавливали мины, и незаметно оставлял условные знаки. Я могу провести доблестные немецкие войска в Цюрупинск.

– А если это ловушка? И вы... как этот был у вас? Да, вспомнил, Иван Сусанин! И вы заведете нас прямо в западню? – Кольтер нахмурился, но тотчас напустил на себя прежний благодушный вид. – Чем вы можете подтвердить свою правоту?

– Ну, не знаю... – Белый растерялся. – Я сам впереди пойду!

– Как Иван Сусанин? – повторил Кольтер свою мысль.

– Нет, нет, что вы, господин полковник! У меня здесь живет жена, Аннушка. Она из богатой семьи – из Лепиковых. Да и мой отец – бывший судовладелец. Советская власть отняла у нас богатство, и поэтому я ненавижу комунык! Я был начальником яхтклуба, я знаю, где затоплены суда. Если их поднять из воды и отремонтировать, они долго еще будут служить рейху. У меня есть целая программа, которую я хочу воплотить в жизнь. И это будет моим вкладом в благосостояние великой Германии! Я обязательно заслужу ваше доверие, господин полковник!

Белый говорил без остановок, без пауз, его словно прорвало. Он понимал, что его судьба зависит от одного взгляда Кольтера.

– Хорошо, – произнес шеф СД, – предположим, что я вам верю. Но вам придется обо всем изложить на бумаге. И учтите, когда вы в роли Ивана Сусанина поведете нас по минам, ваша семья будет в это время в заложниках...

2.

К концу сентября 1941 года немцы усилив натиск, овладели Цюрупинском.

Среди населения острова поползли разговоры, что ударный отряд провел через минные поля левобережья Белый. А скорее всего, он сам и распространял эти слухи, гордясь тем, что сполна отработал доверие оккупантов.

С подачи Кольтера, шефа Херсонской СД, Белого в знак благодарности восстановили в должности начальника яхтклуба.

– Вот что, Иван Сусанин, – Кольтеру понравилось так называть Белого, – вы теперь на острове наши глаза и уши. Все, что заметите, что узнаете, в общем, обо всем подозрительном сразу же сообщайте. И тогда, как говорят в подобных случаях игроки, ваши ставки будут возрастать.

– Слушаюсь, господин полковник! Будет исполнено, господин полковник! – с готовностью ответил Белый, не сводя с Кольтера преданного, как у послушной собаки, взгляда.

К вечеру Белый появился во дворе Темных.

– Мое почтение, Тихон Федорович! – поздоровался он с хозяином. – Чем занимаешься, где трудишься?

– Чем придется. Чаше рыбу ловлю, надо же семью кормить.

– Негоже шлюпочному мастеру с золотыми руками на ерунду время тратить. Беру к себе в яхтклуб, на работу. Будешь по своей специальности трудиться. Завтра с утра приступай к делу! – последняя фраза прозвучала уже как приказ.

А Сеня был неподалеку, у него сами собой сжимались кулаки. Ух, как он ненавидел Белого! Сколько времени прошло, но ненависть к Алексею Ивановичу так и не потухла.

Два года назад Сеня возвращался из города с Валею Кабаковым, своим другом, на остров. Ребята ходили в кинотеатр на какой-то фильм, название которого не удержалось в памяти.

Друзья приблизились к понтонному мосту. И Сеня обратил внимание на рыжую собачонку, сидевшую возле моста. Он подошел к ней, присел на корточки и погладил по жесткой шерстке.

– Ты чья? Чего здесь одна? Потерялась, небось?

Собачонка доверчиво смотрела на Сеню.

– Какие у нее честные глаза! – удивился Валя. И обратился к Сене: – Ладно, пошли, а то скоро стемнеет...

Но собачонка увязалась за ребятами и весь путь не отставала от них.

Вначале дети посчитали, что рыжая провожает их. Делать ей нечего, время есть, почему бы и не побыть в компании мальчишек, которые по-доброму к ней отнеслись.

Попрощавшись с Валею, Сеня зашел в свой двор, закрыв калитку перед собачонкой.

– А ты иди к себе домой! – приказал он ей.

Наутро Тихон Федорович, который обычно первым выходил во двор по хозяйственным делам, сказал, снова появившись в хате:

– Тут у нас какая-то рыжая приبلуда крутится во дворе. Я ее гоню, а она не уходит...

Сеня соскочил с кровати и выскользнул за дверь. Собака радостно взвизгнула, бросилась к парнишке. Он погладил ее.

– Ну, что мне с тобой делать? Так и быть, попробую уговорить отца. Может, разрешит тебя оставить...

С того дня Найда, как ее назвал Сеня, стала жить у Темных.

Все лето она неотвязно следовала за молодым хозяином – на речку, в плавни, участвовала в ребячьих играх. Найда прожила лето, осень, зиму. А весной вдруг исчезла. Сеня с Валею Кабаковым искали ее по всему острову, расспрашивали соседей. Не видел ли кто Найду?

– Так вы у Белого Алексея Ивановича узнайте, – посоветовал ребятам дед Козачок. – Он жаловался, что какая-то собака

его цыпленка задавила, и за это он ее убил. Возможно, то ваша пропажа?

На задворках огорода Белого друзья нашли мертвую Найду. Они выкопали ямку, похоронили собачонку.

– Не могла она напасть на цыпленка! Не могла! Она была такая добрая, приветливая, – слезы текли по щекам Сени. – Белый – живодер и убийца! Как у него могла рука подняться на безобидное существо...

– А мы ему отомстим! – стал успокаивать друга Валя Кабаков.

Вечером, как стемнело, друзья подкрались к дому Белого. Валя воткнул в деревянную раму иголку, на которой была закреплена длинная прочная нитка. Сами же спрятались за деревом через дорогу. Валя несколько раз легонько дернул за нитку. Иголка, вибрируя, постучала по стеклу: тук-тук-тук... Было видно, как к окну приблизилось лицо Белого.

– Кто там? – громко спросил Белый. – Что нужно?

И не увидев никого, отошел вглубь комнаты.

Валя опять подергал за нитку, и снова Белый уже сердито спрашивал, кто его беспокоит.

Так продолжалось с полчаса, пока Белый не выдержал и не выскочил из дома. Но возле окна никого...

Он ругнулся и, плотно прикрыв дверь, возвратился в комнату.

Друзья перешли ко второму акту возмездия. У них была заготовлена «дымовуха» – кусок выбракованной киноплёнки, туго смотанной и свернутой, наподобие конфеты в бумажную обертку. Один конец такой «конфеты» поджигался и, как только пленка загоралась, надо ее придавить подошвой. Тогда огонь угасал, но от пленки распространялся удушливый едкий дым. Вот почему среди ребят такая «конфета» называлась дымовухой.

Продлав быстро, в считанные секунды, эту операцию, Сеня подбежал к окну и забросил дымовуху в открытую форточку.

После этого друзья дали деру.

Истошный крик хозяина дома был для ребят лучше любой музыки. Они добились своего, выкурили палача Найды...

Белому с семьей в ту ночь пришлось ночевать у соседей. А наутро Алексей Иванович вынужден был пожаловаться Рублеву, как депутату.

Яков Федорович смекнул, что кроме пацанов никто в этом деле не может быть замешан. Он позвал сына: что тот знает о случившемся?

– Так Белый у Сеньки Темного Найду убил! Вот и получил по заслугам...

– А ты пригласи Сеню к нам. Мне с ним поговорить надо, – попросил отец Шуру.

Сеня, ничего не подозревая, поздоровался с Яковом Федоровичем. Тот, напустив на себя серьезность, обратился к парнишке:

– Не годится человека изводить, устраивать ему химическую атаку...

– Он мою собаку убил! – с горячностью отозвался Сеня, не собираясь ни в чем оправдываться.

– То, что он собаку убил – это плохо! Но он же человек... Доведешь его до болезни, а после и до кончины, отвечать придется перед законом и тебе, и твоим родителям. Собаку ты можешь себе завести другую. Вон сколько бесхозных дворняг бегает...

– Такой, как Найда, никогда уже не будет! – ответил Сеня и выскочил в слезах из дома Рублевых.

Яков Федорович вздохнул глубоко и произнес вслед:

– Белого бы надо воспитывать, наставлять уму-разуму, а не этого пацана...

Глава 11

Лида-Коза – островская амазонка. Как возник род Темных? Два сапога-пара. Постовой забирает часть зерна. Сеня срывает портрет Гитлера.

1.

Раздался резкий характерный свист – раз, другой... Это Лида Григоровская рассекала воздух кнутом, которым владела виртуозно, и многие мальчишки втайне завидовали ее умению.

«Коз в плавни погнала», – Сеня встрепенулся, заторопился на улицу.

– Лида, привет! – окликнул он пастушку.

– Привет, Сенчик – птенчик! – отозвалась девчонка.

Она слыла грозой островских ребят, ни в чем не уступала им, не давала спуска, и чаще всего выходила из стычек победительницей. К этой амазонке пристало прозвище «Коза-дереза»: и потому, что она коз пасла, и потому, что задира была.

Отец Лиды день-деньской работал плотником в Докстрое. Материнской ласки дочь не знала, ее мать умерла рано. Оттого и росла девчонка самостоятельной, свободной, могла в случае чего за себя постоять.

Лида была почти на полголовы выше Сени, поэтому и прозывала его «птенчиком». Но странно, она к нему, как к другим однолеткам, никогда ни придиралась, относилась по-дружески. И в ее обращении «Сенчик-птенчик» скорее всего скрывалась ласка, будто она относилась к другу своему, как к брату. А Сеня всегда думал о ней. Он готов был исполнить любое ее желание, и, очевидно, Лида чувствовала, что парнишка к ней не равнодушен. Когда Сеня приходил к ней на пастбище, она часто просила его исполнить роль пастуха.

– Сенчик-птенчик, присмотри за козами. А я домой бегаю, что-нибудь приготовлю отцу. А то он с работы скоро явится голодный... – просила Лида.

И Сеня ни разу ей не отказывал. Вот и сейчас он шел рядом с Лидой-Козой, довольный, что может побыть с ней, пообщаться час-другой.

У нее были русые взъерошенные волосы, в косы она их не заплетала. Да и трудно представить Лизу – непоседу причесанной, с бантами, в строгом платье. Это уже была бы совсем другая девчонка...

У Сени светлая челка спадала на лоб, и он изредка поправлял ее.

– Сенчик, я давно хотела спросить про твою фамилию. Сам ты весь белявый, светлый, а фамилия какая-то чудная: Темный...

– Чудная, – согласился Сеня, – поскольку мой прапрадед Барановский начудил в свое время. Он был священнослужителем в Чаплинке. Из троих его сыновей двое пошли по стопам отца, стали священниками в ближайших селах. А младший Роман наотрез отказался от церковного сана, он хотел научиться столярному ремеслу. Отец долго отговаривал младшего отпрыска, а после подумал: ну и пусть дурень нелегкого хлеба вкусит, после будет сговорчивей, чтобы вернуться в лоно церкви...

– Ну и как? Сдался Роман? – заинтересовалась Лида.

– Не сдался! Наоборот, так быстро освоил профессию столяра, что уже вскоре в доме попа стала появляться мебель, сработанная руками Романа. Но она не тешила душу отца, он не мог простить сыну непослушания. И в этот момент в поповский двор зашли писари – тогда шла перепись населения. Поп Барановский перечислил все свое семейство по имени-отчеству, а меньшому сыну Роману изменил фамилию. Писари удивились: «Почему так поступаете? Почему дали сыну фамилию Темный»? Поп сердито объяснил: «Да что с него возьмешь, темный

он человек, никакой тяги к знаниям духовным у него нет! Я от него отрекаюсь, с этого дня он не мой сын!»! Вот с Романа и пошел род Темных, – завершил Сеня свой рассказ.

– Да, крутой у тебя был предок! – засмеялась Лида. Но тут же задумалась: – А может, оно и к лучшему. Если б ты имел фамилию Барановский, знаешь бы как тебя в поселке прозвали?

– Бараном? – Сеня усмехнулся. – Не сомневаюсь. Тут ты права! Тогда были бы: я – Баран, а ты – Коза. Два сапога пара...

Лида заливисто засмеялась, а после погрозила кнутом козлу – вожаку, который оторвался от стада, и тот послушно вернулся к козам.

– А уже ведь сентябрь! – воскликнула Лида. – Пора в школу...

– Забудь теперь об этом! Зачем немцам просвещенные рабы? – остудил ее Сеня.

– Вот и будем мы все темные и забытые!..

Лида резко взмахнула кнутом, рассекая со свистом воздух. Козы тут же прижали уши.

2.

Зерно пшеницы, лежавшее в буртах на пирсе морпорта, медленно догорало, и немцы разрешили населению города брать его – не более двух ведер на едока.

Сеня с матерью, довольные успешным походом в морпорт, возвращались на остров. За спинами у них горбились мешки с горелым зерном, которое поможет отдалить на какое-то время голодные дни.

Часовой на мосту, когда Екатерина Ефимовна с сыном поравнялись с ним, скользнул по их согбленным фигурам с мешками равнодушным взглядом и отвернулся.

Однако постовой возле штаба немецкого гарнизона, располагавшегося на острове, неожиданно проявил любопытство.

– Ком! – поманил он пальцем Сеню с матерью, мол, подойдите сюда. И повторил настойчиво: – Ком, ком!

Постовой не поленился снять мешок с плеч Сени и заглянул в него. Улыбаясь, что-то приговаривая по-своему, немец отсыпал на землю половину пшеницы. То же самое проделал и с мешком Екатерины Ефимовны.

Та, опешившая и побледневшая, стояла, как вкопанная, перед постовым, и Сене пришлось дернуть мать за руку, чтобы она очнулась и продолжила путь.

Немец помахал им рукой вслед: идите, идите, всего вам хорошего!

Дома, перебирая оставшуюся пшеницу, отделяя черные, сгоревшие зернышки от целых, мать вздыхала, и слезы безотрывно текли по ее щекам.

Сеня рассказал Пете Чернявскому о том, как постовой наполовину выпотрошил их мешки.

– Забрал горелое зерно? – удивился Петя. – Да зачем оно ему нужно?

А после, поразмыслив, сам же и объяснил ситуацию:

– Эти гады все делают и будут делать назло мирному населению! Такова психология завоевателя...

Петя собрался было попрощаться, но вдруг, засмеявшись, обратился к товарищу:

– Ты вот что, Сенька, отплати-ка этому постовому... Видел возле немецкого штаба большой портрет с надписью «Гитлер – вызволитель»?

– Конечно, видел! Какой день уже мозолит глаза!

– Так вот ликвидируй этот портрет. Схвати Гитлера за его челку... – Петя снова засмеялся.

Когда на дворе стемнело, Сеня вышел на улицу. Направился к штабу немецкого гарнизона. Сердце билось учащенно, ведь если его схватят, то ему не поздоровится.

Однако возле штаба не было никого, и Сеня быстро подскочив к зданию, сорвал со стены бумажный портрет, измельчил на клочки. И задал стрекача...

Наутро Петя появился у Сени.

– Молодец! – похвалил он товарища-подпольщика. – Ключья от Гитлера по всему двору разнесло. Ты уже побывал сегодня у штаба?

Сеня отрицательно мотнул головой.

– Я из дома сегодня носа не высовывал.

– Так значит ты еще не в курсе? Немцы новый портрет Гитлера-вызволителя повесили взамен сорванного тобой...

– Выходит, насмарку старался? – у Сени враз упало настроение.

– Нет, не насмарку! Теперь Гитлер под стражу поставлен, его портрет охраняет часовой.

– Еще раз сорвать? – Сеня был готов к этому. – Выслежу, когда фашист удалится на пару минут и...

– погоди, – не дал договорить Петя. – Пока этого делать не стоит. Пусть немцы охраняют своего Гитлера, и люди смотрят, как несладко приходится на нашем острове «вызволителю». А через время мы устроим сюрприз...

И Петя загадочно усмехнулся.

Глава 12

Разделение юных подпольщиков на две группы. Операция «Телефонный кабель». Духа ранен. Второй взрыв – отвлекающий. Кострижевы в кабинете Кольтера.

1.

По просьбе Анатолия Бородин Петя Чернявский собрал ребят в привычном месте – в ложбине между первым и вторым островами.

Был один из последних погожих дней октября.

Анатолий Павлович, сидевший на поваленном дереве, с улыбкой обратился к мальчишкам:

– Ну что, гуртом легче батьку бить, а врага и подавно? Вон вы какие – brave и удалые! И я очень горжусь тем, что на нашем острове живут такие смелые, такие отважные, готовые мстить врагу без оглядки, пацаны...

Он умолк на минуту, затем продолжил:

– Вам бы учиться, знаний набираться, но судьба распорядилась иначе.

– Я хотел продолжить учебу в гимназии, открытой оккупантами... Да пропади она пропадом – такая учеба! – и Шура Рублев поведал о сочинении, которое пришлось писать ученикам. В заключение он сказал: – Больше в эту идиотскую гимназию я не хожу!

– Что ж, изгоним врага с земли своей, тогда и наверстаем упущенное, – утешил ребят Бородин. – А пока...

– Будем бить врага! – в рифму закончил его мысль Леня Чернявский.

– Правильно, – согласился Бородин. – Но делать это надо умеючи. Без анархии и соблюдая дисциплину. Поэтому предлагаю разделиться на две группы, так будет лучше соблюдать конспира-

цию. Первую группу возглавит Петя, а вторую... – Анатолий Павлович пытливо посмотрел на ребят, ожидая их предложений.

– А вторую группу можно будет доверить Толе Запорожчуку, моему двоюродному брату, – посоветовал Андрей. – Правда, его сейчас здесь нет, работает во второй смене в слесарно-механическом цехе. Но, уверяю, Толя – волевой, надежный, и ребята будут ему подчиняться.

– Толя неплохо разбирается в военном деле, которое проходил в техникуме. Он учился на третьем курсе, – пояснил Сеня Бородин. – А еще Толя был проводником у моряков Дунайской флотилии. Он днепровские плавни лучше всех знает...

– Вот и замечательно! – обрадовался Анатолий Павлович. – Пусть тогда Петя и Толя сами решат, кто из ребят будут входить в их группы. А что касается конспирации, так вот – я для вас теперь «дядька Антон», а не Бородин Анатолий Павлович. Запомните, пожалуйста...

– Это ваша подпольная кличка? – поинтересовался Шура Теленга.

Бородин кивнул головой: да, разумеется.

– Значит, у вас налажена связь с центром? – продолжал допытываться Шура.

– Много будешь знать, быстро состаришься, – засмеялся Бородин.

А Миша Еременко толкнул Шуру в бок кулаком: уж очень ты любопытный! И дополнил:

– Меньше знаешь, лучше спишь!

– Хочу вас предупредить вот о чем, – Анатолий Павлович вернул разговор в нужное русло, – прекратите портить оборудование в цехах! Заводское начальство и немцы считают, что это сами рабочие выводят станки из строя, и наказывают за саботаж, угрожают смертной карой. А ночами заставляют восстанавливать станки. Выходит, что страдают в данном случае не немцы, а ваши отцы и старшие братья...

На какое-то время возникла тишина, ребята обдумывали слова «дядьки Антона».

– А что же нам тогда делать? – прервал молчание Андрей.

– Дел хватит! – уверенно заявил Бородин. – Сейчас важнее знаете что? Информировать население о положении дел на фронте, о событиях в других местах страны. Был бы радиоприемник и печатное устройство, выпускали бы листовки...

– Так есть приемник! – возбужденно воскликнул Шура Рублев. – Мы с Толей Тендитным его в неохраняемом складе взяли, когда наши из города отступали. И я приемник надежно спрятал...

– А у меня дома машинка печатная стоит, – признался Федя Запорожчук.

– Да это просто здорово! Чего же вы до сих пор молчали! – удивился Бородин. – Приемник и печатная машинка – это сейчас самое грозное оружие против врага...

– Да как-то не подумали об этом! – Федя с досадой стукнул рукой об ствол дерева, на котором сидел.

Сеня хорошо помнил, как оказалась печатная машинка у Фе-ди.

В период временного безвластия островские мальчишки шастали по кабинетам заводоуправления на судостроительной верфи имени Коминтерна.

Сеня заглянул в приемную директора завода. Там уже был Федя Запорожчук, который вставив в машинку лист бумаги, стучал по клавишам. «Лидка–Коза, Мария Теленга»... – прочел Сеня уже отпечатанные имена.

– Давай выбросим машинку из окна. Зачем ее оставлять немцам, которые не сегодня – завтра появятся здесь? Лучше сломать ее, – предложил он Феде.

– Не-е, я ее домой заберу, буду девочкам письма любовные печатать, они не будут знать от кого... – засмеялся Федя. – Почему бы не подшутить над ними?

Так машинка, в начале предназначенная для шалостей, вдруг пригодилась для дела.

– А с бумагой как? На чем листовки печатать будем? – спросил Бородин.

– В Докстрое можно мешки из-под цемента взять и использовать для листовок, – сообразил Петя Чернявский.

– Вот и договорились! – Анатолий Павлович, довольный, потер руки. – Короче говоря, в общих чертах ясность имеется. Ну, а теперь расходимся!..

А на прощание загадочно улыбнулся:

– У меня, кстати, есть серьезное боевое задание для вас. Ведь вы же мастаки по диверсиям, вот и используйте свой опыт в очень важном деле...

Бородин заметил, как после этого вступления у ребят азартно загорелись глаза. Мальчишки – они и есть мальчишки, каждую минуту готовы идти на риск.

– Надо подорвать кабель телефонный, который идет по дну реки. Это должно быть своеобразным сюрпризом для немцев к октябрьской годовщине. Ведь на носу наш великий праздник!

2.

Из береговой будки телефонный кабель немецкой оперативной связи опускался в воду и пролегал по дну реки.

Отец Ивана Кострижева числился сторожем на этом важном объекте. Его обязанности были довольно просты и необременительны: день-деньской он обязан следить за проходящими судами, чтобы те не бросали поблизости якорь, не зацепили ненароком кабель.

Иногда отец, когда ему надо было ненадолго отлучиться по своим делам, вместо себя оставлял Ивана.

– Держи рупор и чуть что командуй: «Якорь не бросать! Продолжать движение! Иначе будете отвечать по законам военного времени!».. – в который раз отец давал привычные и уже порядком надоевшие наставления сыну. – Да не засни мне тут! Служба моя важная, ответственная. Чуть зазеваешься, спрос будет, сам знаешь, какой...

Иван в ответ лишь головой кивал: ясно, яснее некуда...

Для островских мальчишек не было секретом, что сторож Кострижев доверяет сыну «быть при рупоре». Иван сам же и похвастался об этом.

Когда сторож удалился, из-за кустов появилась тройка ребят, долго выжидавших благоприятного момента.

– Привет, дружище! – бодро обратился Толя Запорожчук к Ивану. – Опять на службе?

– Да ну ее! Со скуки умереть здесь можно...

Петя Чернявский и Андрей Запорожчук тоже поздоровались с Иваном. И сразу же отошли в сторону. По договоренности, Толя должен был отвлечь сына сторожа, чтобы ребята могли осмотреть кабель и определиться, где лучше установить мину.

Иван, которому отец строго-настрого запрещал курить, обрадовался появлению ребят: у кого-нибудь всегда можно «стрельнуть» папиросу.

– Толян, у тебя курева не найдется? Хотя бы пару затяжек сделать!

– Для тебя, Ваня, завсегда есть! – с готовностью откликнулся Толя. – А вдруг отец быстро объявится? Пойдем в кусты, там и подышим. А Петя с Андреем побудут на берегу, так что никто твой рупор не сопрет...

Андрей слыл среди островских мальчишек знатоком подрывных дел. Он готов был разобрать любое взрывное устройство, чтобы докопаться, как оно действует.

– Ну вот здесь, пожалуй, установим мину, – вполголоса сказал Андрей и, подобрав увесистый камень, положил его возле кабеля. – Это будет метка, чтобы в темноте проще сориентироваться, найти нужное место...

После этого, ухарски свистнув, Андрей направил рупор в сторону кустов.

– Полундра! На горизонте – хозяин будки!

Иван, как ошпаренный, выскочил из укрытия.

Андрей захохотал: его выходка удалась.

– Ну, напугал! – признался Иван. – Я чуть дымом не поперхнулся.

– В строгости тебя батя держит! – отметил появившийся из кустов вслед за Иваном Толя. И как бы невзначай поинтересовался: – А он что, и ночью тут сторожит?

– А зачем? – удивился Иван. – Суда ночью не ходят. Или на рейде стоят, или у причала. А вот днем за ними глаз да глаз нужен!

Ребята многозначительно переглянулись между собой. Они вывели все, что хотели. И теперь оставалось удачно завершить операцию и доложить «дядьке Антону» о результате.

3.

Круглая луна ярко освещала землю. Ее свет облегчал выполнение задуманного: ребята сразу же обнаружили камень возле кабеля, оставленный днем. Толя без промедления принялся небольшой лопаткой копать под ним углубление.

С другой стороны, луна была противником юных патриотов, выдавая их присутствие возле стратегического объекта – береговой будки телефонной немецкой связи. Поэтому ребята старались все исполнить быстро, чтобы остаться незамеченными вражеским патрулем.

Видимо, поспешность их и подвела. От взрывателя мины, уложенной Андреем в ямку, протянули тонкую проволоку и отошли на безопасное расстояние, чтобы во время взрыва осколки не достигли ребят.

– Ну что, начнем? – шепотом спросил Андрей, держа в руке конец проволоки.

– Давай, Духа! – так же шепотом скомандовал Петя.

Ребята легли на траву, пригнув головы. И Андрей резко дернул проволоку. Однако взрыва не последовало, по-прежнему было тихо, лишь жабы неумолчно перекликались меж собою.

Андрей лихорадочно дернул раз-другой, потом в сердцах произнес:

– Может, там зацепилось за что-нибудь? Вы тут оставайтесь, а я проверю...

Он поднялся и, перебирая проволоку руками, подергивая ее, двинулся к кабельной будке.

Петя и Толя неотрывно смотрели за движениями товарища. Когда до будки оставались считанные метры, сильный взрыв потряс тишину... А вслед за ним раздался крик Андрея.

Петя и Толя кинулись к другу. Духа, отброшенный взрывной волной к кустам, лежал бездыханно.

Петя опустился над ним, потряс за плечи, но Андрей даже и не пошевелился.

– Убило! – простонал Толя.

Петя приложил свою голову к груди Андрея и облегченно вздохнул:

– Сердце работает, значит жив курилка!

– Сейчас здесь может кто-нибудь объявиться. Надо скорее ноги уносить! – Толя начал оглядываться по сторонам.

– Да, ты прав! Берем Духу и понесли его ближе к кустам, где гуще тень. Чтобы, в случае чего, можно в них и укрыться, – сказал Петя.

Ребята подняли Андрея: за плечи – Толя, за ноги – Петя. И тут Андрей, очнувшись, застонал: – Нога! Ой, моя нога!

Петя почувствовал, что по его ладони течет что-то липкое. Он тотчас догадался: кровь! Выходит, Андрей серьезно ранен. Но положить его сейчас на землю и оказывать ему первую помощь не представлялось возможным. С минуты на минуту могли появиться посторонние, которых привлек взрыв. И надо было немедленно спастись.

– Потерпи, Духа! Потерпи, дружище! – стал уговаривать Толя Андрея. – Сейчас главное – до безопасного места добраться.

– Держи направление к моему дому, – сказал Петя. – Он уже в двух шагах.

Ребята огородами пронесли Андрея к сараюшке, где хранился садовый инвентарь. Там же была небольшая комнатка с кроватью и столиком, где Петя допоздна читал книги. Он во всем предпочитал самостоятельность, доказывая родителям, что человеку иногда нужно побыть одному, чтобы поразмыслить о жизни, о будущем.

Когда «минера» уложили на кровать, Петя попросил Толю зажечь керосиновую лампу, чтобы при свете осмотреть Андрея, найти ранение.

Сам же он пошел за тряпкой: его руки были в крови друга.

Стоило закатать штанину на правой ноге Андрея, как ребята увидели ужасную рану. Часть подошвы и каблук ботинка были срезаны острым осколком, будто лезвием. О том, чтобы снять остаток ботинка с ноги, не могло быть и речи. Лишь Толя дотронулся до обуви, как Андрей опять застонал.

Пришлось ножом разрезать кожу ботинка по частям, только так можно было оголить ногу.

Петя принес ведро воды и стал осторожно обмывать рану. Вероятно, в ней еще остались небольшие осколки, поскольку Андрей от боли и от потери крови опять лишился сознания.

– Дуй к дядьке Антону, надо срочно что-то предпринять. Так долго Духа не выдержит, – в голосе слышалась тревога за раненого товарища. – А я тут за ним пригляжу.

– Да-да, я мигом! – с готовностью откликнулся Толя Запорожчук.

– Только будь осторожен! Как-никак, еще ночь на дворе, – предупредил Петя.

4.

Толя Запорожчук привел в Петин сарайчик Бородина.

У лежавшего на кровати Духи лицо было матовым, бескровным.

Анатолий Павлович, посмотрев на его страшную рану, мрачно сказал:

– Андрея срочно следует отправить в больницу! Иначе у него начнется гангрена, что очень опасно для жизни.

– Это все равно что отправить его в руки гестапо! – с горячностью возразил Толя. – Духу сразу же вычислят, когда сопоставят ночной подрыв кабеля на острове и появление в больнице островского парня. Да еще с ранением, явно полученным от осколка мины...

– Ты прав! – согласился с доводами младшего товарища Бородин. – Как же быть? Пригласить сюда какого-нибудь врача? Но

тогда опять всем станет известно, что Андрей пострадал от взрыва. И потом, вдруг ему понадобится делать операцию? В таких условиях, – Анатолий Павлович обвел критическим взглядом помещение, – это просто невозможно!.. Вот же ситуация – врагу не пожелаешь!

И тут же донесся ослабевший голос Андрея, который слышал все, о чем говорили здесь:

– А если еще один взрыв устроить? Как отвлекающий маневр?

Петя сразу же ухватился за спасительную идею.

– Отлично, Духа! Это же и есть выход из сложной ситуации. Где-нибудь в плавнях надо подорвать мину... Будто мы были на ночной рыбалке и случайно наткнулись на кем-то оставленный заряд...

– И тогда Духа будет жертвой взрыва, а не его организатором. И его можно совершенно открыто направить в больницу, – завершил мысль Пети Чернявского Толя Запорожчук.

– Тем не менее, остается одно «но»... – Бородин покачал головой, как бы заранее не завидуя участи Андрея. – Нашего друга придется нести в плавни, туда, где будет устроен взрыв. Все должно выглядеть максимально достоверно.

– Раз надо, значит надо, – снова подал голос Духа. – Я готов...

Необходимо было спешить. Еще какой-то час, и начнет светать. И станут из домов выходить люди, а в данном случае чужие глаза ни к чему...

– Снасти рыбацкие не забудьте захватить, – напомнил ребятам Бородин.

Андрея с предосторожностями доставили в плавни, положили на траву.

– Ну, вы тут оставайтесь, а я – за лошадьё. Время не терпит и Андрей тоже... – заторопился Анатолий Павлович.

Ребята установили мину около тропинки, ведущей от берега к поселку. На сей раз мина сработала сразу. После взрыва появилась небольшая воронка.

– Вот и есть доказательство нашей непричастности к диверсии возле кабельной будки, – с удовлетворением отметил Петя и

бросил на край воронки остатки ботинка, частями снятого с ноги Духи – предусмотрели и эту мелочь.

Вскоре из поселка появился Бородин. Он сидел на телеге, а лошадьё управлял Антон Коновалов. Духу повезли в «Тропинку» – городскую больницу.

Утром в поселке на Карантинном острове уже все знали о двух взрывах, прозвучавших ночью и на заре. Люди обсуждали эти события: кто же мог устроить диверсию, подорвать телефонный кабель и кто оставил мину, которая чуть не лишила жизни Андрея Запорожчука? И невдомек было островским жителям, что к обоим эпизодам были причастны одни и те же лица.

5.

Наутро в гестапо забрали отца и сына Кострижевых.

– Ты нам шкурой своей заплатишь, старый болван! – кричал, выходя из себя, Кольтер. – Мы из тебя жилы вытянем и соединим ими место разрыва в кабеле! Как ты мог прошляпить...

– Пан офицер! Я ни при чем... Судов же не было, якорем не рвали кабель... Это диверсия! – трясся от страха старик.

– А где же ты был со своим сыном? Почему не доглядели?! Отправим молодого бездельника в Дойчланд, нечего ему здесь без толку торчать!

– Пан офицер! Сын не виноват. Я же состою на дежурстве, а не сын...

– Э-э... – пренебрежительно отмахнулся от слов сторожа Кольтер. – Яблоко от яблони недалеко падает!

Иван, стоя рядом с отцом, похолодел. Он своим умом понимал: если в Германию отправляют насильно, дорога одна – в концлагерь. От такой перспективы, когда он будет находиться за колючей проволокой, а отца расстреляют, ему сделалось дурно.

– Мне кажется я догадываюсь, чьих рук дело... Это свои, островские, навредили. Но надо проверить, кто именно... – Иван выпалил свои подозрения необдуманно, из-за возникшего страха, чтобы предотвратить неизбежное наказание. Его толкала на по-

добное нехитрая житейская логика: вначале пообещай, а там видно будет. – Я готов служить новому порядку верой и правдой!

Иван исподлобья кинул быстрый взгляд надежды на Кольтера и опустил глаза, давая понять, что теперь их участь – отца и сына – всецело зависит только от решения самого шефа херсонской СД.

Кольтер какое-то время с безгловостью смотрел на трясущегося, будто в ознобе, старика и его поникшего сына.

– Ладно, я подумаю... – полковник отвернулся к окну. Сцепив руки, хрустнул пальцами. – Уведите их...

Вечером того же дня Кострижевы вновь появились в кабинете Кольтера.

– Если хотите остаться в живых, то обязаны сообщать нам обо всем подозрительном, что происходит на острове. И самое главное, следует войти в доверие к тем, кто вредит нашему орду-нунгу – новому порядку. Нам нужно знать фамилии, адреса, чем занимаются те, кто против нас. Понятно?

– Да, пан офицер, понятно! – услужливо пробормотал старик-сторож.

Он толкнул сына в бок: а ты чего молчишь?

– Готов служить верой и правдой новому порядку! – повторил уже сказанную ранее фразу Иван.

– Только не вздумайте меня за нос водить! – предупредил Кольтер. – Имейте в виду, ваша информация будет проверяться. Кроме того, вы будете находиться под негласным контролем. Моя агентура действует повсюду, даже и на вашем острове...

От жестких слов полковника повеяло холодом. Иван пожегся, а отец, приложив руки к груди, заверил:

– Можете быть спокойны, пан офицер! Мы все выполним, как вы приказали...

Прямо из кабинета Кольтера отец и сын Кострижевы были отпущены домой.

Глава 13

Первая листовка на острове. Пароль «Снег». Гитлеру – вызволителю снова достается. Лида-Коза в рядах подпольщиков. У Кольтера приступ гнева.

1.

К выпуску первой листовки юные подпольщики с Карантинного острова готовились очень тщательно и основательно.

Шура Рублев на чердаке своего дома слушал сводки Совинформбюро, записывал их. А после ребята на сходке обсуждали информацию, решая что поместить в листовке.

Бородин принес пачку немецких обращений к солдатам Красной Армии, которые одновременно являлись «пропуском» для их добровольного перехода «в доблестные гитлеровские войска». В обращениях были помещены фотографии советских пленных командиров. Среди них был и портрет Якова Джугашвили, сына Сталина. Кроме того, несколько снимков показывали колонны красноармейцев, взятых немцами в плен в разных местах сражений. И тут же приводились цифры – сколько дивизий оказалось в окружении и было захвачено армией рейха.

– Обнаружили эти пасквили на станции в вагоне наши люди, – объяснил Бородин. – Целые пачки... Очевидно, для фронта предназначены, будут их с воздуха сбрасывать, чтобы деморализовать наши войска.

Дотошный Федя Запорожчук принялся на обрывке бумаги вести подсчет пленных.

– На всю катушку работает геббельсовская пропагандистская машина! – «дядька Антон», чертыхнувшись, смял немецкую листовку, отшвырнул в сторону. – Давят фашисты на психику советских людей, угнетают моральный дух...

– Я придумал концовку для нашей листовки, – подал голос Сеня Темный. – Вот послушайте: «Товарищ! За унижения и

гибель отцов и старших братьев, за слезы матерей отомсти врагу сегодня, уничтожай его на каждом шагу! Кровь за кровь, смерть за смерть»!

– Неплохо! – похвалил Бородин. – Думаю, что пригодится.

А Федя уже закончил свои подсчеты.

– Вы только гляньте! Геббельс утверждает, что уже более 100 миллионов солдат и офицеров взяты в плен! – Федя фыркнул возмущенно. – А кто же тогда с фашистами воюет? Сталин и дети?

– Идея! – воскликнул Леня Чернявский. – Надо изобличить это вранье. Пусть люди знают истинную правду.

Бородину понравилось это предложение ребят.

– После краткой сводки Информбюро поместите сообщение о том, как немцы занимаются очковтирательством, приведите примеры с цифрами и фактами... – посоветовал Анатолий Павлович Шуре Рублеву и Феде Запорожчуку, на которых была возложена подготовка листовок.

Текст на «коминтерновской» машинке печатал Федя. Непривычно жирно и выпукло выделялись среди прочих литер буквы Г, Н и С. Они были крупнее, чем остальные, и не соответствовали основному шрифту печатной машинки. Очевидно, со временем, от долгого употребления, эти литеры стерлись, и мастер по ремонту печатных машинок заменил их на те, которые имелись у него в наличии.

Завершалась первая листовка фразой «Смерть немецким гадам»! Издали начальные буквы С, Н и Г читались вместе как слово «Снег», набранное вразбивку.

– Похоже на пароль «снег»! – удивился Петя, глядя на листовку.

– А почему бы и нет? Должен ведь у нас быть свой пароль, – вставил Леня Чернявский. – Вот и пусть будет «снег»!

– Как снегом, забросаем немцев своими листовками! – заверил Сеня. – В фашистских обращениях – брехня, а в наших – правда!

Петя с благодарностью пожал Сене руку: ему пришлось по душе эти слова, сказанные так кстати.

– Постарайся сегодня же, – сказал он Сене, – наклеить листовку прямо на морду Гитлера – вызволителя. Сумеешь?

– Фюрера все еще охраняют. Ну да и я не лыком шит, выберу момент, – ответил Сеня. – В общем, сделаю все, как надо.

Уже через час он стоял за сплошным деревянным забором Докстроа и сквозь щель следил за поведением постового. Тот, с автоматом на плече, ходил взад-вперед вдоль фасада дома, в котором располагался штаб немецкого гарнизона. Иногда останавливался, опираясь на штакетник, закуривал и выпускал дым кольцами.

Гитлер, с прилизанной челкой и вертикальной щеточкой усов под ноздрями недовольным взглядом смотрел на солдата, словно вопрошал: «Как ты, каналья, службу несешь?! Куришь, бдительность потерял! Вот возьму и отправлю-ка я тебя в самое пекло, куда-нибудь под Сталинград»...

Постовой время от времени заходил в штаб. Может, воды попить, а может, переброситься с кем-нибудь словом. Отлучки его были недолгими, и наклеить листовку на портрет никак не представлялось возможным – немец в любую минуту мог появиться на улице.

Тогда Сеня решил попытаться удачи в темное время суток.

Дождавшись, когда в небе засветилась Полярная звезда, Сеня незаметно от родителей выскользнул во двор. Листовки и банка с клейстером у него были припрятаны в укромном месте.

Прижимаясь к заборам, Сеня осторожно подкрался к штабу. Окна светились, значит немцы еще бодрствовали. Но возле дома не было ни души.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Сеня уже хорошо различал портрет Гитлера. Выждав несколько минут, парнишка мазнул клейстером тыльную сторону листовки и метнулся к стене. Приклеив бумагу и разгладив ее ладонью, он быстро вернулся на исходную позицию – в тень развесистой ивы. И ввремя, так как скрипнула дверь, и из штаба вышли двое немцев. Они закурили и вполголоса повели разговор на своем языке. А потом возвратились в дом.

Сеня с облегчением вздохнул: все обошлось без происшествий. Он заторопился домой, пока его не хватились родители...

Наутро Сеню подмывало сходить в штаб, поглядеть на дело своих рук.

Однако мать сначала попросила его наносить воды. А после посидеть с младшей сестренкой. Матери нужно было отлучиться в город.

Но вскоре с новостью появился Петя Чернявский. Из его глаз сыпались веселые искорки.

– Уже Гитлера не охраняют, – сообщил известие утренний гость.

– Почему? – удивился Сеня.

– Сами немцы сорвали портрет! Ты же листовкой подпортил физиономию Адольфу. И до немцев, очевидно, дошло, что славянам не по нраву их вождь.

С этого дня на острове оккупанты не вывешивали портрет фюрера.

2.

Столько событий произошло за последние дни, что Сеня на какое-то время забыл о Лиде – по прозвищу Коза. Хотя нет, о подруге он никогда не забывал, она ему даже во сне часто снилась, просто не было возможности увидеться с ней. Обычно после встреч с Лидой в его душе возникала окрыленность, ему хотелось ради нее совершить что-нибудь необыкновенное.

Сеня вышел во двор и глазам своим не поверил: возле калитки стояла Лида Григоровская. Он заторопился к ней, поздоровался.

– Что ж ты, Сенчик-птенчик, перестал появляться? – после ответного приветствия спросила Лида.

– Закрутило-завертело... Война все-таки... Дел прибавилось... – принялся оправдываться Сеня. – Но я, не поверишь, перед твоим приходом о тебе думал, а ты – тут как тут! Я очень рад тебя видеть, Лида! Пойдем в наш сад...

Лида с Сеней прошли вглубь сада, сели на деревянную скамейку под раскидистым орехом.

– А какие такие дела у тебя появились, Сенчик-птенчик? Не поделишься ли со мной своими секретами? – напрямую обратилась девчонка к другу. – На острове кто-то немцам постоянно вредит: станки на судозаводе ломаются, кабель подорван, листовки запрещенные появляются... Духа в переделку, мне так кажется, вовсе не случайно попал... Я же тебя знаю. Сенчик-птенчик, ты же в стороне отсиживаться не будешь, наверняка к этому тоже причастен.

Сеня был поражен проницательностью Лиды. Как она обо всем догадалась?

– Скажу честно, я рада, что немцы получают по заслугам. Но и я хочу быть с вами заодно – готова рисковать, выполнять любые задания...

– Но мы девчонок не берем!.. – Сеня поперхнулся, поняв, что проговорился, и от волнения даже закашлялся.

– Вот и прекрасно! Значит, я буду первой девчонкой в вашей организации, – безапелляционно заявила Лида-Коза.

«Вот же попал впросак», – корил себя Сеня в душе, и не знал, как ему теперь выкрутиться. Он ни за что не хотел бы, чтобы Лида была среди подпольщиков. «А почему? – мысленно задал себе вопрос Сеня. Ответ возник сразу: – Да потому что она мне дорога, и я боюсь подвергать ее опасности».

Лида будто прочитала мысли друга.

– Ты меня знаешь не первый день. Я за себя постоять всегда смогу. И пользу принесу какую-никакую: могу и листовки расклеивать, и другое... Между прочим, не хотела говорить, но тебе признаюсь: где я вижу немецкие лозунги, приказы, я их срываю и уничтожаю! Чтобы не мозолили людям глаза!

– И я тоже срываю. Вот недавно портрет Гитлера сорвал. А больше ничего...

– Ничего?! И ты об этом мне говоришь?! Хочешь обвести меня вокруг пальца? – Лида не могла спокойно сидеть на месте от возмущения.

– Лида, ты же знаешь, как я к тебе отношусь... – Сеня с трудом подбирал слова.

– Как? – резанула вопросом подруга.

– Ну, ну... В общем, я тобою очень дорожу... Я давно хотел высказаться откровенно, что без тебя не представляю своей жизни. – И Сеня поспешно добавил: – Будущей жизни!

– Сенчик-птенчик, о чем ты чирикаешь? – насмешливо и удивленно спросила Лида. – Это что – признание в любви? Но я тебе не верю!

– Почему? – потерянно посмотрел на нее Сеня, и краска стыдливой робости залила его лицо.

– Но ты же меня пытаешься обмануть, что не имеешь никакого отношения к подпольной организации или группе... Я не знаю, как она у вас называется. Если ты меня обманываешь в одном, отчего я тебе должна верить в другом? А, Сенчик-птенчик? – Лида припёрла друга к стенке железной логикой.

– Да это разные вещи! – взмолился Сеня. – Там клятву дают, после которой нельзя ничего разглашать...

– А в любви разве не клянутся? – Лида дожжимала друга, который был уже почти на лопатках.

– Хорошо, – сдался Сеня. – Я поговорю о тебе – где надо и с кем надо...

– Вот теперь ты у меня совсем умница! – по-взрослому произнесла Лида.

Она приблизилась к Сене и неожиданно поцеловала его в щеку. Это был первый поцелуй в жизни Сени Темного. Он оторопел, а когда пришел в себя, Лиды-Козы уже не было поблизости.

3.

Карантинный остров жил своей жизнью, по своим законам. Если центр города пестрел приказами немецкого командования, то на острове их практически не было. Мало кто из жителей поселка ведал, что об этом побеспокоились юные подпольщики.

Особенно ловко управлялась с заданием Лида Григоровская. Пока гнала между домами своих коз, успевала с заборов

срывать «фашистскую макулатуру», как она называла ненавистные немецкие воззвания.

Лиду, по рекомендации Сени Темного, все же, приняли в ряды островских мстителей. Петя Чернявский и Толя Запорожчук убедили «дядьку Антона», что Лида – девчонка смелая и с характером.

– Если энергию Григоровской не направить в нужное русло, на успех общего дела, то она самостоятельно будет причинять вред оккупантам, – доказывал Петя Бородину. – Уж мы-то ее хорошо знаем. Ни перед чем не остановится!

–И тогда до беды недалеко. В считанные дни сгорит девчонка – попадет в лапы фашистам! – добавил Толя.

– Знаете морское поверье: «Женщина на корабле – всегда к несчастьям»? – отбивался от доводов ребят Бородин. – Но с другой стороны, остров – это и Лидина малая родина, которую она хочет видеть свободной от врага...

Анатолий Павлович на минуту задумался, будто взвешивал все сказанное перед этим, а после махнул рукой в знак согласия:

– Ладно, так тому и быть – сделаем для нее исключение из правил...

Ребята обрадовались. Уж они-то доверяли этой бедовой девчонке.

Лида не только срывала «фашистскую макулатуру». С необыкновенной быстротой и ловкостью она наклеивала листовки с обязательной концовкой «Смерть немецким гадам»!

Особый фурор произвела листовка, в которой говорилось, что 7 ноября 1941 года в Москве состоялся парад войск Красной Армии. И на центральной трибуне страны – Мавзолее – находился главнокомандующий Сталин.

– Не знаешь, кому и верить, – в растерянности чесал затылок дед Козачок, читавший всю наглядную агитацию, которая появлялась на заборах. – Немцы утверждают, что уже захватили столицу. А тут, выходит, что их паршивой ноги там и не было, раз парад войск сам товарищ Сталин принимал. Хотя кто его знает, как оно там на самом деле. От нас далеко -- не видать, не слышать. Принимать на веру? Но кому верить-то?

Тихон Федорович, отец Сени, услышав пространные рассуждения соседа Козачка, не удержался от реплики:

– Уж лучше своим верить, чем врагу!

– Да-да, ты прав, Тихон, прав... – не стал даже спорить дед.

А шеф херсонской службы СД Кольтер лютовал. На его столе лежала праздничная листовка с Карантинного острова, которая возбуждала в нем незатухающую злобу к этим непокорным славянам.

Он вызвал в кабинет сначала старого Кострижева.

– Долго я буду получать подобные подарки?! – Кольтер тряс перед лицом испуганного осведомителя злополучной листовкой. – Кто их печатает? Откуда они берутся?

– Пан полковник, я стал меньше спать, стараюсь больше выведать новостей...

– Плохо стараешься, болван, раз вот это... – Кольтер сложил вдвое листовку и отхлестал ею Кострижева по лицу – ...раз вот это появляется в людных местах!

Иван Осипович ощущал не боль, а страх от экзекуции, учиненной самим шефом херсонской СД. Он трясся, по щекам потекли слезы.

– Смотри, если не найдешь мне врагов рейха, то отправим твоего щенка в Германию! – Кольтер нашел слабое место у старика, который жил только ради сына, продолжателя рода Кострижевых.

– Удвою усилия, пан полковник! – кланяясь в пояс Кольтеру, пробормотал Иван Осипович.

– Тогда иди и смотри мне... – хозяин кабинета погрозил старику листовкой, которую не выпускал из рук.

Следующим на очереди был Белый. Ни он, ни Кострижев даже и не подозревали, что служат одному и тому же человеку.

– Догадываешься, зачем тебя вызвал? – Кольтер уже не играл, он был самим собой – злым и беспощадным.

– Никак нет, господин полковник!

– Вот такие листовки на твоём заборе кто-то расклеивает, и их читают все, кому не лень! Кто у тебя на подозрении?

У Белого холодок пошел по спине. По тону Кольтера чувствовалось, что он потерял всякое терпение.

– Может, это не наши? Я всех островских мужиков наперечет знаю. Вряд ли кто из них на это способен, кроме Якова Рублева. Но он, как мне известно, в гестапо под неусыпной опекой, так что и он бы не смог подобное сделать...

– Но кто-то листовки выпускает! – рявкнул Кольтер на Белого. – Причем, регулярно! И причем, у тебя под носом! Мне тут не объяснения твои нужны, не оправдания, а конкретные фамилии возмутителей спокойствия!

Что оставалось Белому? Лишь утихомирить вспышку агрессивности Кольтера новыми обещаниями. И Алексей Иванович не поскупился на слова:

– Господин полковник, приму все меры, чтобы исполнить ваш приказ! Приложу все силы!

Гнев у Кольтера уже иссяк, и он иронически произнес, обращаясь к Белому на «вы»:

– Опять обещания. И что же вы думаете, все-таки, предпринять?

– Есть у меня одна задумка, господин полковник. Хочу поручить некоторым островским ребятам разведать, кто может в поселке заниматься листовками. Молодежь – вездесуща, любопытна, зрение острое, слух отменный. С такими помощниками скорее результата достигнем.

– Это уже что-то, – одобрил Кольтер Белого. – Действуйте! Жду вас с хорошими новостями...

Глава 14

Духа на костылях. Смерть Вани Иванова. Поджог лесосклада. Валя Кабаков подорвался на mine. Костя Чернега потерял ногу.

1.

Духа вернулся домой на костылях. В больнице ему сделали операцию – отрезали ступню. Но он не унывал, остался, как и прежде, жизнерадостным и веселым. А когда чувствовал на себе жалостливые взгляды, ухарски пел частушку:

Хорошо тому живется,
У кого одна нога.
Без портянки обойдется
и не надо сапога...

Бородин на встрече с юными мстителями всем ставил в пример Духу:

– Жизнью рисковал, но задание Центра выполнил. В результате, потерял ногу. А самое главное то, что не пал духом, снова рвется в бой. Вот он и есть для вас образец стойкости и мужества!

– Наш Духа не пал духом! – в рифму подтвердил слова Бородина Шура Рублев.

Однако товарищи на время оставили Андрея Запорожчука в покое: пусть у него как следует заживет нога, а сам он привыкнет к костылям.

Подпольная организация, состоящая из мальчишек с Карантинного, понесла первые потери – непредвиденные, нелепые, случайные.

Преждевременно ушел из жизни Ваня Иванов. Был он направлен биржей труда матросом на самоходную баржу, которую немцы подняли со дна и восстановили на заводе имени Коминтерна. Раньше это судно называлось «Ангара», и при отступлении наших войск было затоплено. Теперь же «Ангару» все прозывали «грязнушкой», так как на ней вывозили в Крым ил, намываемый

земснарядом при расширении и углублении судоходного русла Днепра возле Херсона.

«Грязнушка» с илом вышла в рейс. В Черном море наша подводная лодка, заметив в море баржу под вражеским флагом, выпустила в нее торпеду. Подбитое судно начало тонуть, экипаж вынужден был спасаться. К счастью херсонцев, берег был на виду, и они вплавь добрались до него. Но ледяная купель для Вани Иванова оказалась губительной. Парнишка застудил легкие, началось воспаление и, вернувшись в Херсон, он вскоре умер.

Сеня очень горевал после смерти Вани, тот был его настоящим другом детства. Вместе учились в школе, вместе играли в футбол, вместе участвовали в подпольной деятельности против оккупантов Карантинного острова.

Помнится, как Ваня Иванов был среди тех ребят, кому было поручено поджечь штабеля бревен на лесоскладе завода имени Коминтерна.

Первым заметил Сеня, как из ворот склада выехали две немецкие автомашины, полностью нагруженные лесом. «В Германию отправляют», – догадался парнишка. Он без промедления сообщил об увиденном Пете Чернявскому.

– Неужели позволим фашистам вывозить наше добро? – возмутился Сеня. – Да уж лучше поджечь этот лес!

Петя ничего не сказал сразу, и Сеня расценил его молчание, как колебание, мол, стоит ли нам заниматься всякой ерундой...

– Ни в коем разе! – будто догадавшись о мыслях товарища, отрезал Петя. – Не позволим! Я сейчас думаю о том, кому бы поручить эту работу...

Сеня обрадовался, что Петя ухватился за операцию по ликвидации лесоматериалов.

– Шуру Падалку и Мишу Еременко я недавно видел – они на берегу лодку конопатили. Кстати, у Миши уже есть опыт в таком деле, он отличился на поджоге литейного цеха... – рассуждал Петя. – Кого бы еще привлечь?

– Так я перед тобой! – воскликнул Сеня. – И Ваню Иванова позову.

– Отлично! Пожалуй, достаточно...

Ночью лесосклад охранял сторож с собакой. А днем лишь рабочие появлялись, чтобы взять доски или бревна для работы. И это облегчало задачу ребятам.

На другой день Шура Падалка, Миша Еременко, Ваня Иванов и Сеня Темный появились возле забора лесосклада. Ребятам довелось какое-то время переждать, пока под присмотром двух немцев шла погрузка автомашин пиломатериалом. Но вот рабочие, завершив дело, уселись сверху на доски, укатили, а немцы удалились в заводскую контору.

Ребята тут же воспользовались благоприятным моментом.

Сухая древесная кора, бумага, прибитая ветром к бревнам, когда их облили керосином, загорелись мгновенно. Поджог был совершен с разных сторон штабеля. И уже через десяток минут пламя охватило сухой лес целиком, поток горячего воздуха с гудением проникал в щели между бревнами.

Мальчишки успели незамеченными выбежать за территорию склада. Отсидевшись в кустах, они после как ни в чем не бывало примкнули к кучке зевак, сбежавшихся на пожар.

Тушить огонь было бесполезно. Пламя бесновалось, огромные языки взметывались вверх, куски горящих досок, стреляя и шипя, летели по воздуху и могли ненароком в кого-нибудь попасть и причинить увечье. Поэтому люди вынуждены были все дальше и дальше отступать от горящего лесосклада.

Догорали штабеля бревен еще долго. А мальчишки остались довольны, что утерли нос оккупантам.

– Вот так вам и надо, фрицы! – с чувством произнес Ваня Иванов. – Нечего нашим добром распорядиться!

Но неподалеку от пожарища, на видном месте, Ваня оставил пустую пачку от папирос «Беломорканал», придавленный окурочек и несколько горелых спичек.

– Пусть немцы думают, что какой-то курильщик нечаянно бросил спичку, от которой штабель и загорелся. Береженого Бог бережет...

2.

Военнопленных постоянно теперь использовали, как рабсилу, на Докстрое и заводе имени Коминтерна. Они выполняли самую неблагодарную – грязную и тяжелую – работу.

Худые, с изможденными лицами, в завшивевшей, давно нестираной, одежде, эти люди вызывали жалость. Рабочие — местные жители поселка, а среди них были и женщины — с сочувствием относились к военнопленным, подкармливали их хлебом и прочей домашней снедью.

Как-то немецкий конвоир ударил прикладом пленного, тот упал, у него из носа пошла кровь.

Женщины с негодованием обратились к главному инженеру завода имени Коминтерна господину Ансельму, чтобы он запретил в их присутствии конвоирам избивать несчастных.

Ансельм накричал на старшего конвоя. Кто немного понимал немецкий язык, потом пересказал, что главный инженер потребовал, чтобы такого больше на его предприятии не повторялось. Мол, ему надо выполнять производственный план во имя могущества рейха, а для этого рабочая сила должна быть крепкой физически и в хорошем расположении духа.

Надо признать, что после этого военнопленных больше не избивали. По крайней мере, на глазах людей.

Юные подпольщики, а многие из них отбывали трудповинность на заводах, расположенных на Карантинном острове, взяли на себя обязательство доставлять одежду и продукты для военнопленных. Сначала попытались просить вещи и еду у жителей, но много ли они могли дать? Люди сами во всем нуждались, еле сводили концы с концами.

— Выход один — экспроприация немецких складов, — пришел к мнению Толя Запорожчук после очередного, не очень удачного похождения по домам островитян. — Что мы будто милостыню просим? Надо взять у немцев ими награбленное и передать пленным.

— Есть на примете продовольственный склад — на консервном заводе имени 8 Марта, — сказал Валя Кабаков. — На самой за-

водской территории этот склад охраняется. Но можно к нему на лодке подобраться – одна стена его выходит к реке.

– Ну и что дальше? – Толю Запорожчука заинтересовало сообщение Вали.

– А дальше надо попробовать оторвать пару досок и проникнуть в середину.

– Но если охрана услышит? – с ноткой сомнения спросил Толя.

– Вряд ли. Склад огромный, а на заводе шум не затихает – там же работа продолжается... – заверил его Валя.

– Тогда давай так... Смотайся туда на лодке, разведай все тщательно... Ну, подходы к складу, в каком месте легче всего проникнуть в помещение незаметно... Понял, Валеk? Но чтобы никакой самодеятельности! – предупредил Толя.

А через день Валу Кабакова привезли на телеге домой полицай, мертвого. На его груди была прикреплена табличка «Вор и преступник».

– Приказано так и похоронить – с табличкой! – строго сказал старший полицай родственникам Вали. – Ослушаетесь, будете лежать рядом с ним!

Старший полицай направился к выходу, но, обернувшись, хмуро высказал свои рассуждения:

– А вообще-то, еще повезло вашему недорослю, что погиб от взрыва мины. Если бы жив остался, то повесили б его со всеми вытекающими последствиями... Наше заводское начальство – шеф Айзенбут и инженер Фидер никого не милуют. Они рабочую – девушку за то, что два помидора съела, нагайкой чуть не до полу-смерти исхлестали...

Как потом выяснилось, Валя, все же, проник в склад, и набрал консервов, которые погрузил в лодку. Не успел он отчалить, раздался взрыв – это сработала мина, лишь только лодка зацепила ее. Немцы, чтобы не допустить возможности проникновения в склад со стороны Днепра, предусмотрительно заминировали все подходы к объекту.

Услышав взрыв, охрана без промедления кинулась к месту происшествия. Один из полицаяев сразу же узнал Валу:

– Так это же островской пацан! Я с его старшей сестрой в школе учился...

После похорон юного подпольщика Бородин провел беседу с ребятами.

– Вот видите, как получается... Валя оказался отчаянным хлопцем, решил опередить события, самовольно выполнить задачу и за это расплатился собственной жизнью.

Анатолий Павлович вздохнул, обвел взглядом ребят и продолжил:

– Но хуже всего то, что люди теперь думают, будто он пошел на это ради наживы, чтобы украсть консервы и продать их... Ведь его же привезли на остров как вора и преступника. И никто, кроме вас, не знает, что они предназначались для военнопленных.

– Попробуй сейчас докажи кому... – вставил реплику Шура Рублев.

– Не надо даже доказывать! – горячо возразил Федя Запорожчук. – Прогоним фашистов, тогда и восстановим честное имя нашего товарища! Мы расскажем всем, что Валя Кабаков погиб, пусть и по своей вине, но ради благородной цели, чтобы спасти военнопленных от голода...

Не успели юные мстители смириться с этой утратой, как произошло новое происшествие.

Костя Чернега из найденных мин стал вытаскивать взрыватели. А это занятие – сверхопасное, как игра в «русскую рулетку»: в любой момент может случиться роковой взрыв. И в результате, третья или четвертая мина сработала. Костя еще отделался легко – ему опалило лицо, и он лишился ноги.

Об этом несчастье сообщил Леня Лагутенко, который так отозвался о своем друге:

– Дурак! Бестолочь! С минами словно с игрушками, обращался, вот и доигрался!..

После этого случая Костя долго выздоравливал, привыкал ходить на костылях. Но в отличие от Духи, сохранившего бодрость, неунывающего, совершенно потерял интерес ко всему. Стоило с Костей заговорить о происходящих событиях, как он отворачивался и, ни слова не говоря, опираясь на костыли, ковлял к дому.

Глава 15

«Шурки, поиграем в жмурки!» Колонна моряков на льду. Обстрел конвоя. Двое спасенных у Лиды-Козы. Ваню отправляют в госпиталь.

1.

На Арестантской пристани, в районе элеватора, готовилась к отправке в Крым автоколонна. В кузовах машин находились боеприпасы, горючее, обмундирование, продукты питания для пополнения фашистских войск, осаждавших Севастополь.

Бородин разыскал Толю Запорожчука в цеху завода имени Коминтерна, где они работали: «дядька Антон» столяром-плотником, а Толя – слесарем.

– Вот что, вожак, – обратился Анатолий Павлович к Запорожчуку, – надо уделить внимание автоколонне.

И он вкратце объяснив юноше ситуацию, добавил:

– А заодно напомнить фрицам, что мы здесь, в городе, не последние люди. Тоже можем влиять на события.

– Попрокальвать колеса? – догадался сразу же Толя.

– В самую точку! Целиком ликвидировать автоколонну мы не сумеем, а вот задержать ее выход в Крым – в наших силах и возможностях.

Бородин прикурил, дал папиросу Толе:

– Знаю, что и ты этим балуешься, хотя, если честно, не одобряю...

Затянувшись с наслаждением, Бородин продолжил инструктаж:

– Подберите-ка вместе с Петей Чернявским тройку смысленых, самостоятельных хлопцев. Больше, я думаю, не надо, чтобы не мельтешили...

– Да у нас все ребята смысленные и самостоятельные! Вы что, островских не знаете? – Толя всегда стоял горой за своих.

– Ну-ну, не кипятись, это я на всякий случай... – успокоил Бородин младшего товарища.

Так выпало, что задание было поручено трем Шуркам – Рублеву, Падалке и Теленге.

В сгустившейся темноте мальчишки вышли на Пограничную, миновали городскую баню с покрашенными белой краской окнами.

Рублев неожиданно в рифму сказал:

– Эй, Шурки, давайте играть в жмурки!

Падалка весело ответил:

– А что? Под машинами и поиграем!

Ребята обошли стороной автоколонну, убедились, что охрана отсутствует. Посмотрели друг на друга и по молчаливой команде кинулись к грузовикам.

Казалось, что шины изготовлены из брони. Самодельные ножи из пилок с трудом протыкали окаменевшую на морозе резину.

Падалка первый управился со своим грузовиком. Он полез под следующий и наткнулся на Рублева.

– Тугая резина, зараза! – ругнулся Рублев.

– А ты ближе к диску прокальвай, там самое тонкое место, – посоветовал Падалка.

– Спасибо за подсказку! Я бы сам и не сообразил...

Дело пошло и легче, и быстрее...

И в этот момент открылась дверь кабины, из нее вылез немец.

Рублев и Падалка успели юркнуть под кузов, спрятаться за скатами с внутренней стороны.

Послышалось журчанье – это немец мочился на колеса, за которыми затаились юные мстители.

Затем донесся звук удаляющихся шагов: немец направился к жилому дому напротив.

Ребята с облегчением вздохнули – опасность миновала. И тотчас закралась мысль: а как там Теленга?

– Что будем делать? – шепотом спросил Падалка. – А если и в других кабинах немецкие водители?

– Может, есть, а может, и нет, – спокойно ответил Рублев.
– Надо делать свое дело и быть начеку.

– Решено! – согласился с товарищем Падалка. – Продолжаем в том же духе... Я проберусь к Рыжему, узнаю, все ли у него в порядке...

Теленга не сидел сложа руки, на его счету уже было несколько проколотых скатов. Он тоже слышал, как немец вышел из кабины, и устроил на время передышку.

Через пару часов ребята управились с заданием. Они, как ни в чем не бывало, возвращались домой, негромко обсуждая проведенную операцию.

– Когда фашист на нас струю направил, мне хотелось выскочить и ножом пырнуть его! – признался Падалка.

– И провалил бы операцию! – осадил его Рублев.

– Ну что, Шурки, поиграли в жмурки? – на этот раз повторил фразу Теленга.

– Так наигрались, что ремонт немцам предстоит немалый... – в тон ему ответил Рублев.

2.

С первых же зимних дней 1941 года задули северные ветра, которые завывали целую неделю. И как никогда рано, уже 6 декабря, Днепр со всеми своими притоками покрылся прочным ледяным панцирем.

Для островских мальчишек такая пора – в радость. На коньках-снегурках они носились по льду наперегонки, устраивали игры. Ни мороз, ни ветер для детей рыбаков и корабелов не страшны. Наоборот, глядя на их раскрасневшиеся, разгоряченные лица, было ясно, что ребят такая погода закаляла.

Леня Лагутенко, Сеня Темный и Лида Григоровская тоже вышли на лед. И сразу же увлеклись бегом, оторвались далеко

от острова. Умелый ход на коньках не требовал больших усилий. Когда скользишь по льду, кажется, что тело становится легким, почти невесомым.

Тройка катила неспешно по Конке, любуясь зимним пейзажем. Речка повернула, и вдруг за ее изгибом показалась серая колонна пленных.

Фашистский конвой сопровождал прямо по льду, в крепкий мороз, моряков – разутых, раздетых, многие были в одних тельняшках.

Леня сразу оценил ситуацию:

– Из Крыма ведут. Там, по сводкам, продолжаются ожесточенные бои. Скорее всего, из-под Керчи...

Лида, до этого веселая, довольная зимней прогулкой, изменилась на глазах: жалость к пленным и гнев к фашистам захлестывали ее.

– Как они издеваются над нашими моряками! Это же не люди, изверги из рода сатаны! – восклицала девчонка. – Было бы у меня сейчас в руках оружие, стреляла бы в них, не задумываясь!

У Лени, имевшего непосредственное отношение к морскому делу, выиграло самолюбие.

– Надо каким-то образом дать прикурить фашистам! – твердым голосом произнес он.

– Сумеет ли мы раньше добраться до нашего тайника с оружием, прежде чем колонна приблизится к Херсону? – В голосе Сени слышалось сомнение.

– Вот! – обрадовался Леня. – Тайник! У Шуры Падалки, кстати, тоже винтовки запрятаны... Давайте так: Сеня мчится к Шуре, Лида предупредит кого-нибудь из наших, кто на глаза попадет, а моя задача – взять оружие из тайника. Надеюсь, что успеем. У нас преимущество – скорость! А колонна пленных еле движется...

Сеня быстро добрался к дому лесника Ивана Андреевича Падалки, отца Шуры. Крытое черепицей строение располагалось на небольшом округлом мысе, омываемом с одной стороны Днепром, а с другой – Перебойней. Узкая извилистая речушка

Перебойня, пробившись сквозь плавни, соединяла основное русло Днепра с Конкой. Эта же речушка разъединяла усадьбы Падалки и Запорожчука. Дом, в котором жил Анатолий, руководитель второй подпольной группы юных патриотов, был возле затона – там обосновалась лодочная станция спортобщества «Динамо».

Часто Толя и Шура, находясь на разных берегах, договаривались о встрече с друзьями, живущими на Карантинном острове. Поселок же был напротив домов Запорожчука и Падалки – стоило лишь на лодке пересечь Днепр...

Сене повезло. Шура Падалка, сидя на чурке возле своего дома, снимал коньки.

– Доставай винтовки и надевай снова снегурки...

Сеня рассказал о колонне пленных моряков, которых конвой ведет к Херсону по льду.

Шуру не пришлось уговаривать, он тут же схватился и побежал за оружием.

– У меня только два ствола, – сказал он, вернувшись. – Этого мало...

Сеня успокоил его:

– Будет еще подмога! Лида должна известить ребят, а Ленья-капитан должен в это время из тайника взять винтовки... – Сеня поднес ладонь ко лбу, которой, будто козырьком, затенил глаза от яркого заходящего солнца и с беспокойством стал всматриваться в даль: нет ли на горизонте Лиды и Лени с товарищами?

– Может, сами двинем навстречу колонне? – предложил Шура. – А остальные нас нагонят.

Сеня не согласился.

– Шурка! Ты уж слишком горячий парень! Не удержишься, откроешь пальбу. И этим лишь испортишь задуманное. Нет уж, давай ждать ребят.

Вскоре подоспели, кроме Лени и Лиды, Шура Теленга, Ленья Чернявский, Федя Запорожчук, Миша Деев.

– По берегам Конки, недалеко от того места, где она соединяется с Перебойней, густые заросли, и камыш стоит стеной.

Вот там и есть резон спрятаться, поджидая колонну. – Шура Падалка, как сын лесника, который с отцом облазил всю округу, хорошо знал близлежащие плавни.

– Нам нужно рассредоточиться, чтобы одни взяли на прицел конвоиров спереди, другие – в середине, а третьи – замыкающих. Стреляем в них и на коньках даем деру, – выложил план действий Леня Лагутенко, и все одобрили его тактику.

3.

Леня Лагутенко сам же и расставил стрелков на позиции.

– Как только колонна приблизится к Перебойне, я стреляю первым, а остальные сразу же за мной, – проинструктировал он друзей – подпольщиков. – Внезапность должна ошеломить конвоиров...

Все вышло без сбоев, как и намечалось. Выстрелы, раздавшиеся со всех сторон, застали конвоиров врасплох. Зато моряки сразу же сообразили, что у них появился шанс для спасения, и бросились врассыпную.

Возле Лиды-Козы, прятавшейся в камышах, пробежали двое моряков. Один из них, с черной щетиной на лице, упал. Второй обернулся, наклонился над упавшим и стал трясти за плечо.

– Поднимайся, Ваню, иначе тебе кранты!

Тот отозвался с кавказским акцентом:

– Нэ могу! Ноги отказали совсем! Нэт у меня ног...

И Лида догадалась, что это, наверное, грузин.

Она, раздвигая камыш, пробралась к морякам, и предупредила:

– Не волнуйтесь. Здесь свои...

– Сестрица, – с облегчением вздохнул моряк, сидящий на корточках, – тебя сам Бог послал!.. У Ваню ноги отморожены, он не может идти. До этого хоть как-то передвигался...

– Что-нибудь придумаем, – поспешила заверить моряков Лида.

Она свистнула залихватски трижды. На ее свист через считанные минуты прибежали Сеня Темный и Шура Падалка.

– Вот вы-то мне как раз и нужны, – Лида показала на моряков. – Надо им оказать помощь. Шура, одолжи свои санки, и мы с Сеней доставим грузина ко мне домой...

– Но я живу в двух шагах отсюда! – стал возражать Шура.

– К тебе никак нельзя! Думаешь, к кому немцы в первую очередь с обыском явятся? К вам!..

– Да, это уж точно! Нападение на конвой было совершено почти рядом с нашим домом. – Шура больше не спорил. – Тогда я мигом за санками...

Зимний день короткий, короче воробьиного шажка. Солнце зашло за плавни, и следом приходят сумерки, которые будто мягким серым войлоком, окутывают все вокруг.

– Меня зовут Николай Бабенко, – представился моряк. – Я херсонец, моя жена на Сухарном живет. А это Ваню. Он из Боржоми...

– Вы не родственник Сережи Бабенко? – поинтересовался Сеня.

Моряк пожал плечами.

– Вроде бы нет у меня здесь родичей. А может, этот Сережа из дальней родни? Кто знает?..

Появился Шура.

Николай Бабенко и ребята посадили Ваню на санки.

В сгустившихся сумерках без приключений добрались до подворья Григоровских.

Лида первая забежала в дом, чтобы предупредить отца о неожиданных гостях. Тот вышел вместе с дочерью и помог занести грузина в помещение.

– В темноте фашисты вряд ли решатся делать облаву, – сказал Сеня. – А завтра обязательно обойдут каждую хату, чтобы разыскать моряков – беглецов.

Николай попросил Сеню как можно раньше с утра, до облавы, побывать на Сухарном.

– Передашь жене: пусть поспешит с тобой сюда и захватит гражданскую одежду...

Затем Бабенко глянул на своего товарища с обмороженными ногами.

– А как с ним быть, ума не приложу.

Отогревшись в темной хате Григоровских, Ваню принялся все сильнее и сильнее стонать. Ноги его почернели, и боль пронизывала, кажется, насквозь все тело.

Отец Лиды, Григорий Аверьянович, высказал свое мнение:

– Надо Ваню срочно определить в госпиталь. Здесь он не выживет, у него все признаки гангрены.

– А после госпиталя что его ожидает? Разве фашисты помилуют сбежавшего моряка? – возмутилась Лида, обращаясь к отцу. – Об этом подумал?

– Так у него хоть какая-то надежда остаться в живых имеется, возможно, даже и без ног. А дальше – как судьба распорядится, – развел руками Григорий Аверьянович.

Николай Бабенко, наклонившись над больным другом, выложил ему все начистоту. Ваню изменившимся сильным голосом сообщил о своем решении:

– Давай в госпиталь! Иначе мне кранты! Я тут и до утра не доживу...

Опять Сене с Лидой хлопоты. Пошли к Антону Федоровичу Коновалову и упросили его, чтобы он отвез грузина в немецкий госпиталь.

– Ладно, ждите. Запрягу лошадь и подъеду, – пообещал Антон Федорович.

Больше с тех пор никто о Ваню ничего не слышал. А вот Николай Бабенко с женой вернулся в свой дом, на Сухарный.

Глава 16

На катке. Концы в воду. Неожиданная встреча с полицией. Операция «Пакет». Благодарность «Центра».

1.

Шура Рублев взял коньки, чтобы отправиться на «ребячий» каток. Так называлась ледовая площадка на Днепре, устроенная местной островской ребятней.

А у немцев имелся свой каток – возле яхт-клуба. Его оградили канатами с разноцветными флажками, и находился он под опекой Белого. По вечерам тут зажигались огни, и играла музыка.

Однако на «ребячьем» катке было весело и без музыки. Одни устраивали состязания, катаясь наперегонки. Другие гоняли самодельными клюшками консервную банку, разделившись на две команды. Третьи выписывали на льду замысловатые фигуры, словно заправские спортсмены-фигуристы...

Не успел Шура выйти со двора, как его окликнул Толя Тендитный. Вместе с ним была Лара Аникина.

– Можно компанию тебе составить? – с улыбкой обратился Толя. – Вот Ларе захотелось на коньках покататься, упростила меня, чтобы я ее сопровождал...

– Наверное, сегодня произойдет нечто необычное, раз Лара сама проявила инициативу к нам наведаться. – Шура обрадовался появлению друзей. – Ведь Лара на острове – редкий гость...

– Тогда не будем терять время! – воскликнула девушка. – Скорее на коньки! Я в этом году впервые на лед выхожу.

– Год только начался. Еще отведешь душу, – успокоил ее Толя.

Выкатившись на речной лед, Лара смогла преодолеть небольшое расстояние. Потеряв равновесие, упала. Ребята помогли ей подняться, подхватили под руки и взяли направление к «ребячьему» катку.

А там верховодил Леня Лагутенко, островской капитан. Только теперь ребята сменили футбол на хоккей.

– Сыграем? – у Шуры тотчас проснулся азарт.

– Конечно, какие могут быть вопросы! Только надо Лару кому-то определить, чтобы нос себе не расквасила при очередном падении, – ответил Толя.

– О, я ее с Лидкой-Козой познакомлю, – нашел выход Шура.

Он подкатил с Ларой к Григоровской.

– Это Лида, это Лара... Поболейте за нас... Душа рвется в бой!

– Иди, Шурка! – великодушно позволила Лида. – Только болеть за вас не будем, сначала покатаемся с Ларой.

И сразу же повернулась к девушке.

– Ты городская?

– Да. На простор захотелось, на коньках покататься... Но видать, разучилась стоять на них – ноги разъезжаются, падаю, – засмеялась Лара.

– Ерунда! Сейчас все пойдет на лад.

Лида взяла за руку Лару, и они неспешно покатали, переговариваясь о всяких девчоночьих пустяках.

Время незаметно подкралось к сумеркам. Уже возле яхт-клуба Белый включил наружное освещение на немецком катке, и послышались звуки музыки.

– Пора домой, – со вздохом сказала Лара. – Скоро совсем стемнеет.

– Понравилось у нас? – спросила ее Лида.

– Да просто здорово! Я готова каждый день на вашем катке быть. Даже забылось, что сейчас война...

Мимо девчат, чуть в стороне, промчался рослый, крепко сбитый немец в вязаной спортивной шапочке. Низко накло-

нившись, заложив руки за спину, он летел на приличной скорости. Вероятно, на оборудованном катке ему было тесно, и он покатил по реке.

Лида встрепенулась, словно у нее зародилась неожиданная мысль.

– Побудь пока сама, – сказала она Ларе. – Я сейчас...

И подкатила к Лене Лагутенко, что-то горячо стала ему говорить, показывая рукой на удаляющегося немца-конькобежца. Леня сразу же окликнул Петю Чернявского, Толю Тендитного, Мишу Еременко. Остальные ребята тоже бросили игру.

– Мы попробуем одно дельце уладить, – объяснил Леня островским мальчишкам. – А вы продолжайте играть, как и прежде. Потом все узнаете, сейчас на рассказы времени нет...

Четверо смельчаков устремились вслед за немцем.

– Что произошло? – с тревогой обратился Сеня к Лиде.

– Терпение, Сенчик-птенчик, терпение. Будет один фокус-покус... – загадочно усмехнулась подружка.

Ребята, что называется, набрали обороты, догоняя немца.

– Не очень спешите, – предупредил Петя на ходу, – вдруг он обернется и заподозрит неладное.

– Впереди проруби для подледного лова подготовлены рыбаками. Так что нам лучше его подстеречь возле них. И когда немец будет возвращаться назад, устроим ему ледяную ванну, – высказал свой вариант Лагутенко.

Ребята добрались до места и стали ждать.

Немец был пока в поле их зрения.

– Хорошо бежит, как настоящий спортсмен – профессионал, – отметил Толя Тендитный.

– А может, он и был спортсменом – конькобежцем? – предположил Миша. – Да только довелось ему сменить спортивную форму на военное обмундирование...

– А теперь он для нас просто враг, – сказал Петя. – И за это поплатится.

Немец, наконец, сделал широкий разворот и уже летел в обратном направлении, все в той же в спортивной позе, с заложенными за спину руками.

– Как же его остановить? – спросил Толя.

– Бросать клюшки под ноги, – подсказал Леня.

Когда немец приблизился к ребятам, Миша Еременко первый кинул клюшку, но она пролетела мимо. Однако немец не ожидал подобной выходки от ребят и затормозил бег. Этого было достаточно: следующий бросок оказался метким, клюшка Толи достигла цели, попав прямо под коньки немцу. Он упал, и Леня Лагутенко своей клюшкой ударил его по голове. Тот не успел даже ойкнуть, тело его обмякло.

Ребята, схватив немца за руки, волоком потащили к ближней проруби. И быстро, головой вниз, спихнули в нее тело.

Вода небольшим фонтаном выплеснулась на лед, а следом пошли пузыри.

– Коньки жалко, – нарушил молчание Миша, стоя у проруби, в которой плавали льдинки. – Замечательные были коньки.

– А человека не жалко? – с сарказмом спросил Леня.

– Ладно, пошли! Чего мы тут стоим? Нечего панихиду по врагу устраивать, – резко бросил Петя.

2.

Изредка Бородин встречался с руководителями двух подпольных групп – Петей Чернявским и Толей Запорожчиком – в подсобке столярной мастерской судоверфи. В помещении пахло стружкой, клеем. А сам Бородин, запровский краснодеревщик, был в темном фартуке.

Подобные посещения не вызывали подозрений. Всегда можно объяснить, что молодые парни интересуются профессией столяра – плотника, хотят узнать секреты ремесла.

– Садитесь, – Анатолий Павлович жестом руки указал на деревянную скамейку. – На сей раз задание Центра довольно серьезное, поэтому для его выполнения требуются самые толковые и проверенные хлопцы. И скорее всего, вам лично придется принять участие в этом задании...

В голосе Бородина появилась официальная нотка. Он тут же спохватился, поймав себя на несвойственном тоне. Приобнял Петю и Толю, привлек как родных сыновей.

– В вас-то я уверен, как в самом себе. Хлопцы вы бесстрашные, смекалистые. Так что справитесь с поручением...

– Неужели самого полковника Кольтера, шефа городской службы СД, придется ухлопать? – в шутку спросил Толя.

– Да нет, задание попроще, – сказал Анатолий Павлович. – Центр хочет знать секреты врага. Между Херсоном и Цюрупинском постоянно курсирует связной на мотоцикле. Надо обязательно завладеть его почтой, в которой наверняка имеется важная секретная информация.

– И для этого ликвидировать связного, – уточнил Толя.

– А ты как думал? Добровольно он тебе отдаст пакет? – усмехнулся Петя.

– В общем, с этим ясно, – подвел черту Бородин. – Только хотелось бы знать: кого еще вы собираетесь привлечь в помощники?

У Анатолия Павловича, бывшего комсомольского лидера, осталась привычка – никогда не навязывать своего мнения, а лишь советовать, как поступить лучше.

– Я – Леню, брата двоюродного, – без раздумий ответил Петя.

– Я – Духу, тоже своего родственника, – вслед за товарищем сказал Толя.

– С его ногой-то? – с сомнением покачал головой Бородин. – Стоит ли рисковать?

– Да он на ней прыгает будь здоров! – встал на защиту Андрея Толя. – Приспособил к ноге деревяшку и через заборы сигает другим на зависть. А главное – руки у него чешутся, засиделся он без настоящего дела. Постоянно спрашивает: когда же его помощь понадобится?

– Ну, тогда под твою личную ответственность, – согласился с Толей Бородин. – А на прощание желаю вам удачи!..

Буквально на следующий день, когда совсем рассвело, ребята вышли с острова. За собой тянули сани, чтобы все видели, будто они за камышом в плавни подались.

Вблизи острова, к их счастью, камыш был полностью выкошен жителями поселка – для хозяйственных нужд, для топки печи. Поэтому четверке поневоле довелось пересечь Днепр и через Перебойню добираться до Конки, где камыш стоял еще нетронутым.

Дальняя прогулка была только на руку ребятам. Неподалеку пролегал ледник – путь, по которому связной на мотоцикле доставлял секретную почту из Херсона в Цюрупинск и обратно.

Из оружия у юных мстителей были две винтовки и гранаты. Беззаботность покинула ребят еще со вчерашнего дня, когда Петя строго-настроено предупредил: быть предельно собранными и готовыми к любой неожиданности.

На Конке они слышали стук топоров и визг пил. Это военнопленные под конвоем румын занимались заготовкой дров в плавнях.

– Я сажусь на санки, а вы везите меня, – сказал Духа.

Винтовки теперь были под ним.

Работа по распиловке деревьев на дрова велась чуть в стороне от дороги, в глубине плавней. Оттого румыны, хоть и видели ребят, окликать и останавливать не стали. Для этого кому-то из конвоиров пришлось бы выходить на дорогу. А им, вероятнее всего, неохота было покидать насиженное место у

костра, да и военнопленных оставлять без внимания – это прямое нарушение устава.

Не успели юные патриоты удалиться от опасного участка, как возле реки Чайки наткнулись на цюрупинских полицейев.

– Кто такие и куда? – грозно щелкнул затвором автомата усатый полицей в кожане.

– Не нашенские, не из Цюрупинска, – посмотрев внимательно на ребят, подсказал более молодой напарник. – Я своих всех знаю.

– Дяденьки, мы из Херсона. За камышом выбрались. Ищем, где потолще да повыше, – Андрей достал из-под себя резак, показал полицейам.

– А что еще на санках? – усатый оказался подозрительным.

– Я собственной персоной. Без ноги. – Андрей задрал штанину, полицей увидели деревяшку, пристегнутую к культе. – Вот меня и везут.

И Духа лихо запел:

Хорошо тому живется,
У кого одна нога.
Без портянки обойдется
И не надо сапога...

– Да отцепись ты от этих салаг! – посоветовал молодой полицей усатому. – Сдались они тебе...

Старший полицей назидательно произнес, обращаясь к Андрею:

– Дома надо сидеть, если в таком положении, а не на санках кататься...

– Так холодно дома сидеть! – откликнулся Андрей. – Вот и поехал за камышом.

Он поправил штанину, закрыв ею деревяшку и прикрикнул на товарищей:

– Ну чего стоите? Везите меня дальше!

– А вот дальше не надо! Возвращайтесь назад! Камыш можно где угодно найти... – отрезал усатый.

И ребята подчинились его требованию. Тем более, полицей опять клацнул затвором, показывая, кто в этой ситуации хозяин.

3.

Четверым стало ясно, что путь по которому пролегал маршрут связного-мотоциклиста, контролировали и конвоиры, охранявшие военнопленных, и полицаи.

– Что будем делать? – спросил Леня Чернявский, когда группа оказалась вне досягаемости цюрупинского дозора.

– Самый подходящий вариант – ждать мотоциклиста на участке между румынами и полицаями, примерно посредине, – ответил Толя Запорожчук.

– А потом?

– Что «потом»? – Толя глянул на Леню удивлённо. – Потом надо завладеть пакетом.

– Я имел ввиду, как спастись будем?

– Как зайцы! Побольше резвости и прыти и поменьше оглядываться назад, – засмеялся Толя. И тут же посерьезнел: – Еще не завершили операцию, а уже о своей шкуре печемся.

– Да я просто так, ты не подумай ничего такого... – Лене было неловко оправдываться. – Последствия ведь тоже надо предусмотреть...

– Все нормально, Леха! Считай, что друг друга не поняли, – успокоил Толя товарища.

– А Духа наш – молодцом! Сообразил, как избежать опасности, выручил всех нас своей находчивостью, – похвалил Андрея Петя Чернявский. – Я уже готов был из-за пазухи гранату выхватить, если бы полицаи обнаружили винтовки.

– Пока «два-ноль» в нашу пользу, как сказал бы капитан футбольной команды Леня Лагутенко, – Андрей был доволен тем, что у румын они не вызвали подозрений, и что немецких прихвостней – полицаев удалось одурачить.

Быстро заготовив камыш, ребята уложили его на санки и приготовились к ожиданию.

Было довольно холодно. Низовой восточный ветер усиливал мороз, выдувая тепло из одежды. Ребята прыгали, толкали друг друга, чтобы окончательно не замерзнуть.

Но вот издалека донесся характерный треск мотоцикла.

– Дождались! – обрадовался Толя.

Каждый из ребят занял свою, намеченную заранее позицию.

Встав на колени за санками, положив винтовки на камыш, были наготове Леня и Толя. А Петя и Андрей держали за спиной гранаты. У эсэсовца должно было создаться впечатление, что местные мальчишки съехали с зимней дороги на обочину, чтобы освободить путь мотоциклу.

Вскоре показался связной. Он был в шлеме, на руках перчатки с крагами, от встречного морозного воздуха его защищало ветровое стекло. Не заподозрив ничего, немец продолжал движение, не сбавляя скорости.

– Раз...два...три! – отсчитал последние секунды жизни мотоциклиста Петя.

Выстрелы винтовок и взрывы гранат раздались одновременно. Мотоцикл подбросило немного вверх, и затем он завалился набок, но колеса еще продолжали вращение.

Ребята подбежали к немцу, который был сражен наповал. Сняв с него планшет и вытащив из кобуры пистолет, они вернулись к санкам. Все сложили под камыш и чуть ли не бегом окольными ериками двинулись к острову Карантинному.

Через несколько дней Бородин, в приподнятом настроении, встретился с четверкой патриотов.

– Ну что, мушкетеры, один за всех и все за одного?!

– Непременно! – ответил Толя. – Прекрасный девиз, которому я всегда готов следовать.

– И я!! – в один голос подтвердили Петя, Леня и Андрей.

– Хочу сообщить: за операцию «пакет» – так я ее назвал – Центр вам выносит благодарность, – обратился «дядька Антон» к ребятам. – Задание выполнено четко и безукоризненно. К тому же, сведения оказались чрезвычайно важными...

– Готов к выполнению новых заданий! – откликнулся Петя.

Остальные вслед за ним повторили:

– И я готов!!!

– Но это еще не все. Есть приказ от Центра: сдать весь арсенал, добытый на «Очаковском канале».

Анатолий Павлович заметил, как после его слов сникли мальчишки, которым винтовки и гранаты придавали силу и уверенность.

– Ваше оружие необходимо для партизанского отряда, там оно больше пользы принесет, – объяснил Бородин. – Сами понимаете, не мы тут одни с врагом боремся. Значит, решили?..

– Решили...

– К вам подъедет Антон Коновалов, наш островской, на подводе. К Толе Запорожчуку или Пете Чернявскому. Он сам выберет нужный момент для этого. И вы покажете ему свой тайник. Антон Федорович доставит оружие по адресу... Я надеюсь, вы меня не подведете? – вопросительно глянул на ребят Анатолий Павлович.

– Нет, не подведем, – ответил за всех Петя.

Глава 17

Нужно ли давать название подпольной организации? История Карантинного острова.

1.

Еще на одной из первых сходов, когда опеку над островскими юными патриотами взял в свои руки Бородин, возник спор: нужно ли давать название их подпольной организации?

– Я считаю, что нужно! – убежденно заявил Шура Теленга. – Например, назвать «Мстители с Карантинного». Пусть враг знает, что с ним ведет борьбу конкретная, а не мифическая группа отважных...

– Ты заодно, Рыжий, адрес свой укажи и фамилию! Чтобы враг точно знал, кто конкретно с ним борется, – Миша Еременко с усмешкой глянул на Шуру. – Вот тогда тебя сонного и тепленького вытащат прямо из постели, сладкий сон не дадут досмотреть...

Анатолий Павлович не вмешивался в спор. Наоборот, ему было интересно наблюдать, как рассуждают мальчишки. К тому же, вот в таких откровенных разговорах раскрываются черточки характера каждого.

– Иногда история преподносит поучительные уроки. Могущественный царь Дарий, завоевавший многие народы мира, не смог покорить скифов, которые обитали как раз в наших местах. Они были неуловимы для персов. Всякий раз, когда Дарий с войсками настигал их, они уходили от него из-под носа. И такой вот тактикой скифы измотали воинов Дария. Многочисленное непобедимое войско персов, не солоно хлебавши, покинуло земли Скифии, так и не одолев наших находчивых и умных предков...

Петя Чернявский слыл начитанным, рассудительным, и сверстники преклонялись перед его знаниями и, порой взрослой, логикой.

– Наша организация – подпольная, – продолжил Петя, – то есть, мы действуем тайно, и нас не так уж много, чтобы мы могли вести открытую борьбу с неприятелем. Нам нужно придерживаться тактики скифов – быть неуловимыми, опережать врага на два хода... А что касается названия – разве в этом дело? Главное для нас – нанести ощутимый урон врагу, чтобы тот чувствовал себя, как...

– Как карась на сковородке! – завершил фразу друга Толя Запорожчук.

Петя засмеялся, кивнув головой в знак согласия.

Этот спор захватил всех присутствующих. Не остался в стороне и Сеня Темный.

– Мы в школе изучаем историю Древней Греции, Древнего Рима, средневековья. Изучаем историю своей страны. А вот почему-то о прошлом нашего края – аж ничегошеньки не ведаем. Тут у нас, как говорит учитель, большие пробелы. Мне хотелось бы иметь полное представление о нашем Карантинном острове: как он заселялся, как осваивался, почему его так назвали?

Сеня переводил взгляд с Бородина на Петю, будто только они могли ответить на его вопросы.

– А мне по душе твоя любознательность, – признался Бородин. – Действительно, мы же патриоты своего края, своего острова, за свободу которого сейчас ведем борьбу. И как патриоты, мы просто обязаны знать о наших предшественниках... Я пока не готов заполнить, как Сеня верно выразился, эти пробелы. Но я подумаю, и позднее мы вернемся к сегодняшней теме. Обещаю...

2.

Лед на реке стоял еще прочный, хотя чувствовалось, что зима доживает свои последние деньки. Заметно увеличивался световой день. Люди с нетерпением ждали скорого наступления весны.

– Такой долгой зимы с такими лютыми морозами я и не припомню. До смерти надоела эта холодная неприветливая зима-старуха, прямо-таки вечная, бессмертная! – ворчал дед Козачок. – Неужели я не доживу до желанной молодой весны?

В один из предвесенних дней подпольщики собрались в хате у Сережи Бабенко. А следом и Бородин появился с Антоном Коноваловым.

– Представлять Антона Федоровича не стоит, вы с ним хорошо знакомы, он живет рядом с вами – в одном поселке. Но вряд ли вам известно... – Бородин прищурился в улыбке, – что он еще и краевед-любитель, который много лет собирает сведения об истории Карантинного острова. Помните, прошлой осенью я вам обещал, что когда-нибудь вы более подробно узнаете о своем острове? Вот я и нашел такого знатока... Между прочим, занимался этим, благодаря Сене Темному – он первый подтолкнул к поиску, и у меня тоже проявилась любознательность, захотелось узнать побольше о прошлом...

Сеня был несказанно удивлен, что Бородин постоянно держал в памяти свое обещание. Он-то уже давно забыл о той давней встрече – столько воды утекло...

Сережа Бабенко выставил на середину комнаты табуретку для Коновалова. Бородину ребята, потеснившись, освободили место на скамье.

– Давным-давно, когда наш Днепр еще назывался Борисфеном, Славутичем, киевские князья с дружинами проходили на ладьях мимо нашего острова. И непременно устраи-

вались здесь на отдых. Путь их лежал в Византию, в Константинополь, – приступил к рассказу Антон Федорович.

– Также мимо нашего острова пролегал знаменитый водный путь «из варяг в греки», – блеснул эрудицией Сеня Темный.

Возле него сидел Миша Деев. Он шикнул на Сеню: не перебивай!

– Верно, Сеня, – Антон Федорович поощрительно улыбнулся ему. – Но по-настоящему облюбовали и обжили наш край запорожские казаки, люди вольные, охочие до путешествий и освоения новых земель. Между прочим, вначале остров, как и речка, назывался Кошевым. Здесь была постоянная стоянка казаков во главе с кошевым атаманом. Они охраняли границы своих земель от набегов татар и турок, охотились, ловили рыбу... А позднее тут располагался зимовник запорожских казаков, неподалеку от нынешнего островского поселка. Зимовник состоял из хат и различных хозяйственных построек. Во главе живущих в зимовнике был казацкий старшина, или бунчуковый товарищ...

Ребята слушали Коновалова с неослабным вниманием, его рассказ вызвал у них интерес.

– А вы знаете, почему остров переименовали? Почему он стал Карантинным? – обратился Антон Федорович к молодым слушателям.

– Когда строился Херсон, люди, прибывшие с разных губерний Российской империи, поначалу жили в шалашах и землянках – в антисанитарных условиях. Они недоедали, ни о какой медицинской помощи и речи не могло быть. И время от времени возникали эпидемии чумы, холеры, тифа. Смерть косила первопроходцев – строителей Херсона, как говорится, под самый корень. Пришлось больных изолировать в стороне от здоровых, чтобы сохранить население. Для этого и был выбран наш остров, который впоследствии в народе стали про-

зывать Карантинным, – без запинки, будто на уроке истории, разъяснил Петя Чернявский.

– Верно! Будучи учителем, я бы тебе поставил «отлично», – Коновалов остался доволен ответом парня. – Действительно, эпидемии уничтожали людей, как мух. В первые годы создания Херсона население в нем доходило до двадцати тысяч, а в 1799 году осталось около двух тысяч жителей...

– Федор Ушаков, будущий адмирал, который привел свою команду моряков в Херсон, сумел спасти людей от чумы на острове, – дополнил Шура Теленга.

– Нет, не совсем так... – Антон Федорович расстегнул пиджак, ему было жарко. – Ушаков остановился в степи, где оборудовал временное поселение для своей команды, не допустив контакта с больными. Однако, продолжу дальше... Когда шла Крымская война, возникла угроза высадки вражеских войск с моря. Чтобы обезопасить Херсон от вторжения врага, приступили в 1855-56 годах к строительству оборонительных укреплений по береговой линии, одно из которых было возведено на Карантинном острове. Но, к счастью, обошлось без десанта...

У Антона Федоровича запершило в горле, он закашлялся. Очевидно, не привык к долгим речам.

Сережа Бабенко, как хозяин, зачерпнул из ведра кружку воды и услужливо подал рассказчику. После нескольких глотков Коновалов снова приступил к рассказу.

– Вначале на острове жило несколько семей рыбаков. Наиболее известный из них – Михаил Трофимович Комаров, из казацкого рода, по прозвищу дед Каланчак. Он прожил около 134 лет и умер в 1906 году.

– Вот это да! – воскликнул Миша Деев, не удержавшись от изумления. – Нам бы столько пожить!

– Благодатный климат, свежий речной воздух, конечно же, способствуют долголетию, – сказал Антон Федорович. – Почему бы и вам не быть долгожителями?

– Сначала надо врага победить, изгнать с родной земли, – рассудительно произнес Сеня Темный. – В неволе долго не протянешь...

– Это уж бесспорно! – согласился Коновалов. – Кто-то из философов выразился примерно так: «История человечества – это история войн». Битвы сменяли одна другую, вот и теперь идет война – жестокая, несущая людям горе и неисчислимые бедствия. Однако были и мирные времена...

Мальчишки сидели тихо на своих местах, как ученики во время урока, полностью захватившего их внимание.

3.

– Однако были и мирные времена, – повторил Антон Федорович. – Люди обустроивались, трудились, воспитывали детей... Самое красивейшее здание на Карантинном острове – яхтклуб, построенный на деньги богача Соколова в 1907 году. Он был романтиком парусного спорта, владел морской яхтой «Мечта»... Один за другим возникали на нашем острове лесопильные заводы Гольденберга, Волохина, Шульца и других капиталистов. Рабочие, которые перерабатывали сплавной лес на брус, рейки, доски, имели такие профессии – станочник, пилоправ, тырсонос, маркировщик. Котлы отапливались опилками, или тырсой по-местному, и пар держался отменный, пилорамы работали безотказно... До десятка шерстомоек располагались на берегах Карантинного. На них, в основном, выполняли работу женщины. Первое шерстомойное заведение учредил купец Деминитру в 1828 году. В начале XIX века англичане решили создать порт. Уже были подготовлены три массивных причала, по которым двигались вагонетки на рельсах – для загрузки угля, леса. Берега реки Кошевой соединил деревянный мост – его спалили в гражданскую войну...

– И где же теперь этот порт? – не утерпев, спросил Сережа Бабенко.

– К сожалению, англичане не довели до конца свою задумку, им помешала первая империалистическая война, – ответил Коновалов. – С портом не вышло на острове, зато успешно развивались отрасли судостроения и судоремонта. В самом конце XVIII столетия на берегу Кошевой была основана верфь по строительству торговых судов. В 1912 году местный промышленник Александр Вадон заложил верфь, на которой приступил к выполнению военного заказа – созданию трех эсминцев «Счастливый», «Быстрый» и «Пылкий». В 1914 году эскадренные миноносцы были спущены на воду.

В 1921 году в Херсон прибыл народный комиссар путей сообщения Феликс Дзержинский. По его указанию мелкие, разрозненные судоремонтно-судостроительные верфи, в том числе и бывшая верфь Вадона, которая называлась «Эллинг», были объединены в мастерские имени Коминтерна. В 1930 году вступила в строй судовой верфь рыбтреста – ныне завод имени Куйбышева. А в 1939 году возникла «Судобетонверфь». Следом за нею на месте примитивных мастерских имени Коминтерна возникает крупный ремонтно-судостроительный завод под тем же названием... Да об этом вы уже сами не хуже меня знаете, он разрастался на ваших глазах...

Антон Федорович умолк и потянулся за кружкой, стоящей на столе, чтобы отпить из нее воды.

– А как же возник жилой поселок? – после паузы спросил Шура Рублев.

– Дома строились между лесозаводами. Людям было очень удобно – недалеко от работы и под боком речное приоволье. Улиц, как таковых, не было, дома возникали хаотично на участках, носивших условные названия – первый остров, второй остров и так далее. В паводок они между собой разделялись четко, превращаясь в настоящие островки... Зажиточные люди не строились на Карантинном, так как весной дома

затапливало. Во время наводнения жители острова перебирались со скотом в город – к родственникам, знакомым, пережидая стихию. И на лодках с Военки возили глину, сбрасывая ее прямо в воду возле своих хат. А потом все лето ремонтировали стены. Кошмар! – всплеснул руками Антон Федорович. – Пятихатский ерик, в районе пятого острова, заселили братья Теленги, сбежавшие от произвола помещика Скадовского. Крепкие, здоровые рыбаки были, построили пять хат – для каждого отдельную, вот и пошло гулять название – Пятихатский остров.

Коновалов кивнул головой в сторону Шуры Теленги, мол, о твоих предках речь идет.

– А как молодежь свободное время проводила? – спросил, польщенный вниманием к своей особе, Шура.

– На берегу Днепра, на возвышенности, которую все называли Счастливым бугорок, собирались вечерами молодые. Пели песни, танцевали под гармонь, счастье здесь свое находили – парни и девушки влюблялись, а после и семьи создавали... Вот, вкратце, такова история нашего славного Карантинного острова, неотъемлемой части города Херсона, – завершил повествование Коновалов.

– Все самое интересное происходило в далеком прошлом, а в нашей действительности ничего хорошего – одна война! – Сеня поднялся со скамьи, ему тоже захотелось пить.

– Начали за здравие, кончили за упокой! – одернул Сению Бородин. – Что за тон такой унылый?! Вам, молодым, и только вам следует продолжать творить историю острова. И то, что вы сейчас боретесь с врагом, зачтется в будущем, и ваша деятельность будет вписана яркой страницей в летопись Карантинного...

Глава 18

Знакомство с Ильей Куликом. Шалости с указателем. На Чернобаевском аэродроме: два самолета выведены из строя.

1.

Биржа труда принуждала выходить на работу юношей, достигших паспортного возраста – 16 лет.

Сеня Темный получил направление на железную дорогу, где его заставили выгружать из вагонов тяжеленные ящики с боеприпасами. Работа непосильная для молодого, не набравшего мужской силы, организма. И после нескольких часов такого труда руки болели и все тело ныло. Но Сеня старался не подавать виду, что устал. «Не я один здесь лямку тяну, негоже пасовать перед другими, – успокаивал он себя мысленно. И глядя на немецкую охрану, которая четко следила за тем, чтоб никто из грузчиков не совал свой нос в ящики с боеприпасами, утешался пословицей, услышанной от деда Козачка: – Отольются кошке мышкены слезы! Никакие снаряды вам не помогут, выметут вас отсюда поганой метлой».

От мыслей этих Сеню отвлек крепыш со светлыми волосами. Парень заговорил с немцем-охранником на его языке. Между ними завязался оживленный разговор. Солдат показал на бляху поясного ремня с надписью «Гот мит унс», а затем поднял указательный палец вверх.

– Вы и Бога себе в услужение взяли! – по-русски произнес крепыш.

Солдата окликнул напарник, и молодой парень опустился на ящик. Сеня подсел к нему.

– Ловко по-немецки шпаришь! – одобрительно отозвался Сеня.

– Да так себе... Вот упражняюсь в разговорной речи с немцами. Пригодится...

– А чего солдат за ремень схватился?

– Хвастал, что с ними Бог, эта фраза на пряжке выбита.

– С таким знанием языка – и в грузчиках!.. – недоумевал Сеня. – Мог бы себе получше подыскать работенку...

– Не беспокойся, я здесь долго не задержусь, – улыбнулся крепыш, проведя ладонью по своим светлым волосам. – Тебя-то как зовут?

– Сеня Темный, с Карантинного.

– А я Илья Кулик, с Военки...

И.А.Кулик – руководитель Херсонской подпольной молодежной организации "Патриот Родины"

Разве мог тогда Сеня предполагать, что познакомился с самим руководителем херсонской молодежной подпольной организации «Патриот Родины»? Не ведал также и Кулик Илья, что рядом с ним на ящике сидит юный патриот с острова.

С того дня Сеня ни разу не встречался с Ильей Куликом. А однажды Миша Чибисов рассказал, что по городу ходят слухи о дерзком ограблении. Светловолосый молодой немецкий офицер среди бела дня зашел в кассу на вокзале, связал кассира и забрал крупную сумму денег. И как сквозь землю провалился, гестапо нигде не может его разыскать.

И Сене почему-то сразу же вспомнился Илья Кулик: светловолосый, знающий немецкий язык, уверенный в себе, сильный. Интуитивно возникло предположение, что Илья мог одеть форму немецкого офицера и спокойно осуществить задуманную операцию...

2.

Через неделю от непомерно тяжелой работы грузчиком Сеня растянул сухожилия на руках. В медчасти ему выдали справку, в которой фельдшер дал заключение: "Необходимо восстановить способность трудиться".

– Сколько же тебе фрицы заплатили? – поинтересовался Миша Чибисов, который пришел навестить Сеню, когда тот отлеживался дома.

– Угадай!

– Не хочешь – не говори! – обиженно протянул Миша.

– Не думай, не разбогател! За неделю одну оккупационную марку заработал. На нее можно купить пачку сигарет из десяти штук...

– Ты же не куришь!

– Да я для сравнения сказал! И в придачу, как премия, – растяжение рук... – Сеня протянул вперед забинтованные запястья.

Не успели у него зажать руки, как с биржи труда объявился нарочный. Увидев возле дома Екатерину Ефимовну, спросил ее:

– Вы мать Семена Темного? Пришел за вашим саботажником. В следующий раз полицаи его уведут...

Новое назначение от биржи труда Сеня получил в Чернобаевский карьер. Немцы заставляли рабочих выполнять вскрышные работы – снимать вручную верхний слой земли. А после бурили в породе шурфы и в них закладывали взрывчатку.

Глыбы породы, поднятые взрывом, дробили на камень более мелкой фракции, складывали в кучи, а когда приезжала машина, грузили в кузов. Камень предназначался для строительства укреплений.

Вскоре бригаду, в которой числился Сеня, перевели из карьера к железнодорожному переезду. Там пришлось копать котлован под цистерны с горючим.

Недалеко от переезда на обочине шоссе стоял указатель, который показывал направление на Зеленовку.

Сене пришла в голову отчаянная мысль – развернуть указатель на Степановскую психбольницу, в которой квартировал немецкий персонал Чернобаевского военного аэродрома.

Только он это сделал, как появилась крытая брезентом машина с солдатами и повернула налево – в сторону психбольницы.

Через какое-то время эта же машина вернулась, остановилась возле указателя: он теперь показывал другое направление. Сеня перед возвращением машины с солдатами быстро восстановил его в прежнее положение.

Через несколько дней показалась на дороге колонна пеших румын. Два офицера, идущие впереди, затормозили перед указа-

телем, вынули карты и стали между собой совещаться. Издали было видно, что они спорят.

И все-таки колонна зашагала к психбольнице.

Старики из бригады землекопов уже обратили внимание на шалость Сени и, продолжали копать котлован, поглядывали ненароком в сторону зданий психбольницы: как же дальше будут развиваться события?

И вот запыленные с ног до головы, уставшие румыны бредут назад. У одного из офицеров на голове белая повязка. Скорее всего, немецким летчикам-асам надоело вторжение чужаков на их территорию, и они решили вразумить старших по чину румын, да так, что разбили голову офицеру.

А Сеня радовался, что его затея с указателем удалась. И заранее предвкушал, что эту радость разделит с ним и Петя Чернявский, когда обо всем ему поведаст вечером.

3.

Однако Петя иначе отнесся к выходке с указателем.

– Не такие уж немцы дураки. как ты считаешь. Запросто догадаются, что не ветром этот знак, словно флюгер, разворачивало. Тем более, люди неподалеку яму роют... Устроят гестаповцы всем допрос с пристрастием, живо все выяснится. Так что оставь, Сенька, эти детские опасные забавы, – пожурил Петя товарища.

Котлован под цистерны за несколько дней был вырыт. Бригаду перевели на следующий объект – на Чернобаевский аэродром. Выдали каждому рабочему кирки и лопаты, показали, какую надо копать траншею, и прозвучала команда:

– Рус, арбайте!

Сеню и других работников, менее крепких физически, оставили наверху. Они должны были грунт, выбрасываемый наверх, перекидывать еще дальше.

" Уж не яму ли себе роём? – черная мысль мелькнула у Сени. – Расстреляют нас, гробокопателей, и покатаемся вниз... И бесславно жизнь завершится"...

Но впоследствии выяснилось, что эта траншея будет служить дренажем – для отвода воды с аэродромного поля.

Сеня ко всему внимательно присматривался. Знал, что его наблюдения потом передадут в Центр.

Справа от дороги стоял барак. Чуть далее – спаренная зенитная батарея, поверх стволов выделялись кассеты со снарядами. Обслуживали батарею два немца – зенитчика, один из них постоянно следил за небом.

Когда самолеты подлетали к аэродрому, жерла стволов немедленно поворачивались им навстречу. Убедившись, что возвращаются свои, зенитчики вновь расслаблялись. Как-то по аэродрому разнесся рев сирены – это была воздушная тревога. Немцы велели рабочим затаиться в траншее, и сами попрятались кто куда. Все притихло, лишь скорострельная пушка сопровождала стволами самолет с красными звездами. Но зенитчики по нему не стреляли, поскольку самолет был на недосягаемой высоте.

«Наверное, разведчик! – На душе повеселело, и Сеня мысленно обратился к летчику: – Почаще прилетай, не давай покоя врагу!»

Не один Сеня, но и рабочие между делом наблюдали, как немцы подвозят бомбы к самолетам, как загружают нижние люки, как подвешивают под крылья...

Сеня приметил, что постоянно на бомбометание вылетают по три "юнкерса" – трижды в день.

– На Севастополь, гады, груз свой смертоносный несут! – с осуждением говорили старики.

Вылеты осуществлялись без сбоев, ритмично, в одно и то же время. После полета летчиков везли на отдых в психбольницу, а на смену прибывал новый экипаж.

"Как у них все отлажено! – отметил Сеня. – Живут по своей дьявольской системе, словно не люди, а механизмы живые"...

И хотелось в эту систему внести разлад, хоть на какой-то час досадить немцам, увидеть их потерянными, без маски самодовольства на их лицах.

И такой случай вскоре представился.

С очередного понедельника, после завершения копки дренажных траншей, большую группу рабочих, более двух сотен человек, повели на запасное поле аэродрома. Перед этим рабочих обеспечили небольшими саперными лопатками.

На поле немцы показали, как надо выравнивать площадку, устранив ухабы. Лопатками срезались бугорки и засыпались ямки, которые следовало хорошо утрамбовывать ногами. Стало ясно, немцы готовят новую взлетную полосу, скорее всего, для более тяжелых бомбардировщиков.

Людей расставили цепью через все поле, каждому определили полосу шириной три метра. Вновь дана привычная команда:

– Рус, арбайте!

Немцы-наблюдатели контролировали правильность выполнения хода работ, следуя за рабочими. Через какое-то время немец, который шел за Сеней с напарниками, передвинулся на правый фланг.

У Сени созрела идея, и он чуть слышно произнес, обращаясь к рабочим, идущим по обоим бокам:

– Давайте делать так...

Парнишка глубоко воткнул лопатку, выкопал в три приема ямку и тут же засыпал ее свежей землей, слегка заровняв подошвой.

– Другим тоже подскажите, как надо по-нашему выравнивать поле, – напомнил Сеня соседям рабочим.

Только наблюдатели приближались, Сеня с товарищами, устремляясь вперед, принимались срезать бугорки и засыпать ямки уже по инструкции.

Этой работой занимались три дня. А затем, после ее окончания, немцы вывели самолеты. На взлетные полосы вырулили

три бомбардировщика. Летчикам не терпелось испытать запасной аэродром.

Моторы самолетов взревели одновременно, они строем взяли разгон. Однако четкого плавного разбега не вышло: самолеты будто укачивало, крылья их клонило то влево, то вправо.

Через двести метров один "юнкерс" взлетел. А второй лег на крыло, сломав шасси, его развернуло в обратную сторону. Третий бомбардировщик врезался в посадку и остановился.

К самолетам тут же устремились пожарная машина и автомобиль с солдатами.

Сеня ликовал: его задумка удалась! По лицам рабочих он видел, что им тоже доставляет удовольствие метушня немцев. К тому же, и результат говорит сам за себя: два самолета выведены из строя, их придется капитально ремонтировать, а взлетные полосы готовить заново.

Глава 19

Белый отбирает у Сени лодку. Сеня – юнга в яхтклубе. Подъем бронекатера из воды. Белый предлагает Сене стать осведомителем.

1.

Белый рыскал по всем причалам и близлежащим селениям, расположенным в низовьях Днепра, разыскивая спортивные лодки и яхты. Самые лучшие отбирал у людей, чтобы затем обновить их и в качестве подарка передать высокопоставленным чинам в городе.

Тихон Федорович теперь был загружен до предела. Кроме ремонтно-восстановительных работ на спортивных судах, ему еще приходилось готовить такелаж. Мастер вынужден был задерживаться в яхтклубе дотемна, чтобы управиться в жесткие сроки, обозначенные начальником Алексеем Ивановичем Белым.

Сеня иногда помогал отцу.

Вот и на этот раз он пристал на своем одноместном тузике к причалу яхтклуба.

Не успел сын окликнуть отца, нелегкая принесла Белого. Увидев тузик, он зацокал языком.

– Славная лодочка! Вот что, Сенька, вылазь! Покатался и довольно! Теперь она моя...

Сеня оторопел от такой наглости начальника яхтклуба. Тут сыну на выручку поспешил Тихон Федорович, который слышал слова Белого.

– Алексей Иванович, помилуй, но это же сын сам изготовил тузик! Под моим наставлением, но своими руками! Зачем же парня обижать?

– Говоришь, сам сделал? Замечательно! Значит, еще делает. Может, даже лучше... – Белый произнес это таким тоном, что было понятно: дальнейшие уговоры бесполезны.

Тихон Федорович сплюнул в сердцах:

– Я тут днюю и ночую, привожу в порядок ваши суда, обхожусь без всяких помощников. Сын землекопом трудится, с его рук мозоли кровавые не сходят. Дом, надо заметить, без мужских рук остался. Работаем на вас, на немцев, а вы еще и малого обижаете...

Бросив удивленный взгляд на Тихона Федоровича, который слыл молчуном и вдруг произнес целую тираду, Белый примирительно сказал:

– Ладно, ладно, Федорыч, я тебя понимаю, но своего решения уже отменить не могу. Лично заместитель гебитскомиссара, господин Гаф просил подобрать ему небольшое суденышко, уж очень он рыбалкой увлекается... Так что, не обессудь. А вот насчет Сеньки твоего... – Белый окинул парнишку придиричивым взглядом с ног до головы. – В общем, беру его в яхтклуб юнгой! Вот и будет тебе, Федорыч, помощник. А мою услугу принимай как компенсацию за лодчонку...

Он направился к зданию яхтклуба.

Сеня до этого не встречал в разговор взрослых. Но поскольку решалась его судьба, он окликнул Белого:

– Постойте, Алексей Иванович! Я так и не понял – мне-то когда в яхтклуб на работу выходить?

Тот обернулся и важно ответил:

– Я сейчас иду звонить на биржу труда, чтобы тебя ко мне направили. А ты, Сенька, через пару часов наведайся туда и получи нужную бумаженцию...

Белый сумел в короткий срок добиться особого расположения у гитлеровцев: подарки – обновленные парусники – помогли этому. И теперь у него в яхтклубе был телефон, установленный "по спецразрешению", как выразился Алексей Иванович, самого гебитскомиссара.

Слово свое Белый сдержал. В конторе биржи труда Сене выдали направление в яхтклуб.

Херсонский Яхтклуб

Однако помощником отцу он так и не стал. Белый приказал быть при его жене Аннушке.

– Отец твой пока и сам управляется, а вот моей супруге тяжело одной...

И Сеня утром вынужден был сопровождать свою хозяйку на рынок, таская за ней тяжелые корзины с покупками. А после, в течение дня, выполнять хозяйственные поручения госпожи Анны: то дров напилить-наколоть, то полы вымыть, то овощи чистить...

Частым гостем семьи Белых был гебитскомиссар Гайс. Он подарил хозяйке модный купальник и, похлопывая полную Аннушку по телесам, приговаривал:

– Харош мамка! Со мной поехал плавать! Яхта вместе...

Переполненный гордостью от дружеского расположения гебитскомиссара, Белый выпроваживал жену:

– Уважь господина Гайса, составь ему компанию. И постарайся понравиться ему в новом купальнике...

Белый снабжал парочку выпивкой и закуской, и Гайс с Аннушкой отправлялись на трехчасовую прогулку. Чем они занимались, никто не знал.

Но как-то раз Сене случайно довелось услышать, как пьяный Белый кричал на жену:

– Ты, такая-сякая, думаешь, я не знаю, как ты время с Гайсом на яхте проводишь?!

Раздался звук пощечины и крик Аннушки:

– Попробуй еще ударь! Я все расскажу господину Гайсу!

Эти слова, очевидно, вмиг отрезвили Белого. Тон голоса у него изменился, стал плаксивым. Возможно, муж униженно ползал на коленях перед женой.

– Прости, Аннушка! Я ничего не хотел тебе плохого сделать, это просто вспышка, я был выпивший... Ну, ударь меня! Три раза ударь!..

Сеня стоял за перегородкой. Ему хотелось забежать в комнату и вместо Аннушки врезать хозяину чем попало. "За твою тесную связь с гитлеровцами я бы тебя сбросил на землю с балкона!.." – кипел от негодования парнишка.

Семья Белого обитала на втором этаже яхтклуба.

Конечно же, Сене было намного легче исполнять обязанности "юнга" при хозяйке, чем день-деньской махать лопатой в качестве землекопа. Но вскоре ему еще одна забота прибавилась. У Аннушки появилась корова, для которой ежедневно приходилось доставлять свежую траву. Начальник яхтклуба договорился с береговым пограничным патрулем о том, чтобы не задерживали его мальчишку-работника: он на плоскодонке будет с другого берега Днепра перевозить траву.

От постоянной загруженности Сеня сильно уставал, и ему хотелось одного – выспаться как следует.

2.

Затопленные суда "Боцман Волынец", "Червоный водник", "Первое мая", "Буг" были подняты из воды и доставлены для ремонта на завод имени Коминтерна.

– Не без моей подсказки! – с важностью козырял перед всеми Белый. – Я показал точное место их нахождения...

– Наш пострел везде поспел! – осуждающе отозвался о Белом Тихон Федорович. И тут же предупредил сына: – Ты, Сенька, имей ввиду – не для чужих ушей сказано. Время-то нынче лихое...

Как-то на обкатке яхты, подаренной гебитскомиссару, Белый обмолвился:

– Господин Гайс, вот здесь, где мы сейчас идем, затонул бронекатер Дунайской военной флотилии. Он был подбит немецкими доблестными войсками в первый же день овладения Херсоном... Если его поднять, восстановить, то он будет верно служить уже германскому флоту!

– О, ты есть молодец! – воскликнул гебитскомиссар. – О, это есть прекрасный мысль!

И спустя неделю к затонувшему бронекатеру прибыл паровой плавкран с водолазами.

Они зацепили строп за орудийную башню, подняли катер на поверхность реки. И буксир на плаву доставил "утопленника" к берегу.

Рабочие не могли оставаться безучастными к такому редкому событию, они стали сходить к причалу.

Большинство юных подпольщиков трудились на заводе имени Коминтерна. Пришли и они посмотреть на подъем корабля. В гуще людей уже находился Бородин.

Однако гестаповцы, вызванные на всякий случай главным инженером Ансельмом, оттеснили зевак на расстояние в полсотни метров.

Были отобраны несколько специалистов, которые по команде Ансельма, принялись готовить постель для бронекатера.

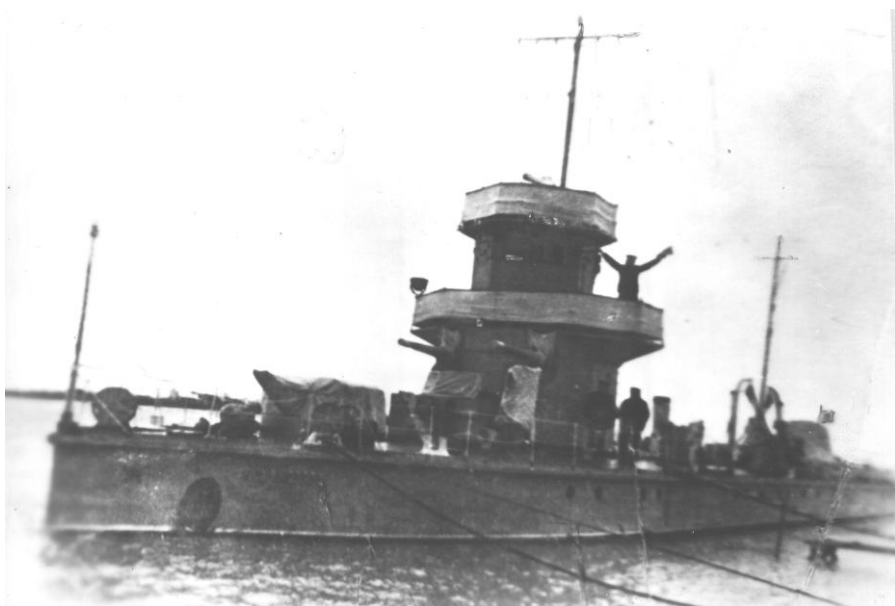
Подошла очередь браться за работу плавкрану. Но первая же попытка поднять корабль на сушу оказалась неудачной. Ото-

рвалась орудийная башня, не выдержав веса бронекатера. Его корпус скрылся в воде, пуская воздушные бульбы.

Водолазы были готовы к такому обороту дела. Они спустились на дно, завели троса под днище корпуса, после чего один из водолазов поднялся на поверхность и рукой показал крановщику «майна!» Тот подал гак в воду, и водолазы закрепили за него концы стропов.

По сигналу «вира» натужно заработали паровые лебедки. И вот уже показалась рубка, а чуть позже начала оголяться палуба.

Наблюдатели из заводчан, стоявшие в стороне, переговаривались между собой, обсуждая судьбу подбитого военного корабля.

Один из мониторов Дунайской военной флотилии, участвовавший в обороне Херсона. Август 1941 г.

Из-за долгого пребывания в воде бортовой номер еле проглядывался на металле. Можно было с трудом разобрать лишь две цифры "двойку" и "ноль".

– Это 201-я канонерка, – с уверенностью высказался Миша Еременко.

– Именно она приняла бой с танками в прошлом году, 19 августа, – дополнил Сеня Темный.

Его, как юнгу, взял с собою на завод Белый. Парнишка знал, что будет на побегушках, выполняя разные поручения своего шефа, но был рад оказаться в такой интересный момент на заводском пирсе.

– Нет, у этой канонерки на борту был № 203, – уточнил Бородин. – Правда, вначале она прибыла с Дуная под № 201 – вместе с пополнением из нескольких бронекатеров. Но под таким же номером уже числился корабль. И довелось тогда командованию флотилии присвоить новичку № 203...

А подъем корабля продолжался. Медленно обнажалась носовая часть. Из воды показалось застрявшее в люке тело моряка – черное, обгоревшее до пояса. Вероятно, он хотел спастись, используя даже такую малую возможность, как люк. Но его постигла неудача.

Люди притихли, все разговоры сразу же прекратились. Пред их очами предстали последствия давней трагедии, разыгравшейся на Днепре.

Кран, осаживаясь на корму, кренясь от тяжести, не спеша, дюйм за дюймом, поднимал корабль. Из левого борта, в районе машинного отделения, широкой струей из пробоины выбегала с шумом вода.

Часа через два бронекатер стоял на стапеле, на подготовленных кильблоках. Блестящий от воды, он выглядел, как исторический памятник – монумент погибшему в неравном бою кораблю.

К борту приставили лестницу.

Белый, о чем-то переговорив с гестаповцами и Ансельмом, поднялся на палубу в сопровождении офицера. Обследовав рубку, осмотрев все кубрики, они обнаружили сундучок, в котором в сохранности находились судовой журнал и связка писем моряков.

Немецкий офицер письма отдал Белому – они не представляли для него никакого интереса, а вот корабельные документы забрал с собой.

Подошла бортовая автомашина. Гестаповцы принялись разгонять людей по рабочим местам. Лишь оставили звено подсобников, чтобы те вынесли из помещений корабля вздувшиеся трупы моряков и погрузили их на автомашину.

3.

Наутро Белый, прочитав в яхтклубе письма, позвал Сеню.

– Отдай шакалам, пусть передадут родственникам мертвых моряков. Тут есть и херсонцы, и с Белогородского острова...

В последнее время Белый всех, кто был рангом ниже его, называл «шакалами».

– Постоянно в оба надо глядеть! Чуть зазеваешься, они, как шакалы, вцепятся в глотку! Завидуют моему положению среди немецкого начальства, моей обеспеченности... Да только кишка тонка у этих шакалов!...

А Сеня подумал тогда: "Я-то уж точно не завидую тебе, Алексей Иванович! Но в глотку готов вцепиться по другой причине – за твою чрезмерно верную службу оккупантам"!

Белый завел тесную дружбу с начальником гестапо Киршем, для которого был отремонтирован баркас, оснащенный парусом.

Однажды начальник яхтклуба завел Сеню в свой кабинет.

– Садись! – покровительственно указал он на стул возле письменного стола. – Разговор есть...

Белый дождался, пока Сеня уместится, и приступил к сути.

– Как юнга, ты, Сенька, меня вполне устраиваешь. Вижу, ты – паренек шустрый и смекалистый... И я хочу, чтобы ты был в курсе всей жизни на острове. И обо всем, что вызывает подозрение, сразу же сообщал мне...

Белый откинулся в кресле. Ему вдруг пришла неожиданная мысль, что он сейчас как бы исполняет роль шефа херсонского СД Кольтера, а перед ним – очередная жертва, шакаленок Сенька.

– Буду с тобой, юнга, откровенен: начальник гестапо, господин Кириш и другие высокопоставленные чины, не будем говорить о них сейчас, возложили на меня ответственность за порядок на острове. Но я один не справлюсь с таким грузом, мне нужны помощники. И одним из них должен быть ты!

"Ишь, какой разумный! Ищи помощников в другом месте, мне с тобой не по пути", – мысленно ответил Сеня Белому. Но чтобы поскорее отвязаться от него, кивнул головой вроде бы в знак согласия.

– Ну вот и договорились! – с удовлетворением хлопнул ладонью по столу Белый.

Отпросившись у Аннушки на пару часов, Сеня поспешил на верфь, чтобы сообщить Пете Чернявскому, Толе Запорожчуку и Анатолию Павловичу Бородину о разговоре с Белым, который предложил ему быть осведомителем.

– У него и гебитскомиссар, и начальник гестапо – частые гости. Нужно от Белого подальше держаться! Он чуть что разнюхает – сразу же сдаст немцам... Пора мне уходить от него!

– То, что Белый якшается с фрицами, всем известно – такая уж у него должность. Но вряд ли он будет предавать своих, он же островской! – успокоил Бородин Сеню. – И потом, не стоит уходить из яхтклуба. ты же там не один, с батей своим. А за Белым приглядывай и обо всем нам сообщай вовремя...

Глава 20

Сеня находит знамя. Флаги над островом. «Диверсия» в немецком казино. Смерть – обычное дело.

1.

Приближался Первомай.

– Надо в честь праздника преподнести своеобразный “подарок” оккупантам, чтоб он им надолго запомнился, – обратился Петя Чернявский к ребятам на очередной тайной сходке.

– Да и жителей острова не мешало бы подбодрить, чтобы они воспрянули духом и почувствовали: гитлеровцы здесь – временные хозяева, – сразу же подключился к разговору Толя Запорожчук.

– Побольше листовок нужно подготовить, – внес предложение Миша Еременко. – И в них поздравить наших людей с Первомаем, а немцам пожелать скорого изгнания с нашей земли...

– И чтобы флаги красные реяли над островом, – добавил Сеня Темный.

Юные патриоты решили установить флаги на здании столовой завода имени Коминтерна и на школе №9.

Так уж вышло, что в обоих случаях не обошлось без участия Сени Темного.

Осенью прошлого года он отправился в город: мать его послала в аптеку за лекарством.

На наплавном мосту через реку Кошевую группа евреев, под присмотром немецких солдат, ремонтировала деревянный настил.

Сеня беспрепятственно прошел мимо охраны, уже стал подниматься по Соляному спуску, как неожиданно увидел знамя. Оно валялось напротив конторы артели “Червоный шквал”,

которая изготавливала лодки для рыбаков. Скорее всего, это было переходящее знамя, его ежегодно вручали за высокие производственные показатели. А сейчас оно, без древка, никому не нужно, словно отслужившее свой срок, лежало в пыли. Из-за складок темно-бордового бархата выглядывали скомканные профили вождей – Ленина и Сталина. Желтая бахрома по краям полотнища была грязной.

Первая мысль, возникшая у Сени, была: схватить знамя и убежать. Но он тут же одернул себя, что это невозможно. В какой-то полусотне метров немцы с автоматами: дадут очередь, и все – Сенина песенка спета...

Что же предпринять? Долго топтаться на одном месте тоже нельзя – такое поведение сразу же вызовет у немцев подозрение. Они подумают: как же так, шел парнишка в город и вдруг остановился, будто вкопанный. Может, что-то замыслил, хочет с евреями на мосту связаться?..

Сеня стал спускаться к реке. И на свое счастье, увидел лодку, в которой были Толя Запорожчук и Миша Еременко. Ребята подгребали к берегу и по выражению лица Сени поняли: он им хочет сообщить нечто важное.

– Там знамя ничейное валяется, – показал рукой Сеня, – с Лениным и Сталиным. Надо его забрать, но как это сделать на виду у немцев?

– За пазуху спрятать – и все дела! – сказал Толя.

– Не-а! Не получится. Оно большое и тяжелое...

Друзья озабоченно задумались.

Через несколько минут Миша хлопнул ладонью по борту деревянного суденышка.

– Нашел выход! Давайте незаметно накреним борт, зачерпнем воды в лодку. Сейчас все поймете! Ты, Сенька, оставайся здесь, будь на веслах, а мы с Толяном пойдем...

Они начали подниматься вверх. Миша громко, чтобы все слышали, принялся возмущаться:

– Не лодка, а старая развалюха! Опять течь в днище открылась!

На ребят тотчас обратили внимание и немцы, и те, кто работали на мосту.

– Эй, дяденьки, у вас нет лишнего тряпья? Дыру надо бы заткнуть... – Миша прекрасно знал, что, конечно же, нет у них никаких тряпок, вопрос был задан для отвода глаз, с определенной целью.

– Штаны свои используй, – с усмешкой посоветовал один из работников.

– Ага! За штаны мамка ругать будет! – парировал Миша и с громкой радостью воскликнул: – Да вот же тряпка бесхозная! Толян, берем ее...

Ребята подскочили к полотнищу, несколько раз сложили его таким образом, чтобы лики вождей оказались в середине. Нес знамя Толя, а Миша прикрывал туловищем товарища, чтобы немцы не смогли рассмотреть, что в его руках.

– Ффу! Вышли, все-таки, из положения, – объяснил Миша рабочим на мосту.

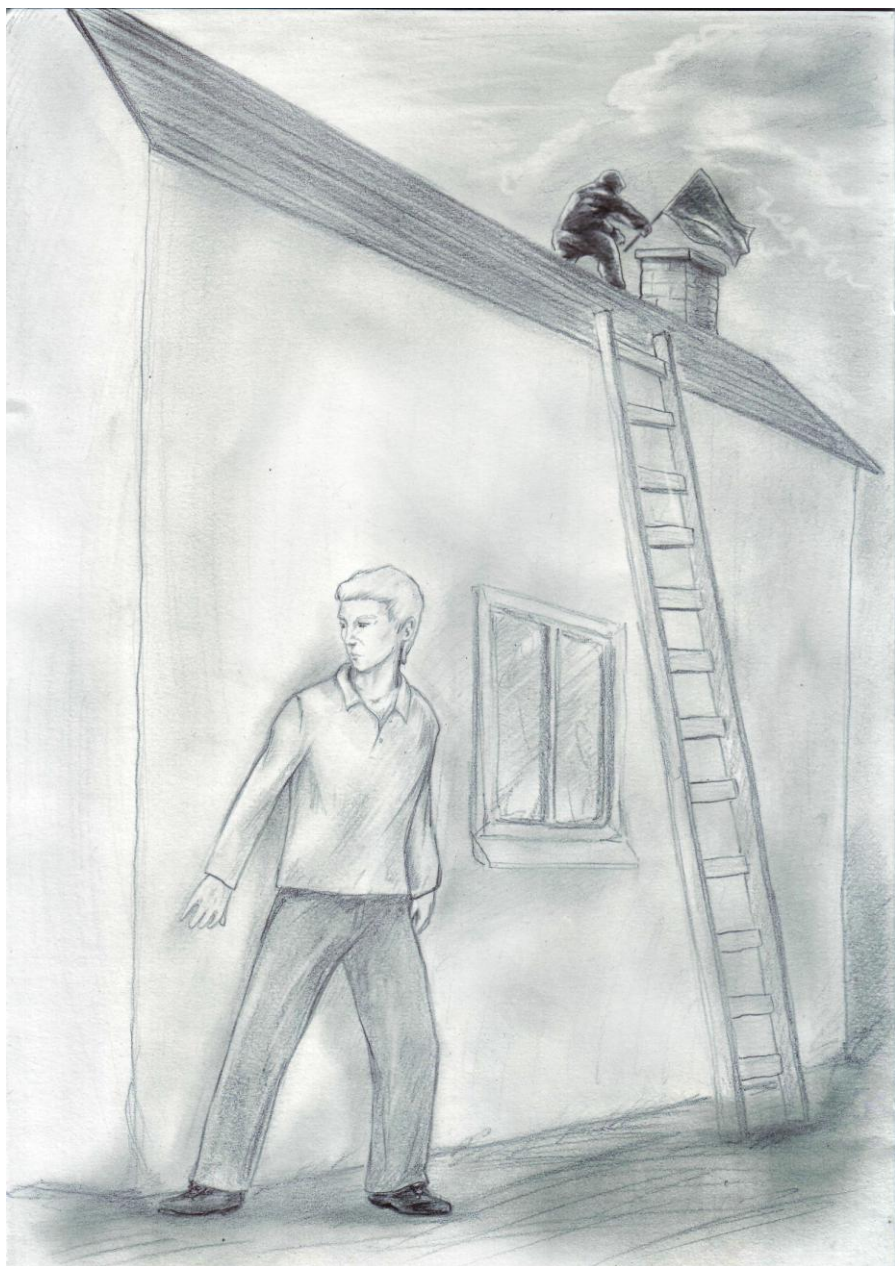
Понимающие улыбки некоторых евреев показывали, что им все ясно, как божий день, и что они одобряют поступок ребят.

С этого дня у юных подпольщиков Карантинного острова появилось настоящее знамя. Лида-Коза привела его в порядок: выстирала, подшила оторвавшуюся местами бахромой...

А второй флаг был попроще. Его Сеня сшил из двух пионерских галстуков. Один был его личный, врученный торжественно пионервожатым, когда Сеню принимали в пионеры. Другой – подаренный подругой. Лида на кончике галстука нитками вышила инициалы “С.Т.”, что означало имя и фамилию: Семен Темный.

– Чтоб меня не забывал никогда! – с усмешкой произнесла Лида, повязывая на его шею галстук. Но затем перешла на серьезный и даже высокопарный тон: – И всегда ощущал тепло моей дружбы, Сенчик-птенчик!..

Утром 1 Мая 1942 года жители островского поселка увидели над заводом имени Коминтерна знамя с вождями. И еще один скромный алый флаг, закрепленный на дымовой трубе школы №9. Его установили Леня Лагутенко и Сеня Темный, а Лида Григоровская стояла внизу, чтобы дать сигнал тревоги при появлении школьного сторожа деда Козачка.

Однако над школой флаг висел недолго. Его самолично снял дед Козачок. Он после сказал Сене:

– Что ж ты старика под дуло подставляешь? Мне же голову свернут фрицы – не усмотрел, старый дурень, дрыхнул! Но и тебе бы не поздоровилось. Хотя бы инициалы свои спороть догадался...

Увидев враз побледневшее лицо Сени, дед Козачок успокоил его:

– Да ладно уж, спи спокойно, все останется между нами! А вообще-то, молодчина ты, не сдрейфил – испортил фрицам настроение...

Знамя над верфью висело до полудня. Ребята из группы Толи Запорожчука закрепили на стене столовой табличку с надписью “Мінен”, то есть доступ к знамени заминирован.

Довелось гестаповцам вызывать саперов, и те сняли противопехотную мину, а затем и знамя.

И все же юные патриоты добились желаемого результата: у островитян вновь затеплилась надежда на избавление от коричневой чумы, а враг вновь ощутил, что огонь сопротивления германскому порядку не погас в народных массах.

2.

Немцы, хотя и чувствовали себя хозяевами в городе, но за свою жизнь постоянно опасались. Всюду им мерещились партизаны и подпольщики, которые замыслили разного рода диверсии против завоевателей.

Лара Аникина рассказала Толе Гендитному анекдотический случай, который произошел недавно в немецком казино.

Пожилая женщина устроила свою единственную дочь, красавицу Любашу, официанткой в это заведение, располагавшееся в гостинице «Первомайской». Мать рассчитывала, что, во-первых, дочь избежит угона в Германию, а, во-вторых, спасет себя от голода.

Фрейлен Любаша с длинными каштановыми косами, большими серыми глазами, пушистыми ресницами, персиковым румянцем на щечках была удивительно хороша и привлекательна. Мать ее баловала, ничего лишнего не позволяла делать, и дочь выросла неумехой.

В первый же день работы Любаша, обслуживая генерала, вывалила на его мундир тяжелый поднос с закусками. Расслабившийся, в предвкушении сытного застолья, генерал, не ожидая подобного, перепугался, закричал со страху:

– Партизанен, партизанен!..

Его долго не могли успокоить. Он беспрестанно повторял, что это была диверсия, и дрянную девчонку следует расстрелять.

Любашу спасла мать, которая в тот самый момент зашла с черного хода в казино, чтобы узнать, как работаете дочери в первый ее трудовой день. И тут такой неожиданный поворот событий!

Мать упала перед генералом на колени и, плача, умоляла пощадить ее единственную дочь, клялась и божилась, что Любаша не партизанка, просто она первый день работает официанткой, и у нее при виде генерала закружилась голова, поэтому она и выронила поднос.

В общем, Любаша отделалась лишь сильным испугом и по-прежнему работала в казино.

Когда Толя пересказал эту историю друзьям, те от души смеялись над генералом и Любой-партизанкой.

– Встречу Любашу на улице, обязательно поприветствую ее: «Привет, диверсантка! Как там твой генерал, жив-здоров»?..

– Толя Тендитный вытер рукавом слезы, выступившие от смеха на глазах.

– Еще раз напугать ее хочешь? – урезонил Толю Петя. – Она же зайкой может стать. Отвяжись от нее!

Но гитлеровцы не всегда отличались благодушием и всепрощением, как в случае с красавицей-белоручкой Любашей.

Миша Чибисов, как обычно, появляющийся у Сени Темного с ворохом новостей, поведал, что двух мальчишек, которые

украли у ортскоменданта пистолет и деньги, расстреляли прилюдно.

– Но сначала фашисты водили их раздетыми догола по городским улицам, избивая плетками. Кошмарное зрелище! Ортскомендант перед расстрелом парнишек предупредил всех, кто присутствовал при казни: любой выпад против немецкого гражданина, любое неповиновение, неподчинение новому порядку будут караться жесточайшим образом!.. Может, Сеня, тебе знакомы были эти несчастные пацаны? Я запомнил их фамилии: Кривицкий и Гериленко...

– Нет, я их не знал...

Сеню расстроило Мишкино известие о гибели ребят. Он поймал себя на мысли, что в военное время смерть стала довольно частым и привычным явлением, пора бы к этому относиться с безразличием. Однако невозможно смириться с утратой – пусть и незнакомых людей. Сегодня они, а завтра на их месте могут быть и твои друзья, твои родственники, да и ты сам. Сеню возмущало, что оккупанты в качестве наказания избирают только крайнюю меру – уничтожение людей...

А Миша Чибисов уже выкладывал другой эпизод:

– Около тюрьмы фрицы повесили Марию Барсук. Эта женщина взяла со стройки несколько кольев для топки.

– Повесили за какие-то колья?! – возмутился Сеня.

– Стройка оказалась стратегическим объектом – немцы проводили телефонную связь. И потом, эти колья женщина использовала как дрова. На них Мария Барсук варила картошку для военнопленных. Вот за все вместе и пострадала – завершила свою жизнь на виселице...

После Мишкиных рассказов на душе у Сени становилось тягостно. И чтобы облегчить свое душевное состояние, парнишка шептал: «Мы отомстим за вас! Обязательно враг за все получит сполна»!..

Глава 21

Иван-Стрелок получает отпор. Привлечение Ивана Кострижева в ряды подпольщиков. Белый выследил Ивана. Ситуация для Белого проясняется.

1.

Ивана Кострижева сверстники прозвали Стрелком за то, что он, по выражению курильщиков, «стрелял» папиросы.

За ним водился грешок. У курящих малолеток он силой отбирал табак.

– А ну, гони курево! – грозно наседал Иван на начинающего курильщика. – Не то папке-мамке расскажу, чем занимаешься...

До поры до времени все ему сходило с рук, пока не попался один пацан, который оказался крепким орешком.

Когда Кострижев стал к нему приставать, чтобы тот добром ему отдал папиросы, пацан показал язык и дал деру.

Кто убегает – того догоняют. Иван настиг пацана быстро, повалил, принялся пинать бедолагу ногами.

Пацан поднял истошный крик, а Иван-Стрелок, не обращая внимания на это, принялся шарить по его карманам, отыскивая пачку с папиросами.

И вот в этот самый момент появился Леня Лагутенко.

До предела возмущенный происходящим, он коршуном налетел на Кострижева, несколькими боксерскими ударами уложил его на землю.

– Еще раз увижу, как ты цепляешься к малым, – уколошу! – пригрозил Леня. – Понял или нет?! Или тебе надо ребра обломать, чтобы стало понятно?!

Иван, вскочив, попятился от Лагутенко. Корчась от боли, уже находясь на безопасном расстоянии, процедил сквозь зубы:

– Ничего, я запомню это! Тебе такое даром не пройдет! Еще поглядим, чьи ребра будут поломаны...

Толя Запорожчук, встретившись с Иваном-Стрелком на пляже, уже знал заранее, что первые слова вместо приветствия прозвучат от него – «Дай закурить!»! Так оно и получилось.

– Чего не в духе? – после нескольких глубоких затяжек спросил Толя Ивана.

– А чему радоваться? Никак из головы не идет случай, когда с отцом в гестапо побывали. Из-за взрыва кабеля...

И тут же осекся. В памяти всплыло наставление отца: о допросе у Кольтера никому ни слова.

«Курение расслабило, поймал кайф, вот и ляпнул...» – мысленно оправдал сам себя Иван.

А Толя не стал ни о чем допытываться – и так понятно, почему Кострижевых первыми гитлеровцы вызвали, ведь именно они отвечали за охрану кабеля. У Толи другое было на уме: не пора ли привлечь Ивана в подпольную организацию?

– Как ты насчет того, чтобы немцам насолить?

Иван неопределенно пожал плечами.

– А что я могу один? Против силы не попрешь!

– Почему – один? Ты поможешь нам, мы поможем тебе, – Толя испытующе глянул на Ивана.

– А что я должен буду делать? Ну, в смысле, чем я могу вам помочь? – настороженно спросил Кострижев.

– Для начала срывать немецкие листовки, взамен – наши вывешивать. А потом уже и посложнее дела предстоят...

«Неужели удача в руки плывет? – Не докурив папиросу, Иван бросил ее на землю. – Сейчас главное – не упустить важный момент, не опростоволоситься».

Еще свежо было в его памяти пребывание в кабинете Кольтера, где он обещал служить Германии верой и правдой и сообщать обо всем, что вызывает подозрение, в гестапо...

– Толян, дружище! С тобой я готов пойти куда угодно и на что угодно! Готов вредить немцам и их прихвостням – полицаям, которые хозяевами чувствуют себя на нашей земле! – Ивана прорвало, как тогда, у Кольтера. Ему уже никак не хотелось, чтобы Толян вдруг отказался от своего предложения, усомнившись в твердом желании Ивана мстить оккупантам. И тогда ему не удастся проникнуть в ряды подпольщиков, чтобы узнать, чем они занимаются.

– Я давно мечтал об этом дне! Теперь наконец я смогу быть полезным в служении своему народу и своей родине!

Горячность и высокопарность не вызвали удивления у Толи Запорожчука. По его соображению, любой, кто живет на оккупированной территории, обязан быть патриотом, оказывать сопротивление врагу.

– Не сомневаюсь, ты докажешь свою преданность... – Толя, докурив папиросу, щелчком откинул окурочок в сторону. – Но имей ввиду, Иван, надо крепко держать язык за зубами! Сам понимаешь, не в детские забавы играем...

– Толян, да за кого ты меня держишь?! Я – могила! Или ты меня не знаешь?

Последняя фраза заставила сразу же задуматься Запорожчука: «А действительно, хорошо ли я знаю Ивана?»

Его отец, Иван Осипович, был поляком, жил в Николаеве. В Херсон, на остров, Кострижев перебрался за три года до войны – вместе с семьей. Был он нелюдимым, держался высокомерно, и люди его невзлюбили. Жили Кострижевы скрытно, окружив высоким забором свой двор, который охраняли собаки. Никому из жителей ни разу не удавалось стать гостем Кострижевых, или хотя бы просто заглянуть к ним.

Люди поговаривали, что брат Ивана Осиповича, Петр, был богатым сапожником, его репрессировали в 1936 году, и с того времени о Петре ни слуху, ни духу...

А недавно еще одна новость облетела остров: дочь Ивана Осиповича, Регина, выходит замуж за немецкого офицера.

«Существует правило: сын за родителей и родственников не отвечает, – успокоил себя Толя Запорожук. И тут же другая мысль перехлестнула первую: – А нашего полку прибывает! Вот еще один мститель пополнит ряды островских подпольщиков. Надо сообщить об этом Бородину»...

2.

С безудержным рвением Белый отработывал кусок хлеба, милостиво предоставленный ему немцами. Он задумал превратить яхт-

клуб в элитное заведение для немецких офицеров, где бы они могли приятно провести время после тяжких повседневных забот и тревог.

Гебитскомиссар Гайс, глядя на Белого, хмыкнул себе под нос, но идею одобрил сходу:

– О, Алекс! Вы есть снова молодец! У вас, как говорит русский пословица, мыслей палата...

– Ума палата, – вежливо поправил гебитскомиссара Белый.

– Я, я! Правильно! Ума палата!

Белый начал учить немецкий язык, чтобы еще ближе сойтись с офицерской верхушкой, которая посещала его яхтклуб.

Иногда Алексей Иванович, стоя на балконе, демонстрировал свои знания среди подчиненных:

– Гутен таг, шакалы, гутен таг! Шнель арбайт!..

И тут же сбивался на русский язык:

– Сенька, где мой бинокль? Куда он запропастился?

– Так у вас же на шее висит!

Белый сплевывал от досады, мол, какой я стал рассеянный и хватался за бинокль. У него уже вошло в привычку несколько раз в день осматривать островской поселок и прибрежную территорию. Белому казалось, что он в эти минуты олицетворял «всевидящее око»: ему доступно было проникать в жизнь людей, которые об этом даже и не догадывались...

– Алексей Иваныч! К вам Кострижев пожаловал – Иван Осипович! – донесся снизу крик Сени Темного.

Белый оторвался от бинокля и поспешил навстречу гостю.

– Гутен таг, Иван Осипович! Рад вас видеть! Знаю, знаю, за чем пожаловали...

В душе Белый завидовал старому Кострижеву, на которого свалилось неожиданное счастье. Начальник штаба немецкой полиции, шеф-шутцман батальона СС-123 Эрих Кирш решил соединить брачные узы с красавицей Региной, дочерью Ивана Осиповича. И свадьбу намечено было справить в яхтклубе.

– Что касается подготовки к торжественному событию, здесь все идет своим чередом, – успокоил Белый Кострижева. – Но есть одно но... Твой сын Иван...

Белый закашлялся, причем сделал это намеренно, чтобы во время паузы понаблюдать за реакцией старика Кострижева. Тот,

побледнев, напрягся, поскольку сыном дорожил куда больше, чем дочерью.

– Что он натворил? – наконец глухо выдал Иван Осипович.

– Очень верно вы выразились: именно – натворил! Вы вступаете в родство с самим шеф-шутманом Киршем, а ваш сын Иван... вы хоть представляете чем он занимается?! Он преступно срывает немецкие воззвания и наклеивает листовки, направленные против немцев!

Белый вытащил из кармана сложенную вчетверо бумагу, развернул ее.

– Вот, читайте: «Смерть немецким гадам»! Вчера в бинокль увидел, как Иван эту листовку клеил. Я тут же поспешил и... теперь у меня, так сказать, прямое вещественное доказательство. Что же будем делать?

Как ни странно, но после этих слов Белого тяжесть спала с сердца Кострижева, он с облегчением высказался:

– Я не имею права вам докладывать, но вы – свой человек, поэтому... В общем, Иван осознанно занимается листовками, причем с ведома господина Кольтера...

– Неужели полковник принуждает Ивана распространять листовки? – с сарказмом спросил Белый.

– А вот об этом, если пожелаете, спросите у шефа СД, – едко улыбаясь, ответил Кострижев.

Алексей Иванович оторопело глянул на старика, а после стукнул себя ладонью по лбу.

– Уразумел! Сын твой внедрен к тем, кто эти листовки выпускает!..

По виду Кострижева, который довольно усмехнулся, Белый понял, что попал «в яблочко».

– Тогда нам следует действовать сообща! Господин Кольтер мне тоже поручил разоблачать подпольщиков, которые нагло ведут себя на острове. Так что я рад, очень рад, что наши интересы совпали. Ну, а теперь давайте обсудим детали по предстоящей свадьбе вашей дочери...

Глава 22

В «Центре» довольны действиями патриотов. Новое задание: взорвать баржу с боеприпасами. Миша Еременко и Мария Теленга не доверяют Ивану Кострижеву.

1.

По заданию херсонской подпольной организации «Центр» юными патриотами руководил Григорий Годун, хотя сами мальчишки об этом и не догадывались. В целях конспирации Годун встречался только с «дядькой Антоном» и старшими групп островских мстителей – Петей Чернявским и Толей Запорожчуком.

Увидевшись с ними в начале июня 1942 года, Григорий Годун отметил успешную деятельность мальчишек с Карантинного острова против оккупантов.

– В «Центре» довольны вашими действиями. Вот уже скоро год вы смело и решительно противостоите врагу. И мы знаем, что гитлеровцы бесятся, рыскают повсюду, стремясь обнаружить возмутителей своего спокойствия. Поэтому всегда надо быть начеку! И особенно тщательно проводить отбор новых членов подпольных групп...

Последнюю фразу Годун повторил дважды, чтобы его соратники почувствовали всю серьезность сказанного.

– Но мы ведь никого не привлекаем со стороны! У нас, в основном, свои – островские – ребята да несколько городских – не раз проверенных в деле, – с горячностью в голосе произнес Толя, считая, что Годун сгущает краски.

– Враг ищет любую лазейку, чтобы проникнуть в нашу организацию, поэтому я вас и настораживаю лишний раз... – Годун несколько не сомневался в своих помощниках, но полагал, что инструктаж по «технике безопасности» будет им только на пользу.

– В общем, никогда нельзя забывать прописную истину «Будь бдительным, ибо враг не дремлет!»! – подытожил сказанное Бородин.

– И все таки, следует помнить также о том, что врага надо бить беспощадно, нанося ему удар за ударом, – заметил Петя.

– Вот к этому моменту я сейчас и перехожу, – сказал Годун. – В «Центре» намечено провести несколько операций, чтобы сорвать поставку боеприпасов в Крым. Из Херсона их доставляют железной дорогой и водным путем. Вам необходимо подготовиться к ряду диверсий. Чем меньше получают немецкие войска снарядов, тем дольше будет обороняться Севастополь. Из сводок Совинформбюро вы знаете, что севастопольцы уже год не сдают своих позиций, и враг никак не может сокрушить неприступный для него бастион...

В голосе Григория Годуна звучала неприкрытая гордость. Мужество героев-моряков и жителей города придавало силы и остальным, кто оказывал противодействие гитлеровцам на оккупированной территории.

2.

Возле яхтклуба Сеню поджидал Петя. «Не зря явился. Наверняка что-то предстоит»... – подумал юнга. И не ошибся.

– Привет! – Чернявский пожал товарищу руку. – Есть важный разговор...

У Пети это любимая фраза. «Есть важный разговор»... Он словно заранее настраивал собеседника на серьезность ситуации.

Сеня с самого начала входил в группу Пети Чернявского и выполнял только его поручения.

После того, как Бородин взял шефство над островскими мстителями, он разделил ребят на группы и запретил им ходить ватагой, которая по-хулигански крушит все налево-направо.

– Ну, прошлись вы, будто орда Мамая, по цехам, разбили лампочки, стекла оконные, испортили станки... Вас сразу же и выдает детский почерк. А если хотите нанести врагу значительный урон, так к этому со всей ответственностью готовиться нужно – без суеты, анархии и шума... – не уставал поучать Антон Павлович своих подопечных.

С тех пор ребята, входившие в подпольную организацию и давшие клятву бороться с врагом не на жизнь, а на смерть, подтянулись, стали серьезнее. Каждый из них знал своего вожака, который в нужное время выходил на того, кто в первую очередь был необходим для выполнения задуманной операции...

Петя сразу же перешел к главному.

– Нужно подорвать паром, тот, что перевозит машины с боеприпасами в Цюрупинск. Сам знаешь, эти снаряды идут на бомбежку Севастополя...

Петя оглядел щуплого, невысокого юнгу Сеню, вздохнул и продолжил:

– Придется тебе самому, без помощников обходиться. Только ты один можешь выполнить боевое поручение. У тебя особое положение, беспрепятственно едешь на лодке по Днепру, косишь траву для коровы фрау Аннушки...

Последние слова Петя произнес с улыбкой.

– Поэтому ты вне подозрений... Но предупреждаю: задумка наша очень рискованная, можешь отказаться от нее...

Однако Сеня и в мыслях не мог такого допустить.

– Где взрывчатка? – обратился он к товарищу.

– Гранаты возьмешь у Рыжего. Он уже предупрежден, – с готовностью ответил Петя. – Спрячешь их на берегу Перебойни, через которую ходит паром. И тогда останется тебе одно: выбрать благоприятный момент... В общем, Сеня, желаю тебе удачи, как принято говорить в таких случаях...

Сеня Темный не стал откладывать на потом встречу с Шурой Теленгой, отправился к нему за гранатами. По дороге он в воображении уже строил план, как будет выполнять задание.

У Рыжего находился Миша Еременко, который был чем-то раздражен.

– Минут пять назад Толя Запорожчук с Иваном Кострижевым ушли от меня. Ты с ними не столкнулся? – спросил Шура. – Обсуждали мы тут кое-что... Так вот, Иван прямо-таки безудержно рвется в бой, возмущается без конца, что клеить листовки – это занятие для малолеток. А он хочет показать себя в настоящем деле...

– А что Толя? – поинтересовался Сеня. – Пусть бы проверил Ивана в какой-нибудь сложной операции, раз уж он такой охотник до опасных приключений...

– Сейчас готовится диверсия на железной дороге. Толя решил и Кострижева приобщить. Но я категорически против! Не по душе он мне! – сердито высказался Миша.

Распахнулась дверь, из соседней комнаты выскочила Мария, сестра Шуры Теленги. Ее белокурые волосы волнами разметались по плечам.

– Вы думаете, я слепая? И не догадываюсь, чем вы занимаетесь? Нет-нет, я одобряю ваши поступки, но хочу предостеречь, что добром для вас это не кончится!

– Ты подслушивала?! – с ходу возмутился Шура.

– Не подслушивала, а просто слышала! Не надо так громко разговаривать...

– Так в чем ты хочешь нас предостеречь? – любопытно спросил Сеня, не сводя взгляда с Марии.

– Насчет Ивана Кострижева! Он-то вас как раз и продаст! Зря вы с ним связались... Он – скользкий, неприятный тип, я это нутром своим чую. И тут я с Мишей полностью согласна: никак нельзя ему доверять!

Глава 23

Сеня готовится к операции. Полицаи разыскивают Мишу Еременко. Схватили Шуру Теленгу. Арест Рублевых. Леня Лагутенко тоже схвачен.

1.

Утром Сеня предупредил отца, который собирался идти в яхтклуб на работу:

– Батя, скажи нашей фрау, что я по траву для ее коровы еду...

– Правильно, сынок. Коси коса, пока роса... – одобрил Тихон Федорович.

В лодке у Сени, под мешковиной, лежали гранаты. Он уже знал, где их спрячет, чтобы в самый подходящий момент они оказались под рукой.

Сеня также предусмотрительно захватил несколько камней – каждый примерно весом с гранату. Загнав лодку в камыш, принялся кидать камни. Некоторые долетали до противоположного берега Перебойни.

Парнишка остался доволен тренировкой. «Как только паром зайдет в Перебойню, я уже буду наготове. Главное, попасть гранатой в машину с боеприпасами. Тогда такой фейерверк начнется!».. – мысленно представил юнга будущую ситуацию.

Часа через два его лодка с накошенной травой причалила к берегу возле яхтклуба.

Сеня тотчас же обратил внимание на стоящих возле здания вооруженных полицаев и среди них Белого. Они о чем-то разговаривали – возбужденно, отрывисто. Белый жестами показывал в сторону островского поселка. Передав старшему полицаяу какую-то бумагу, начальник яхтклуба окликнул шлюпочного мастера.

– Эй, Федорыч, иди сюда!

Когда тот подошел, Сеня услышал, как Белый приказал отцу:

– Веди их в поселок! Покажешь, где дом Мишки Еременко!

– Никуда я не пойду! У меня своих дел по горло! – заартачился Тихон Федорович.

Один из полицаев со злостью ткнул дуло автомата в его грудь.

– Дырку захотел?! А ну, руки за спину и веди, покуда цел!

Отец побледнел, исподлобья глянул на Белого, на полицаев, но повиновался.

А Сеня стоял на берегу, будто оглушенный, ничего не мог взять в толк.

Когда полицаи с отцом удалились, Белый удовлетворенно потер руки и произнес вслух:

– Всем вам теперь крышка! Поиграли в заговорщиков и довольно!

Начальник яхтклуба последовал наверх, чтобы с башенки наблюдать в бинокль за тем, как будут развиваться события в поселке.

И лишь теперь до сознания Сени дошло, что его друзьям грозит опасность, что кто-то их предал. И его отца под дулом автомата заставили вести группу захвата к Мише Еременко, а после, наверняка, и к другим ребятам.

Что делать, как поступить? Сеня поспешно сбросил траву на землю и, столкнув лодку в воду, принялся грести веслами изо всех сил. Юнга держался берега, чтобы не терять из виду отца и полицаев. Однако Сеню удивило то, что отец направился прямо, а не повернул направо – в ту сторону, где жил Миша Еременко.

Оказывается, отец повел полицаев к дому пожилого рыбака, тоже Михаила Еременко.

Буквально через несколько минут раздались крик и плач жены рыбака.

– Ироды, что вам от нас нужно?! Не трогайте мужа! Не видите, он стар уже, да и больной к тому же!

Старший полицей заставил показать документы, и жена за-семенила к дому, причитая и проклиная непрошенных визитеров.

– Да объясните же толком, зачем я вам понадобился? – вступил в разговор с полицейями дядька Михаил.

– Мы ищем островского парня, которого зовут Михаил Еременко... У тебя сыновья есть?

– Нету! Только дочери, – с облегчением произнес старый рыбак. – А Мишка Еременко, мой полный тезка, живет в другом конце поселка. Его отца зовут Дмитрий Иванович, он шкипером на барже числится. А мать Мишки, Анна Акимовна, матрос на той же самой барже...

Старик-рыбак еще что-нибудь выложил бы о семье шкипера, но в это время проходил мимо его дома Шура Теленга с веслами.

– Вот Шурка Теленга вас может повести по нужному адресу, ведь Мишка – его друг... – рыбак кивнул на Рыжего.

Тот, сразу заподозрив неладное, ускорил шаги.

– Теленга... Теленга... – забормотал старший полицей, словно о чем-то вспоминая. Он вынул из кармана листок, пробежался по нему глазами. – О, так он нам тоже нужен! Это же наша добыча!

Старший полицей поднял дуло автомата, выстрелил в небо и крикнул:

– Эй, парень, стой!

Выстрел, а затем окрик будто подстегнули Шуру. Он бросил к реке, однако с веслами не так-то легко было бежать.

Его догнали уже у самой лодки, свалили ударом на землю, избили.

Про Тихона Федоровича на какое-то время полицей забыли. И Сеня, подскочив к отцу, дернул его за рукав.

– Батя, скорее в лодку!

Усевшись за весла, Тихон Федорович направил суденышко в камыши, чтобы там укрыться от полицейев и переждать страхи.

2.

Алексей Иванович Белый, начальник яхтклуба, торжествовал: раскрыта крупная подпольная группа на острове!

«Внедрение Ивана Кострижева в ряды сверстников – бандитов оказалось не только удачным, но и своевременным. Это позволило предотвратить ряд диверсий, задуманных малолетними преступниками. И главное, уже не произойдет взрыв на железной дороге, который хотели осуществить эти шакалята. Думаю, Кольтер будет чрезмерно доволен таким усердием, и не оставит меня без поощрения»... – Белый даже не сомневался в щедрой награде шефа СД.

В списке, подготовленном начальником яхтклуба, стояли фамилии тринадцати молодых ребят, которые должны оказаться в гестапо. Кроме Шуры Теленги, сразу же были схвачены Андрей и Федор Запорожчуки.

Следующим на очереди значился Шура Рублев.

Когда полицаи оказались во дворе Рублевых, первым на глаза им попался глава семейства, Яков Федорович. Он сидел под яблоней и курил.

– Опять по мою душу! – Яков Федорович покорно поднялся, затоптал окурок. – Сколько можно? Помереть спокойно не дадите...

– На сей раз пришли за твоим сыном, – сказал старший полицай. – Зови его сюда!

– А он-то зачем вам понадобился? Уже и за детей принялись! – Покорность мигом слетела с Якова Федоровича, и он направился к двери, чтобы преградить полицаям путь, грудью защитит своего сына.

– Твой выродок – враг немецкого рейха! И он ответит перед трибуналом за все преступления по законам военного времени! – высокопарно объяснил старший полицай.

– Да мы все – враги немецкого рейха! – воскликнул Яков Федорович. – А вы – холуи фашистские, готовые за кусок сала своих же убивать!

– Берите его тоже! – приказал старший полицей своим помощникам. – Пусть держит ответ за оскорбления и неповиновение властям! И щенка его поскорее найдите!..

Через несколько минут Рублевых – отца и сына – повели со связанными руками по островскому поселку.

А в это время Темные прятались в камышах.

Тревога не покидала Сеню, и он, не выдержав, обратился к отцу:

– Батя, мне надо ребят предупредить. Сам понимаешь, какая их ждет участь...

– А что я должен понимать? – Тихон Федорович рассердился на сына. – Дети нынче уж больно самостоятельные пошли, от родителей своих все скрывают... Хотя я догадывался, чем вы, недоросли островские, занимаетесь. Листовки, небось, – ваших рук дело... Сынок, может, зря ты ввязался в эту опасную авантюру?

– Но кто-то должен с врагом бороться!.. – Сеня осекся, он не хотел обидеть отца.

– Да, да, я понял, что ты хочешь сказать... Раз отцы сидят сложа руки, значит их должны заменить сыновья...

Тихон Федорович вздохнул устало, помолчал секундную и произнес:

– Нехорошо как-то... Мы тут отсиживаемся, а других, может быть, разыскивает гестапо. На твоей совести это будет, да и на моей тоже... Поддай-ка мне весло, будем вылезать из укрытия!..

Тихон Федорович направил лодку к своему дому.

Не успел Сеня выйти на берег, как еще издали увидел Петю, торопливо идущего между дворами. Сеня свистнул, и Петя обрадовался встрече с товарищем.

– Ффу! Наконец-то обнаружился! Где ты был? В поселке такое началось! Полиция рыщет по хатам, – возбужденно стал рассказывать Петя. – Я сам был свидетелем, как под конвоем сопровождали Рублевых...

– А при мне полицаи схватили Рыжего. Они хотели арестовать Мишу Еременко, – поведал в свою очередь Сеня.

– Кто-то нас выдал! Это факт! И теперь надо спасти наших ребят. Вот что, Сеня, ты предупреди Сережу Бабенко и Леню Лагутенко, пусть срочно исчезнут из поселка. Лучше всего им спрятаться в плавнях, там их никто не найдет. И сам не плошай!

– А остальные ребята? – спросил Сеня. – Кто им сообщит о грозящей опасности?

– Я Лене, братану двоюродному поручил предупредить Толю Запорожчука, Мишу Деева, Падалку... Ну, давай, включай скорость, дуй к Бабенко и Лагутенко! А я постараюсь незамеченным пробраться на завод Коминтерна. Заодно и к Мишке Еременко загляну – все ли с ним в порядке?

– А на заводе что забыл? – поинтересовался Сеня.

– Надо с «дядькой Антоном» встретиться, рассказать обо всем случившемся... Ему тоже пора удочки сматывать!

Сеня не стал медлить, тут же отправился к Сереже. Передав тому наставления Пети Чернявского, побежал дальше, боясь, что полицаи могут его опередить, схватить Леню Лагутенко.

Но было уже поздно. Из-за поворота короткого переулка показалась охрана, в окружении которой шел Леня, сохраняя спокойствие. Он с достоинством воспринял неожиданный поворот судьбы.

Сене пришлось нырнуть в кустарник и дожидаться, когда пройдет группа полицаев с Леной Лагутенко.

«Домой мне нельзя, там я в капкане, схватят сразу. Может, к Лиде Григоровской... Кстати, ее тоже надо предупредить о возможном аресте. Как я об этом забыл!»

И Сеня, ругнув себя, поспешил к подруге.

Глава 24

Сеня с Лидой прячутся в стогу сена. Одного за другим ребят отправляют в гестапо. Все, кто был в списке Белого, арестованы. Белый принуждает Темных вернуться в яхтклуб.

1.

Когда Сеня обо всем поведал Лиде, та с решительностью принялась собирать нехитрую снедь в платок: хлеб, лук, сало, картошку.

– На первое время еды хватит... А теперь пошли, Сенчик-птенчик, я знаю одно укромное место. Там и переждем лихую годину...

Девушка вывела Сеню на широкую поляну в плавнях, посредине стоял стог сена.

Лида сдвинула в сторону охапку сухой травы, и сразу возник вход в стог, как в шалаш.

– Здесь я прячусь от непогоды, когда коз пасу. А сено мы с отцом для наших кормилиц заготовили... Ну, заходи, Сенчик-птенчик, с милым и в шалаше рай!

Сеня пролез в отверстие, следом пробралась Лида. Они сели, и плечи их соприкоснулись.

Сладкий травяной настой ударил в голову. Близость девушки, которая давно нравилась Сене, заставила учащенно забиться сердце. И неудивительно, что тревоги и волнения, связанные с арестами друзей, как бы отодвинулись в этот миг на задний план.

– Сенчик-птенчик, а мы вот так близко с тобой впервые, – тихо засмеялась Лида.

На людях она никогда не позволяла себе называть Сеню «птенчиком», это ласковое обращение звучало лишь тогда, когда они были вдвоем.

– А и в самом деле здесь очень хорошо – как в раю! – признался Сеня.

Лида приклонила голову на плечо другу, ее волосы приятно щекотали его ухо, щеку.

– Сейчас война, немцы зверствуют, наших товарищей хватают, а нам с тобой... – Лида на секунду замолчала, будто раздумывала: стоит ли продолжать мысль? – А нам с тобой хорошо! Это, наверное, не совсем нормально, но это так...

Лида неожиданно поцеловала Сеню, и он ощутил обжигающий жар ее губ.

– А ты робкий, Сенчик-птенчик! Но ты мне нравишься именно такой – не нахальный, душевный...

Сеня взял руку девушки, приложил к своей груди.

– Ты послушай, как сердце мое бьется! Оно у меня верное, только тебе одной принадлежит и всегда будет лишь твоим! Для остальных там места нет...

Сеня вдруг ощутил, как он после этих слов будто бы возмужал, повзрослел, словно какая-то новая сила влилась в него.

– Не надо зарекаться, Сенчик-птенчик, – попросила Лида. – Сам знаешь, в какую пору живем, смерть за каждым из нас по пятам ходит. А если меня завтра не станет? Что тогда? Кому будет отдано твое сердце? А, Сенчик-птенчик?!

– Никому! – твердо, без сомнений произнес Сеня. – Оно твое – и навсегда! По-другому не будет...

2.

Ребята, вовремя предупрежденные об арестах, спасались в одиночку – кто как мог.

Толя Запорожчук лодкой перебрался на противоположный берег Днепра, где стояла сторожка спортобщества «Динамо». Ему казалось, что здесь его никто не станет искать.

А вот Толе Тендитному помогла с убежищем Лара Аникина. Она привела друга к своему родственнику – безногому дяде Степану. Ни мать, Мария Ивановна, ни отец, Андрей Прокофьевич, не ведали, где был их сын.

Остальные ребята прятались в плавнях. Днем они отсиживались в укромных уголках, а к ночи голод гнал их в родные дома. Подкрепившись основательно, они в потемках снова возвращались в плавни.

Однако немцы, не без помощи верных своих помощников – Кострижевых и Белого, догадались о маневрах ребят. И пошли на хитрость: недалеко от хат беглецов устроили засады.

Первым попался Миша Еременко. Ни о чем не подозревая, он в сумерках подкрался к забору. И лишь собрался перемахнуть через него, чтобы оказаться на родном подворье, как получил удар по голове. В беспомощности Миша свалился на землю, и его тут же связали, поволокли в штаб немецкого гарнизона.

В течение нескольких дней мальчишек похватили одного за другим. Братьев Чернявских, Сережу Бабенко...

Толю Запорожчука, когда он вышел из сторожки, выследил с башенки яхтклуба Белый. Алексей Иванович в порыве чувств даже поцеловал бинокль: «Ах, ты, моя волшебная палочка-выручалочка»!.. Спустившись быстро вниз, он позвонил в полицию, объяснил, где найти «робинзона». И опять полез наверх, чтобы с неослабным интересом наблюдать, как будет происходить захват ничего не подозревающего парня.

И уже через какой-то час-полтора Толю с заломленными руками перевезли на правый берег Днепра и препроводили в гестапо.

Шура Падалка, сын лесника, прекрасно ориентировался в плавневых зарослях. В угодьях, которые он вместе с отцом обошел вдоль и поперек, было немало потайных мест. Поэтому самостоятельно найти Шуру никто бы не смог.

Но немцы не стали преследовать свою жертву, они поступили иначе. Отцу, Ивану Андреевичу, и матери, Евдокии Терентьевне, было передано: если их сын не объявится, то за его проступки будет отвечать вся семья Падалки.

Шура, узнав об этом от родителей, когда появился за харчами, даже не сделал попытки убежать, увидев приближающихся к их дому немцев.

– Сынок, прячься! – вполголоса, нервничая, произнес отец – За нас не беспокойся, главное, чтобы ты был жив – здоров...

– Нет уж, поздно, папа, немцы за мной пришли, вы за меня не обязаны отвечать. Да и на ваших руках братишка и сестренка. Лучше о них позаботьтесь...

От соседки Елены Алескандровны, которая работала переводчицей в комендатуре, Лара Аникина узнала об аресте островских мальчишек.

– Я присутствовала на нескольких допросах. И убедилась, что ребята – настоящие герои! Как они мужественно держатся!.. Все, что раньше немцы списывали на происки партизан и взрослых подпольщиков, оказалось делом их рук! Даже верится с трудом, что мальчишки сумели нанести врагу такой серьезный урон! – Елена Александровна в недоумении покачала головой. – А ведь некоторых из них я хорошо знала, когда в школе учила немецкому языку... Между прочим, разыскивают Толю Тендитного, каждого при допросе спрашивают, где он прячется.

Лара побледнела, но соседка-переводчица не заметила этого.

– Уже вызывали в гестапо мать Толи, Марию Ивановну, и дали ясно понять, если не будет добровольной явки их сына, то сначала расстреляют отца, а после и ее саму...

– Ужас какой! – Лара крепко обхватила лицо ладонями. – Неужели они на такое способны?!

Девушка в этот же день наведалась к дяде Степану и слово в слово передала Толе разговор с Еленой Александровной.

Тендитный помрачнел: оправдались самые худшие его опасения.

– Вот ведь как! Все ребята в тюрьме, кроме меня! И пожалуй, я обязан присоединиться к ним. К тому же, никак нельзя ставить под удар своих родных...

Лара была в смятении, она ничего не могла посоветовать другу. Выбора у Толи практически не существовало, да и не стал бы он жертвовать своей семьей!..

Вернувшись сразу домой, Толя сказал матери, чтобы она вела его в гестапо.

– Ой, боюсь я за тебя! – слезы потекли из глаз Марии Ивановны.

– А я за вас боюсь! – И Толя прижавшись к матери, принялся поглаживать ее по спине, утешать.

К вечеру мать пошла с сыном в гестапо. И таким образом, все ребята, отмеченные в списке Белого, оказались арестованы.

3.

Островской поселок притих – такая тишина бывает обыкновенно на кладбище. Никто не знал, кто следующий будет арестован. Люди разговаривали шепотом, словно боялись нарушить эту, будто бы кладбищенскую, тишину.

Но дед Козачок считал, что он свое отжил и ему бояться нечего. Когда он увидел Белого, который шел во двор Темных, спросил того:

– Что же у нас происходит, Алексей Иванович? Вы ж большой начальник в немецком офицерском клубе, так, пожалуй, в курсе всех событий. За что пацанов похватали? Каких таких дел они натворили?

– Ты глянь на него, какой любопытный! – Белый собрался пройти мимо, не удосужив ответом деда Козачка. Однако передумал, остановился перед ним. – Эти пацаны островские – шакалы, сущие бандиты! Немцы – нация культурная, предпочитают порядок, дисциплину, а наши шакалы препятствуют им во всем – грабят, хулиганят, вредят, где попало...

– Так они ж еще дети! Их воспитывать надо, уму-разуму учить... – встал на защиту мальчишек дед Козачок.

– Вот немцы их и поучат уму-разуму! – отрезал Алексей Иванович и отвернулся от деда Козачка.

Белый зашел в соседний двор к Темным.

Катерина, жена Тихона Федоровича, вывешивала на веревку постиранное белье.

– Где твой муж? – недовольно спросил Белый. – Почему на работу не является? Уж не заболел, часом?

Начальник яхтклуба сделал движение, чтобы открыть входную дверь и войти в хату. Но Катерина остановила его:

– Там нет мужа!

– Так где же, Федорыч? – начал сердиться Белый. – Ты скажешь мне толком?

Катерина потупила взгляд, опустив голову. Белый понял, что она не решается говорить о муже.

Положение спас сам Тихон Федорович. Его кряхтенье слышалось в глубине огорода. Белый сразу же устремился туда.

– Так вот ты где прячешься? – воскликнул Алексей Иванович, увидев вылезавшего из люка блиндажа-убежища корабельного мастера. – Ну ты и учудил!

– От вас всего ожидать можно. Вон сколько людей в гестапо попало!

– А ты тут при чем? – удивился Белый. – Или тоже что-нибудь натворил?

– Да что я мог утворить, – с досадой откликнулся Тихон Федорович. – Грешен тем, что на белом свете живу!

Алексей Иванович присел на открытую деревянную крышку люка, произнес миролюбиво:

– Ну, ладно, хватит нам из пустого в порожнее переливать... Давай-ка выходи на работу! Кто ее завершать будет? Паруса на яхту срочно шить надо.. А где Сенька?

– Откуда мне знать, где этот постреленок? – отводя глаза в сторону, буркнул Тихон Федорович. – Возможно, и его в гестапо упекли...

– Если б упекли, я бы знал об этом. Прячется шакаленок! Как и остальные, что скрывались в плавнях, но их все равно выловили...

Белый поднялся, ногой поддел люк, и тот с шумом захлопнулся.

– Скажу откровенно, Федорыч, я точно знаю, чем твой сын занимался. У меня и на него есть сведения. Но сдавать его я пока не собираюсь. Так что хватит ему дрожать от страха, пусть по-прежнему числится в яхтклубе. Да и Аннушка к нему привыкла, очень довольна, как Сенька ее поручения выполняет.

– Вам-то верить, Алексей Иванович? – с горькой усмешкой вымолвил мастер.

– Да ты подумай своей неразумной башкой, на кой ляд мне твоего Сеньку в гестапо сдавать? Ведь он – юнга в яхтклубе и одновременно работник немецкого офицерского клуба, поэтому просто не может быть подпольщиком! Ясно теперь?

– Яснее некуда! Вы, Алексей Иванович, наверное, так мыслите: «Ну, сдам я своего юнгу в гестапо, а спрос-то будет с кого? Мол, пригрел на своей груди змееныша... Могут не только с хлебной должности начальника яхтклуба турнуть, но и самого препроводить в гестапо»... Верно я рассуждаю, Алексей Иванович?

Белый после слов Темного побагровел, ощущение было такое, что его вот-вот кондрашка хватит.

– Да ты... да ты... – ярость переполняла Белого, и он сразу не мог подобрать нужные слова. – Да ты знай свой шесток, шакал! Одно движение моего пальца, и ты – труп!

Катерина, которая не уходила со двора и все слышала, вовремя разрядила обстановку. Она подскочила к мужу, ударила его несильно в грудь кулачком – несколько раз.

– Что болтаешь-то? Али мозги высохли?

И обратившись к Белому, зачастила:

– Вы уж, Алексей Иванович, простите его! В последние дни столько свалилось на голову мужа, что не только глупостей наговоришь, но и рехнуться можно...

Уже успокаиваясь, Белый обратился к Тихону Федоровичу:

– Чтоб завтра вы оба были в яхтклубе – и ты, и Сенька! Иначе...

Начальник яхтклуба не договорил, но и так было понятно, что он имел в виду.

– И запомните, с этого дня вы у меня оба на крючке! Будете артачиться – сдам в гестапо!

Глава 25

Сработал план Пети Чернявского. Лиду-Козу чуть не отправили в Германию. А Федя Казанчик едет туда с охотой. Столкновение паромов в Перебойне.

1.

Мальчишек допрашивали каждого по отдельности, устраивали им перекрестные допросы, применяли пытки. Однако ребята держались мужественно, не падали духом. Они знали, на что шли, когда давали клятву мстить врагу.

С первых дней после ареста у Пети Чернявского созрел план: кто-то один из них должен оказаться на свободе – как ни в чем не повинный.

– На воле еще остались наши товарищи – Федя Зинченко, Сеня Темный, Лида Григоровская, Иван Кострижев, – начал Петя.

Разговор шел вполголоса в общей тюремной камере.

– Не вспоминай о Кострижеве! – Толя Запорожчук резко поднялся с корточек. – Как раз после его появления у нас пошли провалы. Не зря мне многие говорили, что он ненадежный парень, а я проигнорировал эти предупреждения, не прислушался...

– Но еще надо доказать его предательство, – возразил Петя.

– Какие доказательства? – возмутился Толя Петиному спокойствию. – Он и только он способен на такое! Дай ему подачку в виде пачки папирос, все разболтает без утайки... Какой же я недалекий, раз доверился ему!

– Хватит казнить себя! Этим делу не поможешь, – принялся утихомиривать Толю Миша Еременко. – Давай лучше послушаем, что предлагает Петя.

Все ребята вновь повернулись к руководителю подпольной группы, который и в застенках не терял голову. Петя Чернявский и здесь оставался прежним – рассудительным, уравновешенным, спокойным.

– Короче говоря, идея такова. Фашисты считают, что организация наша больше не существует, что все ее члены схвачены. А мы, в свою очередь, должны им преподнести сюрприз...

Петя прошелся по камере. Было заметно, что его охватило возбуждение, которое он постарался утихомирить ходьбой. Затем он опять опустился на пол, подоткнул под себя пучок соломы.

– В общем, кто-то из нас обязательно должен выбраться отсюда, чтобы возглавить подпольную организацию на Карантинном острове. Для фашистов это будет не просто неожиданность, они должны понять наконец, что вместо одного убившего на тропе появляются новые мстители, которые до последнего дыхания будут бороться с оккупантами – всеми способами...

Петя умолк.

Духа с сомнением покачал головой, произнес:

– Устроить побег? Это невозможно! Тут такая охрана, что муха не вылетит...

– Единственный шанс – это чтобы кого-нибудь сами немцы выпустили, – ответил Петя.

– Да такое вообще немыслимо! Чтобы немцы по своей воле кого-то выпустили?! Ну, ты даешь! – воскликнул Духа.

– Значит, надо их в этом убедить, – стоял на своем Петя Чернявский.

– Твоя идея – твое исполнение! Думаю, что только ты способен воплотить свою задумку в жизнь, – обращаясь к Пете, высказал общую мысль Толя Запорожчук.

– Нет, – не согласился Петя, – против моей особы у гестапо много фактов, они меня ни за что отсюда не выпустят.

– И ко мне у фрицев претензий предостаточно, – в тон сказал Толя.

– И меня не выпустят... И меня... – послышались голоса ребят.

Они осознавали, что из гестаповской ловушки им не выкарабкаться, поскольку за каждым из них тянулся шлейф серьезных операций против оккупантов. Поэтому сообщение Пети все восприняли с большой долей скептицизма. Вырваться отсюда? Да разве такое реально?!

– Я уже все продумал заранее, – продолжил Петя. – Самая подходящая кандидатура в данной ситуации – это Леня Лагутенко, наш островской футбольный капитан! Он работал на переправе, в последнее время не принимал участие в наших операциях – в том не было нужды. Поэтому Кострижев, если он действительно предатель, не мог о Лагутенко сказать ничего конкретного. И нам это на руку! Тем более, у Лени есть козырная карта против Ивана. Помните, как он в свое время отлупил Кострижева, защищая пацана? По крайней мере, я не забыл. И нам следует воспользоваться этим фактом, преподнести как месть Кострижева по отношению к нашему капитану...

После этих слов в камере воцарилась тишина, так необходимая для ребят, чтобы осмыслить сказанное их вожаком.

– Если эта идея сработает, то бесспорно, что только Иван Кострижев предал нас, – после некоторого затишья произнес Духа.

– И тогда надо будет на полную катушку расплатиться с этим немецким прихвостнем! – зло сказал Толя Запорожчук.

– Нет, личная расплата должна быть на втором плане! – убежденно высказался Петя. – Главное – продолжить деятельность подпольной группы с Карантинного острова. И обязательно наладить контакты с «Центром».

Петя не стал говорить друзьям, что Григорий Годун тоже в гестапо. Его, избитого после допроса, он видел в коридоре. Петю как раз вели для исполнения этой же процедуры. К тому же, практически никто из ребят не знал Григория Годуна, представителя «Центра».

– И что же мы должны делать, чтобы капитана освободили? – спросил Шура Рублев.

– Всю вину в содеянном брать на себя и безмерно удивляться, каким вдруг образом рядом с нами оказался Леня Лагу-

тенко. В один голос утверждать, что он защищает малышей, в этом случае он не считается ни с чем – идет напролом на обидчика. И невзначай вставляя в разговор эпизод с Иваном Костирижевным... – завершил свой «инструктаж» Петя.

На удивление, все вышло так, как и было задумано Чернявским. Вскоре Леню Лагутенко выпустили из тюрьмы.

2.

Григорий Аверьянович, отец Лиды Григоровской, знал, где искать свою дочь. Он появился возле стога неожиданно.

– Здрасьте, заговорщики! Не надоело прятаться? – обратился Григорий Аверьянович к Сене с Лидой.

– Хошь не хошь, а деваться некуда, – уклончиво ответил Сеня.

– Тебе, зятек будущий, отец твой срочно домой наказал явиться. Это я ему намекнул, что мне известно твое местопребывание. А ты, дочь моя, держи послание...

Григорий Аверьянович протянул Лиде серую бумагу.

– Что это? – удивилась Лида.

– Читай, все поймешь, – сказал ей отец.

– «Приказываю явиться в бывший лагерь военнопленных – на улице Рекрутской на медицинский осмотр. При себе необходимо иметь вид на проживание, а также одеяло и обеденную посуду... – начала читать вслух девушка. – Все лица мужского и женского пола от 1922 года до 1925 года рождения призываются на выполнение рабочей обязанности продолжительностью два года».

Дочь с недоумением глянула на отца, а тот хитро улыбался.

– Это что же – в Германию меня отправляют? Чему ты радуешься?! – рассердилась Лида.

– Отбил я тебя от Германии, вот и радуюсь! – Григорий Аверьянович не стал томить дочь. – Подошел к Ансельму, на-

шему немцу-начальнику. Так и так, господин важный, у меня единственная дочь на хозяйстве. А жена умерла давным-давно. Я весь день на работе, даже еду для себя приготовить нет времени, одна дочь и выручает. Дайте ей отсрочку... В общем, пошел мне навстречу.

Лида тут же разорвала повестку в клочья, обняла отца в порыве радостных чувств.

– Выходит, и меня повестка ждет! – Сеня пытливо посмотрел на Григория Аверьяновича.

– Не могу знать, зятек. Отец твой мне не докладывал. Наведайся домой да сам обо всем дознайся...

Когда Сеня проходил мимо хаты Казанчиков, его окликнул Федя:

– Давненько тебя не видел! Хочу с тобой новостью хорошей поделиться – на днях уезжаю в Германию.

– И это – хорошая новость?! – Сене показалось, что Федя Казанчик шутит.

Но тот на полном серьезе продолжил:

– Буду жить под Мюнхеном, в деревушке Ганса, ну, того самого, с которым я познакомился, когда он год назад у нас на острове появился – в первый же день оккупации. Ты знаешь, я с ним подружился, он мне подарил губную гармошку. И посоветовал поехать к его родителям, жить там. У них, мол, свое хозяйство...

– Едешь жить или спину гнуть? – с иронией спросил Сеня.

– Лучше добровольно поехать туда, где к тебе будут нормально относиться. А то ведь могут и силой отправить и не куда-нибудь, а в лагерь, – парировал Федя.

–Приспособленец! – сплюнул Сеня. – Быть рабом или быть узником, – какая разница? Так или иначе, а все равно подневольный, не вправе сам собой распоряжаться...

– Это для тебя нет разницы, а для меня есть! Ганс сказал, что когда закончится война, он вернется домой, и мы с ним будем как братья. Ганс – замечательный парень!

– Сколько людей еще убьет твой замечательный парень Ганс, пока война завершится?! – Сеня махнул рукой на Федю и отправился домой.

3.

Темные – отец и сын – снова работали в яхтклубе на Белого.

Все эти дни Сеню постоянно одолевали черные мысли, на душе было смутно. Как там ребята?.. Поэтому он очень обрадовался, увидев Леню Лагутенко.

– Тебя выпустили? Значит, и других скоро освободят?

– Думаю, что не скоро, – Леня сдержанно вздохнул. – А что касается меня – это особая статья. Во-первых, у гестаповцев нет прямых улик против моей особы. А во-вторых, сами ребята решили, что я должен быть на воле, чтобы возглавить нашу подпольную работу...

– А что с ребятами немцы вытворяют? – Сеню сейчас больше всего интересовала судьба друзей.

– Каждый день допросы и пытки. Но друзья держатся. И нам необходимо предпринять ряд диверсий, чтобы фашисты снова потеряли покой и благоденствие... Всех вместе собирать вас не буду – не стоит привлекать лишнего вражеского внимания. Переговорю с каждым в отдельности, введу в курс событий...

Леня сорвал ветку с тополя, принялся отмахиваться от досаждающих комаров.

– К дождю, что ли? – сказал он.

– Вот и хорошо! Смоет к лешему этих кровожадных тварей, – поддержал Сеня разговор.

– А теперь – о сути. Не забыл еще про задание, которое тебе поручил Петя? – Леня выжидающе глянул на Сеню. – Готов его выполнить?

– Гранаты уже припрятаны. Задержка произошла из-за арестов... – стал оправдываться Сеня. – Но я готов по первому зову...

– Тогда надо ускорить акцию. Тем самым отвлечем на какое-то время фашистов от издевательств над нашими друзьями, облегчим их участь. Но будь предельно осторожен!

Леня подмигнул Сене и, улыбнувшись, произнес:

– Забьем гол в ворота фрицев!

График движения паромов немцами соблюдался четко. И Сеня уже имел полное представление – во сколько паром со снарядами отходит от херсонского причала, в какое время появляется в Перебойне.

Сеня не спеша греб веслами. Выбрался он заранее, еще успеет и травы накосить для прожорливой Аннушкиной коровы, а после загонит лодку в камыши и будет ожидать водный транспорт с боеприпасами.

Сеня уже мысленно ощущал холодную ручку гранаты, которую он держал в руке, представлял удачный бросок в середину парома.

Однако до гранат дело не дошло. Сеня услышал натужное гудение буксира, который тянул паром с автомашинами, загруженными ящиками со снарядами.

«Почему паром вышел с нарушением графика, раньше времени? – с недоумением подумал Сеня. – На немцев это так непохоже! Наверное, хотят ускорить захват Севастополя, вот и спешат обеспечить свои войска боеприпасами сверх нормы»...

Мальчишка нажал на весла, его терзала одна мысль: успеть добраться до места, где припрятаны гранаты.

Миновав мыс с домом лесника Падалки, Сеня устремился в канаву, именуемую Перебойней. Однако паром, набрав скорость, уже нагонял лодку, чуть ли не наезжая на нее.

И тут произошло непредвиденное. По Перебойне шел на встречу паром, который возвращался из Цюрупинска.

Сеня похолодел: он оказался между двумя транспортами, которые неминуемо бы смяли лодку, как яичную скорлупу. Выход оставался один – бросаться в воду.

Но Сеня, чуть помедлив, взял вправо. Капитан порожнего парома не захотел таранить лодку, повернул в сторону от нее. И в этот самый момент буксир с груженым паромом вошел в узкую канаву, где разминуться двум судам не было никакой возможности.

Сильный удар и скрежет металла об металл означали то, что паромы столкнулись между собой. Тот паром, что шел из Херсона, получил пробоину и стал быстро крениться на левый борт.

Водители включили моторы автомашин и принялись перегонять их на противоположный бок парома, чтобы восстановить равновесие, и чуть не сбили крайний грузовик за борт. Возникла паника, немцы подняли крик, что могут утонуть, и начали сбрасывать снаряды в воду.

В результате столкновения один буксир затонул, заякорив паром. Второй буксир вытолкнуло на мель.

А Сеня со своей лодкой успел проскочить опасное место. Ериком, через третий затон, он вышел на чистый Днепр и незамеченным вернулся в яхтклуб.

Вечером Сеня сообщил Лене Лагутенко о происшедшем в Перебойне.

– Гранаты даже не понадобились! Но боезапас лежит на дне, до Севастополя он уже не дойдет. До сих пор не пойму, почему немцы так сплеховали, нарушив график движения судов. Будто сам Бог помогал нам! – Эмоции переполняли Сеню, от сильного возбуждения он не мог спокойно стоять на месте, все еще удивляясь чуду в Перебойне.

– Так и запишем: один ноль в нашу пользу! – обрадовался Ленья.

Глава 26

Пытки юных патриотов. Встреча Белого и Бородина на лодочном причале. На ребят «вешают» нераскрытые убийства. Пароль «Снег» действует и в застенках. Казнь героев.

1.

При допросах «с пристрастием» юных патриотов истязали, применяя пытки, которые бы и взрослые не выдержали. Ребята часто теряли сознание, их потом отливали водой.

В камере Толя Запорожчук подбадривал самых младших, чтобы поддержать их дух:

– Был такой великий грузинский поэт Шота Руставели, он написал «Витязя в тигровой шкуре». Так вот Шота сказал: «Лучше смерть, но смерть со славой, чем постыдный в жизни путь»...

Якова Федоровича Рублева после очередных допросов, измученного жестоким обращением гестаповцев, опять выпустили на волю.

Завариха, мать Шуры Теленги, с дочерью Марией, как узнали, что старый Рублев уже дома, так сразу и побежали к нему.

– Как там наш Шурка? Как остальные ребята?

Яков Федорович ничего не стал утаивать, хотя и понимал, что нелегко матери слышать об издевательствах над ее сыном.

– Сашка ваш молодец! Фашисты ему челюсть разбили. Они, сволочи, пацанам иголки под ногти втыкают, зубы им повыбивали... Но островские пацаны – крепкие! Сплюнут кровь и молчат, ничего гестаповцы от них толком добиться не могут!

Завариха слушает Рублева и плачет. А Мария ее утешает:

– Что же им, бедолашным, теперь делать? Правду скажут – расстреляют. Ничего не скажут – все равно расстреляют. Пусть уж лучше молчат!..

Мать еще сильнее слезы льет, пряча лицо в концах платка. Яков Федорович закашлялся, выплюнул на пол сгусток крови.

– Все, гады, отбили внутри. Не жилец я на этом свете. Клали на меня, лежачего, деревянный шит и молотом по нему били. А почему не по телу? Чтобы мои мучения подольше продлить и себе садистское удовольствие доставить...

У Белого на реке Кошевой, недалеко от наплавного моста, был свой лодочный причал. Там херсонцы держали свои лодки и платили за это месячный взнос.

– Сенька! Подавай тузик, направляемся к Ивану Причальному! – окликнул начальник яхтклуба юнгу.

Сторожа, который охранял лодки, так все и звали – Иван Причальный. И это прозвище к нему прилипло навсегда.

Сеня доставил Белого ко второму мостику. Тот вылез из тузика и направился к сторожке.

Закрепив лодку канатом к стойке, Сеня пошел следом.

Белый уже сидел в сторожке за столом, широко раздвинув ноги и по-барски откинувшись на спинку стула.

– Будем и здесь наводить немецкий порядок! Заведешь журнал, в котором должен быть строгий учет всех лодок, находящихся на моем причале, и учет принятых денег, – поучал он Ивана Причального. – А во второй, гостевой комнате, чтобы постоянно на столе был отменный самогон и хорошая закуска. Можешь брать на эти расходы из членских взносов. Ведь мне ж не только работать, но и отдохнуть иногда нужно, раскрепоститься...

Белый сменил позу, положил ногу на ногу.

– Ну, чего стоишь? Неси стакан и что там еще у тебя ... Ублажи начальника своего! – прикрикнул он на Ивана Причального.

Выпив и закусив основательно, хозяин лодочного причала вышел из сторожки, чтобы размяться.

И тут, откуда ни возьмись, появился Бородин. Он словно ожидал встречи с Белым.

Начальник яхтклуба насторожился и сразу ошетинился.

– Ленька! Чует мое сердце – твоя работа! Ты сдал пацанов в гестапо! – сделал встречный шаг к Белому «дядька Антон». – Не бери грех на душу!

– Какой я тебе Ленька?! – возмутился Белый. – Для тебя я – Алексей Иванович!

– Да брось выпендриваться! Мы с тобой одного возраста, Ленька! Это для Сеньки Темного и Ивана подневольного ты – Алексей Иванович!.. И не уходи от темы, а лучше загладь свою вину – убеди немецкое начальство, чтобы отпустили ребят из гестапо. Не лишай их будущего!

Подвыпивший Белый покраснел от ярости, рванулся к Бородину и одним ударом столкнул его с мостика в воду.

«Дядька Антон» не ожидал такой выходки от начальника яхтклуба. Вскочив на ноги, стоя в воде, которая была ему по колени, Бородин снова обратился к Белому:

– Ленька, добром прошу: освободи ребят!

А тот скомандовал юнге:

– Беги к мосту, увидишь полиция или немца, зови сюда! А мы с Иваном Причальным попробуем задержать этого защитника...

Но Бородин уже выскочил на берег и начал уходить быстро в сторону. Оказавшись на безопасном расстоянии, он прокричал:

– А ты, Ленька, все-таки головой ответишь за пацанов! Не отвертись! Помяни мое слово...

Белый спрыгнул в тузик, махнул юнге рукой, мол, берись за весла.

На середине Кошевой он вдруг с бахвальством воскликнул, обращаясь к Сене:

– Видел, как я ему врезал?! Во, удар у меня – боксерский! В другой раз не сунется...

Сеня дома рассказал отцу об этом происшествии на лодочном причале.

Тихон Федорович, выслушав историю, сумрачно произнес:

– Надо нам тикать, сынок, от Белого. Не то он и нас сдаст в гестапо. Злой, жестокий к своим же людям человек...

2.

Масштабность действий юных подпольщиков с Карантинного острова приводила в бешенство фашистов.

– Какие-то сопляки орудовали целый год дерзко и безнаказанно, – громыхал кулаком по столу шеф херсонской СД Кольтер перед своими подчиненными. – И главное, у всех на виду происходило! Такое, что они совершили, не под силу даже взрослым!..

И Кольтер, загибая пальцы, принялся перечислять подвиги ребят:

– Слив горючего из цистерн. Поджоги складов и цехов на предприятиях. Поломка оборудования там же. Убийства немецких офицеров. Перехват ценных сведений с передачей в русскую армию. Подрыв кабеля стратегической связи. Вывешивание флагов в честь 1 Мая. И листовки, листовки, листовки – со свежими сводками с фронтов...

Стукнув еще раз кулаком по столу, Кольтер устало произнес:

– Я назвал еще не все выходки молодых партизан. И ваша бездеятельность, ваша близорукость тому виной...

Однако на островских мальчишек сваливали и то, к чему они вообще не имели никакого отношения. К примеру, им приписали нелепый случай, когда двое немецких офицеров с женщиной выехали из яхтклуба на лодке, а назад не вернулись. Через несколько дней их трупы прибило к берегу, и оккупанты по-

считали, что смерть была насильственной, что бедолаг уничтожили. Может, партизаны, может, еще кто-то...

Как раз в тот день Талалай безносый сидел с удочкой в камышах и видел немцев, которые на середине Днепра устроили возню в лодке.

«Выпили шнапса, весело им!» – позавидовал Талалай, продолжая наблюдать за веселой компанией.

Вдруг лодка резко накренилась, зачерпнула бортом воду и перевернулась. Все трое – два офицера и женщина – очутились в воде. Немцы подняли истошный крик, а женщина беспрестанно визжала от страха. Но это продолжалось недолго, вскоре на реке снова воцарилась тишина.

«Научились бы сначала плавать, а потом в лодку садились!» – подумал Талалай, больше не завидуя несчастным.

Об этом случае он в тот же день проговорился Якову Федоровичу Рублеву. И Шура, который находился неподалеку, все слышал.

Рублев тогда предупредил Талалая строго:

– Коль не хочешь неприятностей на свою голову, то лучше помалкивай обо всем, никому ни слова! Еще и обвинят тебя, почему не спас доблестных немцев!..

Талалай заметно побледнел и, приложив руку к груди, клятвенно заверил:

– Разрази меня гром, если кто-то об этом узнает... Лишь бы вы не проговорились.

– Да уж за нас не беспокойся!..

И вот на очередном допросе Шуру Рублева допытывали: кто из островских конкретно виновен в смерти двух офицеров и женщины?

В камере Шура сказал Пете, что немцы вешают на них все нераскрытые и загадочные убийства. Как в таких случаях поступать?

– Да и пусть! – сходу ответил Петя. – Нам-то что от этого – кисло?..

С легкой руки Шуры Рублева в застенках внедрился своеобразный пароль.

Как-то Шура, пошатываясь и вытирая кровь с губ, выходил из помещения после очередного допроса. А навстречу ему вели уже Толю Запорожчука, который внимательно и с тревогой посмотрел на Шуру, мол, каково тебе?

– Снег! – ободряюще и весело отчеканил Шура.

Это слово возникло неожиданно и, рожденное листовкой, означало: «Смерть немецким гадам»! То есть, Шура словом «снег» как бы передавал своему товарищу, что от него ничего не добились, что он того же желает и Толе.

Запорожчук его понял мгновенно и произнес в ответ:

– Снег!

Шуцманы, которые конвоировали ребят, так ничего и не сообразили. Впоследствии ребята подбадривали этим словом друг друга при немцах:

– Снег! Снег!..

В камере после допросов и пыток Шура Рублев отлеживался на соломе. И чтобы забыть боль и унижения, переносился памятью в школьные годы. Причем, это ему удавалось без труда: стоило вспомнить какую-нибудь прочитанную страничку из Лариного дневника, как тут же зримо возникали те или иные эпизоды жизни их класса.

В этот раз Шура попытался вспомнить стихотворение о трех верных товарищах, попавших к фашистам. Его на концерте читала Кира Ясенко.

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн,
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен...

Шура Рублев произнес первые строки негромко и остановился, припоминая: а что там дальше?

Стали допрашивать первого,
Долго пытали его –

Умер товарищ замученный,
Но не сказал ничего...

Эти строчки были продолжены Петей Чернявским. Он подсел к Шуре и повторил:

Умер товарищ замученный,
Но не сказал ничего...

Шура пожал Пете руку, с пафосом принялся декламировать продолжение стиха:

Стали второго допрашивать,
Пыток не вынес второй –
Умер, ни слова не вымолвив,
Как настоящий герой!

К Пете и Шуре присоединились остальные мальчишки, образовав круг.

Третий товарищ не вытерпел,
Третий язык развязал:
– Не о чем нам разговаривать!..
Он перед смертью сказал.

Последнюю строфу повторили чуть ли не все вместе. Глаза ребят сверкали в полумраке решимостью.

– Их было трое друзей-товарищей, а нас вон сколько, и мы – сила! Нас фашисты боятся... – высказался Петя в наступившей тишине.

3.

Ночью Марии приснился сон, будто зуб у нее почернел и выпал. «Сказать об этом матери или нет? А вдруг сон окажется вещим? – раздумывала Мария, проснувшись. – Наверняка что-то с братом Шуркой стряслось»...

Но материнское сердце само беду чувствует на расстоянии. У Заварихи все в это утро валилось из рук. Ее мысли были только о сыне – что с ним, когда его отпустят домой?

– Надо идти в тюрьму. Места себе не нахожу совсем. Из-за сына так тревожно на душе, – призналась Завариха дочери.

– И я с тобой.

Мария почему-то боялась в этот раз отпускать мать одну. Но тут постучали в окно.

Мария увидела бабушку Сережи Бабенко – с испуганным лицом, заплаканную, с трясущимися руками. Девушка распахнула оконные створки.

– Сказали, чтоб к «Спартаку» шли... Там наших детей немцы казнить собираются... – слезы беспрестанно текли по морщинистому лицу старушки. – Другие уже побежали, а я не могу – ноги отказывают. Вы уж там посмотрите за моим внучком...

Старушка выронила палку, ноги ее подогнулись, и она осела, вскрикнув:

– Ой, Сереженька, на кого ты меня покидаешь!..

Теленги – Завариха и Мария – охнули и побежали в город.

Возле кинотеатра «Спартак» уже собралось много горожан. Среди них – большинство жителей острова Карантинного.

Пробежал волной слух, что некоторых из ребят уже нет в живых. Кто-то видел, как их везли на рассвете по центральным улицам Херсона. Кто-то подтвердил, что в это утро возле завода Петровского стреляли из автоматов, и были слышны предсмертные крики.

Но родные островских ребят, хотя и жадно прислушивались ко всем разговорам, не принимали их на веру. «Нет, наш определенно жив... Нет, не может этого быть»... – такими спасительными мыслями родственники ограждали себя от непроверенных слухов.

Подъехала бортовая машина и остановилась возле виселицы. Толпа замерла, пытаясь разглядеть: кого же привезли?

Тишину вдруг разрушил пронзительный крик тети Фени, Феодосии Кондратьевны Запорожчук:

– Толя! Сынок!

Обессиленных ребят, когда они слезали с машины, поддерживали шуцманы.

Толя вострепнулся, словно материнский крик влил в него силы.

– Мама! Мама! – откликнулся он.

Феодосия Кондратьевна рванулась к сыну, но площадь возле виселицы была оцеплена полицаями. Они отшвырнули женщину, она упала, однако продолжала уже ползком продвигаться вперед – к сыну.

Один из полицаев хотел уже пнуть несчастную женщину, но к ней подбежали родственники, подхватили ее и почти бесчувственную оттащили в сторону.

Леня Лагутенко и Федя Зинченко стояли в толпе, не сводя глаз со своих побратимов по борьбе. Неподдалеку от них были Лида Григоровская и Сеня Темный.

– Вон Петя и Леня Чернявские! – взволнованный происходящим, сказал Федя.

– А вон Духа! – Леня Лагутенко поднял руку, словно хотел поприветствовать друзей, но спохватился: в данной ситуации этот жест был бы неуместен.

– Только четверо, – прошептал Сеня.

Лида услышала его слова, успокоила:

– Значит, с остальными все в порядке...

С противоположной стороны, возле родителей Толи Тендитного – Марии Ивановны и Андрея Прокофьевича – находились Лара Аникина и ее соседка – врач «Тропинки» Анна Тимофеевна Бодяга. У всех были бледные лица, какие обычно бывают у людей, близких к обмороку.

– Неужели палачи решатся на это? – Анна Тимофеевна имела в виду казнь ребят.

– Я так боюсь этого... – И Лара сильно сжала локоть своей соседки, словно ища в ней опору.

Ребята взошли на эшафот. Шуцманы накинули им на шею веревки. А Толе Запорожчуку еще повесили на грудь табличку, на которой крупными буквами было начертано: «За смерть немецкого офицера».

– Мы погибаем, но не сдаемся! – воскликнул Петя Чернявский.

– Прощайте, товарищи! – в один голос громко произнесли Ленья Чернявский и Андрей Запорожчук.

– Уничтожайте немецких гадов! – последним выкрикнул Толя.

Офицер-гестаповец резко махнул рукой. Щуцманы выбили из-под ног ребят табуретки, и их тела задержались в конвульсиях.

После некоторого оцепенения в толпе заголосили женщины. Мария Теленга упала в обморок. В толпе раздавались возмущенные возгласы горожан:

– Зачем детей вешать! Изверги! Есть у вас сердца или нет?! Побойтесь Бога!..

Немецкий офицер что-то приказал шуцманам, и те сняли повешенных. Трупы погрузили в ту же самую автомашину, в которой привезли ребят на казнь.

Мария, пришедшая в себя после обморока, смутно воспринимала все происходящее. К ней подошел Ленья Лагутенко. Твердым голосом, каким обычно дают клятву, он произнес:

– Враг за все поплатится! Мы обязательно отомстим за смерть друзей наших!..

Лида, не стыдясь своих слез, повторяла:

– Как же так, Сеня? Нет же больше их – ни Пети и Толи, ни Андрея и Лени... Как же так?..

У Лары подгибались от слабости ноги, и она все время опиралась на руку Анны Тимофеевны Бодяги. А та, потрясенная смертью ребят, говорила и говорила бессвязно, будто ей нужно было выплеснуть со словами боль души своей:

– Запомни, Лара, этот день – 22 августа 1942 года... Навсегда запомни... И я никогда не смогу забыть его... Эти ребята – истинные герои и патриоты... Таких нельзя забывать... И мы сохраним в памяти своей их образы... Им, отважным и смелым, необходимо после Победы соорудить памятник... В честь их мужества, героизма, стойкости...

Глава 27

Темные уходят из яхтклуба. Новое задание: переправлять военнопленных через Днепр. О жизни пленных в лагере. Сеня узнает Василия-моряка.

1.

– Я страшно удивлен! Нет, ты не можешь даже себе этого представить! – возбужденный, обратился к Сене Миша Чибисов. – Я был в курсе всех событий, происходящих в городе, ни одна новость не проходила мимо незамеченной... А вот о том, что свершалось на нашем острове Карантинном, где я живу с самого дня рождения, ну ничего не знал!

Миша с досадой хлопнул ладонями по своим коленкам. Он сидел на скамье во дворе Темных.

– А ведь я каждый день виделся с погибшими и ни о чем даже не догадывался! Кстати, восьмерых островских пацанов, которых расстреляли возле завода Петровского, закопали на кладбище в одной могиле...

– Я другое слышал. Будто бы их в Германию угнали, – сказал Сеня.

– Нет! – категорически отменил этот слух Миша. – Я точно знаю: их расстреляли и закопали всех вместе!

Миша вдруг подозрительно глянул на Сеню.

– А ты, случаем, не был с ними заодно? Тоже, небось, привлекали тебя для разных совместных дел? Ты ж у нас молчун, из тебя лишнего слова не вытянешь. Но теперь-то уж можешь признаться...

К счастью Сени, его окликнул отец.

– Бывай. Слышь, меня зовут...

Тихон Федорович в последнее время был редко в хорошем расположении духа. Угнетала окружающая обстановка, давили постоянные заботы о выживании семьи.

Но на сей раз Тихон Федорович удовлетворенно потирал руки, не скрывая своего доброго самочувствия.

– Я категорически заявил Белому, что мы с тобой уходим из яхтклуба, что бы он не предпринимал против нас...

– Так мы не однажды ему об этом говорили! Он согласился отпустить? – недоверчиво спросил Сеня отца.

– А куда ж ему деваться! Он же чувствует ненависть островских людей. Ведь многие догадываются, что здесь без него никак не обошлось, что гибель ребят – и на его совести.

– Все, значит с завтрашнего дня мы – вольные люди! – обрадовался Сеня.

– Нет, Белый поставил условие отработать у него месяц, полностью закончить оборудование яхты такелажем. Я согласился, но предупредил, что после этого в яхтклубе ноги нашей не будет!

Через несколько дней у Темных появился Леня Лагутенко в сопровождении незнакомого мужчины, у которого в руках была газета «Голос Дніпра», свернутая трубкой.

– Знакомьтесь: Павел Григорьевич Жила, начальник управления столовых, открытых для беднейшего населения города... – представил мужчину Леня.

Павел Григорьевич пожал руку хозяину дома, затем Сене и развернул газету.

– Вот послушайте... «Население освобожденных от большевизма областей всегда обращалось к немецкой армии с просьбой разрешить им принять активное участие в борьбе с большевизмом. Немецкая сторона всегда шла навстречу этим пожеланиям».

Снова свернув газету в трубку, Жила, усмехнувшись, добавил:

– Вот мы и принимаем так называемое «активное участие в борьбе с большевизмом»! Обратились в городскую управу с

предложением: хотите иметь на своей стороне народ, так его надо хотя бы кормить раз в день...

И Тихон Федорович, и Сеня слушали гостя внимательно, но настороженно, поскольку еще не понимали, при чем тут они, что понадобилось Жиле от Темных?

– Ну, мы пока сами себя обеспечиваем всем необходимым, в помощи не нуждаемся... – обронил Тихон Федорович.

– Ладно, не буду ходить вокруг да около. Вот по рекомендации этого молодого человека... – Павел Григорьевич кивнул в бок Лени, – и по заданию «Центра» явился к вам с предложением: принять участие в борьбе с оккупантами! Вы будете заготавливать камыш для четырех столовых, у вас будут пропуска на свободное передвижение по всему низовью Днепра. Это будет официальная часть вашей трудовой биографии, а неофициальная...

Павел Григорьевич кашлянул раз-другой, пытливо глянул на Леню Лагутенко, словно советуясь с ним – можно ли быть до конца откровенным? Леня моргнул, мол, говорите обо всем напрямую, я в этих людях уверен, как в самом себе.

– А неофициальная, – продолжил Жила, – и главная задача – быть проводниками для наших военнопленных, доставлять их по Кардашинскому лиману – в Солонцы... Они будут сопровождать вас в качестве ваших помощников по заготовке камыша.

– В этом деле задействуем оставшихся в живых членов подпольной группы, молодых патриотов острова Карантинного, – добавил Леня. – В «Центре» решено, что от диверсий надо переходить к новому этапу борьбы – как можно больше доставить людей для пополнения рядов партизан и Красной Армии.

– Для этого сначала нам надо из яхтклуба уйти, – сказал Тихон Федорович. – Этот месяц мы дорабатываем у Белого, и тогда – в вашем распоряжении...

Сеня шепнул Лене на ухо:

– А Лида Григоровская знает об этом?

– Узнает! – ответил Лагутенко. – Ей тоже предстоит оказывать помощь – стирать и перешивать гражданскую одежду для военнопленных...

2.

Вызволненных из тюрем и лагерей, по два-три человека, приводили Леня Лагутенко и Федя Зинченко, как правило, в темное время суток.

Изможденным матросам и красноармейцам давали одежду, кормили.

Продуктами снабжал Жила: отпускал для этой цели крупы и коровьи головы.

Прощаясь, Леня обычно говорил Тихону Федоровичу и Сене:

– Ну что, камышанники! Теперь дело за вами! Ни пуха, ни пера!

– К черту! – отвечал, сплевывая в сторону, Сеня.

– И камыша побольше привозите! – бодро напутствовал Федя Зинченко.

Тихон Федорович поутру, еще в сумерках, выводил людей из хаты. Будущих партизан заставлял ложиться на дно лодки, укрывал их парусиной и просил поменьше шевелиться. Предосторожность соблюдалась не зря, Белый мог следить за ними с башни яхтклуба при помощи бинокля.

Да и надо было избегать излишнего внимания патруля, который состоял из немца, румына, австрийца и местного полицая. Оккупационная власть, очевидно, считала, что интернациональный состав более надежен – четверка не сможет найти между собой общего языка и ни за что не пойдет на подкуп местных жителей.

Жила впоследствии упростил обязанности Темных: им нужно было переправить людей только через Днепр и Конку. В условленном месте группу ждала уже другая лодка, на ней спасенные через Кардашинский лиман доставлялись в село Солонцы. А дальше другие проводники – по эстафете – препровождали людей до партизанских отрядов, действовавших в Крыму.

В большинстве своем военнопленные были из лагеря, расположенного в ветеринарной лечебнице. Лагерь был огорожен каменным забором, по верху его тянулась колючая проволока в

несколько рядов. По углам лагеря стояли вышки с прожекторами. Пленных немцы загоняли в земляные траншеи длиной от 50 до 150 метров, где они и находились – без крыши над головой. Некоторые, у кого сохранились силы, рыли для себя ниши, чтобы спрятаться в них от дождя и сквозняков. От постоянной жизни в земле все были чумазные до черноты, похожие на чертей из преисподней.

Жители окрестных улиц передавали через охрану продукты для военнопленных. Немцы эти подавания бросали в бачки, потом все перемешивали, делая болтушку, как для свиней.

Не успевали дежурные занести бачки на территорию лагеря, как несчастные люди, потерявшие человеческий облик, голодные, гурьбой налетали, сбивая друг друга с ног. Они разливали болтушку и затем, ползая, подбирали пищу с земли.

А немцы-охранники в эти минуты потешались над пленными, дико реготали, выкрикивая: «Швайн! Русиш швайн»!

В лагере находилось одновременно до десяти тысяч пленных. Жизнь их ни во что не ценилась – их расстреливали, забивали палками, многие умирали от болезней, от холода и голода. Хоронили погибших опять же в траншеях, вырытых прямо за забором лагеря.

Сеня слушал рассказы военнопленных о лагерной жизни, и сердце его наполнялось болью и жалостью. Они же, оказавшиеся в нормальной людской обстановке – в тепле, одетые в чистую одежду, накормленные – хотели излить свою душу, выговориться, чтобы о том страшном отрезке их существования знали и другие.

Однажды Леня Лагутенко зашел во двор Темных с двумя мужчинами. Без особых выяснений их завели в дом, накормили.

Сеня почувствовал на себе пристальный взгляд военнопленного.

Тот в раздумье произнес:

– Где-то я тебя видел, парень. Только не помню, где...

Парнишка внимательно присмотрелся к незнакомцу. Да, его лицо показалось знакомым.

Сеня напряг память и наконец вспомнил – это был моряк.

– Ба, да я же с вами познакомился перед захватом Херсона немцами. Вас зовут Василий. Вы на глиссере пристали к берегу...

– Точно! А вас тогда двое пацанов было! – Моряк был так рад, будто встретился с родным человеком.

И он поведал историю своего пленения.

– На бронекатере от прямого попадания снаряда произошел взрыв, судно стало неуправляемым, а вскоре пошло ко дну. Я был контужен, взрывной волной меня выбросило за борт. Ну, а вода – родная для меня стихия, я в ней сразу отямился, увидел недалеко пробковый круг, повесился на него. Но немцы принялись строчить из пулемета, ранили в руку и в плечо. В общем, тут я и потерял сознание. Очнулся – в плену. Меня немцы на воде и подобрали...

Василий замолчал, свернул закрутку с махоркой, прикурив от уголька, затаился с наслаждением несколько раз. И лишь после этого продолжил рассказ.

– Из лагеря вырваться стремился всеми силами. Моряков немцы не жаловали, с ними обходились наиболее жестоко... Вначале впятером вырыли ход под забором. С одним пленным пехотинцем из Чернигова Николаем добрались до села Дарьевки, но местный полицай задержал нас там и сдал немцам. Как водится, нам досталось крепко на орехи – избили до крови и возвратили в тюрьму... Зимой часть пленных водили на очистку дорог в городе, и я попал в эту бригаду. Случайно в сугробе обнаружил пустоту, залез туда, закрыл проход снегом. А когда стемнело, выполз из укрытия. И вновь – неудача, наткнулся на немецкий патруль... И только сейчас, с помощью надежных товарищей, попал к вам. Верю, что в этот, в третий раз мне обязательно повезет!

Василий, сжав кулаки, признался:

– Мне б оружие, чтобы отплатить врагу за все мучения и унижения! Никакой пощады ему не будет! Готов биться до последней капли крови!..

Моряка с напарником Темные переправили в условленное место благополучно.

Василий, прощаясь, уже веселый, пообещал Сене:

– Жив буду, встретимся! Так что жди меня, кореш...

Глава 28

Кострижев упрекает Белого. Провокация. Лидя-Коза спасает женщину, которая вырвалась из плена. Сеня в ловушке.

1.

Уход Темных из яхтклуба для Белого оказался большим уроном. Он никак не мог найти замены такому классному шлюпочному мастеру, как Тихон Федорович, который к тому же хорошо разбирался и в парусно-такелажной оснастке. Да и Аннушка постоянно корила мужа, что не удержал юнгу – толкового и шустрого, добросовестного и работающего.

Как-то Алексея Ивановича встретил старик Кострижев, и между ними состоялся откровенный разговор.

– Что-то не видать нигде твоего сынка. В чем-то провинился Иван, взаперти его держишь? – спросил Белый.

– Отправил к родственникам в Николаев – от греха подальше, – ответил Кострижев. – Сам знаешь, после казни островских ребят в его сторону косо смотрят люди...

– Что ж, правильно поступил, – одобрил Белый решение старого.

– А ведь Иван мне сказал, что и Сенька Темный должен был оказаться среди казненных. Зря ты его пожалел. Он-то тебя вон как отблагодарил – ушел из яхтклуба на более хлебное место. Теперь с отцом камыш для столовых заготавливает, они хозяевами дельты Днепра сделались... – с едкостью высказался Кострижев.

Начальник яхтклуба в ответ зубами закрипел.

– Да уж не беспокойся! И Сенька, и его отец вот у меня где! – Белый потряс кулаком в воздухе. – Никуда они от меня не денутся!

Где-то через две недели к Темным постучали. Сеня вышел из хаты. Трое мужчин в выстиранной красноармейской форме стояли возле калитки.

Самый рослый, упитанный подмигнул парнишке панибратски и прошептал заговорщическим тоном:

– Мы из тюрьмы. Нам надо переправиться на ту сторону. К партизанам...

Сеня подозрительно посмотрел на пришедших. Никак они не смахивали на военнопленных – у этих цвет лица вовсе не землистый, да и не похоже, что они голодали. И потом, почему они явились сами – без Лени Лагутенко или Феде Зинченко?

– А кто вас к нам направил? – поинтересовался Сеня.

– Есть такие! Сказали: идите к камышанникам Темным, а там они в курсе, что дальше делать... – объяснил мордатый.

Последнюю фразу слышал Тихон Федорович. Он сразу смекнул, что дело нечистое, что здесь, возможно, не обошлось без вмешательства самого Белого.

– Идемте! – коротко бросил незнакомцам Тихон Федорович.

И он повел их по берегу – по направлению к яхтклубу.

Сеня замыкал шествие.

Так молча все шли какое-то время. Миновали второй Карантинный остров, оказались на пустыре. Заподозрив неладное, мордатый остановил окриком старого Темного:

– Эй, куда ты нас ведешь?

– Как куда? – деланно удивился Тихон Федорович. – В яхтклуб! К Белому Алексею Ивановичу, начальнику этого заведения. Он говорит по-немецки и, может, ему удастся договориться с немцами, чтобы вас перевезли, куда вы пожелаете...

– Да пошел ты! – в сердцах выругался мордатый. – Дуришь нам голову! Идите-ка вы домой...

В этот же день все, кто занимался переброской военнопленных через Днепр, были поставлены в известность о прово-

кации. На целый месяц пришлось остановить четко отлаженную работу.

– Потом наверстаем, – спокойно сказал Жила. – Но сейчас рисковать не имеем права.

Позднее Сеня случайно столкнулся в городе с полицаями, двое из которых были у них в красноармейской форме.

«Ага! – со злорадством усмехнулся парнишка. – Не вышло нас обдурить!»!..

Немцы, словно в отместку, забрали у Темных корову. Катерина сразу в слезы: как же так, это же кормилица наша! Мы же пропадем без нее!..

– Пан Белый науськал, – хмуро сказал Тихон Федорович. – Ну, никак не уgomонится, поперек горла мы у него стоим!

Однако Жила, узнав об этом случае, утешил Сениного отца:

– Ничего, вытерпим, не пропадем. Я вас буду обеспечивать всем, что Бог даст...

А Лида Григоровская при встрече с другом сказала:

– Странно получается, Сенчик-птенчик! У тебя фамилия – Темный, а душа – светлая. А у Белого наоборот, душа черная, совсем не соответствует его фамилии...

2.

День был как день. Все шло по заведенному порядку: переправили военнопленных в назначенное место, заготовили камыш, доставили его в город...

– Бери весла, иди домой, – сказал Тихон Федорович сыну, когда они причалили к берегу, – а я еще тут побуду, поколдую возле лодки. Надо щели подконопатить, чтобы потом течи избежать...

Не успел Сеня открыть калитку, как услышал свист. Он оглянулся. Миша Чибисов приветственно помахал рукой.

– А я к тебе с просьбой от Лидки-Козы! Она уже дважды прибежала, нервная какая-то, сама не своя. Я допытываюсь у нее, что случилось: А она в ответ: не твоего ума дело! Ничего, в общем, не сказала, но просила передать, как только ты появишься, чтобы срочно шел к ней...

Сеня занес весла во двор, бросил их в траву. И не закрыв калитку, заспешил к Лиде Григоровской.

– Моя помощь не понадобится? – с усмешкой вдогонку крикнул Миша. – К девчонкам в одиночку опасно ходить!

Но Сеня, не обращая внимания на его колкие слова, ускорила шаги. Знал, зря подруга не позовет его.

Он вскоре постучал в дверь Лидиной хаты. Она тут же выскочила наружу, словно была начеку.

– Ой, Сенчик-птенчик! Наконец-то!

– А что произошло?

– У нас здесь женщина лежит. Я ее нашла в плавнях, когда коз пасла. Услышала стоны, испугалась, но все же переборола страх. Эта женщина была чуть жива. Я ее с большим трудом дотащила до своей хаты...

– Кто она такая? Почему оказалась в плавнях? – спросил Сеня.

– Это длинная история, потом расскажу. Сейчас важно спасти ее. Помоги, Сенчик-птенчик! Тем более, что оставлять ее здесь долго нельзя, полицаи могут дознаться...

Сеня принялся лихорадочно перебирать в памяти людей, которые бы сумели и помощь оказать, и тайну сохранить.

Лида выжидательно смотрела на друга.

И тут Сеню, что называется, осенило. Ему вспомнился случай с Духой, когда его после взрыва с окровавленной ногой пришлось везти на телеге в больницу. Сеня сказал Лиде:

– Только на Антона Федоровича Коновалова вся надежда. Пойду договариваться с ним, чтобы он отвез женщину в «Тропинку».

–Что ты! Нельзя ее в больницу, – воскликнула Лида. – Сейчас нет времени объяснять – почему нельзя. Беги к Коновалову, будем сообща искать выход из положения!

Когда Сеня привел Антона Федоровича, Лида впустила их в хату.

Коновалов только глянул на пострадавшую, начал качать головой.

– Поиздевались над ней изрядно. Я так думаю, что для врачей она нежелательный пациент? – он обратился к Лиде.

Девушка подтвердила его догадку:

– В больницу ей никак нельзя.

Но у Антона Федоровича было уже наготове решение:

– Ну, что ж, отправлю я ее на Сухарный – к костоправу. Так я называю знакомого ветеринара-фельдшера, по фамилии Труба. Он старик рисковый, подлечит ее. Но действовать надо немедленно, женщина эта совсем плоха, долго не протянет. Вы тут ее подготовьте, а я побегу лошадь запрягать.

Антон Федорович подъехал, больную осторожно вынесли во двор и уложили на подстеленное сено в телеге. Сбоку уселись Лида с Сеней, и Коновалов тронул лошадь с места.

– У меня прямо тяжесть с души спала, такое облегчение сейчас чувствую, – призналась Лида. – И теперь могу рассказать историю этой женщины. Она мне сама и поведала обо всем...

Однажды по улице Рабочей гнали партию пленных моряков-севастопольцев. И один из них кричал: «Передайте моей матери, она живет на этой улице, в доме №47, что ее сын Александр Грамм попал в плен»!

Кто-то из соседей услышал его слова и передал сообщение Анне Ивановне Грамм. Она стала ежедневно ходить к лагерю, носить еду для военнопленных. И постоянно жила надеждой увидеть там сына Александра.

А в доме Анны Ивановны как раз находилась тайная полевая жандармерия. Немцы узнали, что хозяйка дома нарушает их законы, предупредили ее строго раз-другой. Однако женщину их

угрозы на напугали, она продолжала носить еду в лагерь. Тогда ее арестовали, подвергли зверским пыткам. Анне Ивановне выбили все зубы, вывернули правую руку, избивали резиновой трубкой, и затем иссекли шомполами спину. Как она могла выдержать эти садистские пытки – непонятно! Фашисты пригрозили, что нарежут с ее тела ленты, засолят их и будут ими кормить военнопленных.

Вся окровавленная, Анна Ивановна ночью чудом сумела выбраться через окно сарая. Немцы даже не предполагали, что у нее найдутся силы для побега.

Несколько дней беглянка пряталась в плавнях. Ее искали с овчарками, она слышала лай собак, ругань немецких солдат. Спаслась лишь потому, что по горло сидела в воде, и овчарки ее не учуяли.

С трудом Анна Ивановна добралась до Камышан, там жили ее родственники. Но те не приняли беглянку, сказав, что у них уже были полицаи, которые предупредили: если они ее спрячут, будут расстреляны жители всего села... Пришлось Анне Ивановне возвращаться в плавни.

– Там я ее и нашла, – сказала Лида. – Несчастливая уже распрощалась с белым светом. Но я не могла ее бросить одну в беде.

Телегу на ухабе подбросило.

Антон Федорович чертыхнулся, а женщина, выйдя из беспомыслия, застонала. Лида заботливо погладила ее по голове.

– Потерпите, дорогушенька! Скоро все ваши несчастья останутся позади...

После продолжительного молчания Антон Федорович произнес:

– Нет, ни за что не победить гитлеровцам наш народ! Скольких бы наших людей они не уничтожили – не расстреляли и не перевешали, а мы все равно сильнее! Раз у ж с ними воюют дети и женщины, то песенка фашистов спета!

3.

Впереди показался мост через реку Кошевую.

– Вы отправляйтесь-ка по домам, – сказал Коновалов своим попутчикам. – Дальше я и без вас справлюсь...

Телега въехала на мост. Ее остановил часовой.

– Куда путь держим? Есть аусвайс?

– Не видишь, тифозную везу! – громко ответил ему возница. – Без пяти минут труп.

Часовой отшатнулся, и телега тронулась, поднимаясь с моста в гору, держа путь на Сухарное.

– Ой, Сенчик-птенчик, ты не представляешь, как меня сегодня выручил! Что бы я без тебя делала? Теперь, даст Бог, Анна Ивановна встанет на ноги. Она этого заслуживает!

– Да при чем тут я! Если бы не ты нашла ее и спасла...

– Нет, мы оба молодцы! – улыбнулась Лида.

Но через минуту ее лицо нахмурилось, а затем слезы печали выкатились из глаз.

– Что с тобой? – с удивлением и тревогой обратился к подруге Сеня. – Почему ты плачешь? Не переживай, женщину вылечит дед-костоправ, и вы еще с ней обязательно встретитесь.

– Вспомнила наших друзей – Чернявских, Запорожчуков, Падалку, Рублева, Еременко... В общем, всех, с кем мы были заодно. Никак не могу смириться с тем, что их больше нет. А во сны мои они приходят живые, веселые... – слезы обильнее побежали по лицу Лиды.

– Они всегда рядом с нами. Когда мне приходится принимать важное решение, я размышляю: а как бы поступил в этом случае Петя Чернявский, а что бы сделал Толя Запорожчук... – Сеня осторожно своей ладонью вытер слезы с Лидиных щек. – И это здорово, что мы их не забываем! А за их смерть враг еще заплатится...

Лида с Сеней подошли к островскому поселку.

Девушка слегка прижалась телом к Сене, поцеловала в губы.

– До свидания, Сенчик-птенчик! Я побегу домой, надо козье войско накормить...

Сеня подождал, пока Лида удалится. Она обернулась, он помахал ей рукой. Мог ли он знать в этот момент, что видит ее в последний раз, что прощается с ней навсегда?..

До родительской хаты оставалось с каких-то полсотни метров, как Сене бросились в глаза трое в немецкой форме. Они преградили улицу, всем своим видом показывая, что здесь оказались не случайно.

Сеня остановился. Сердце екнуло: неужели настала и его очередь быть схваченным гестаповцами? Первая мысль возникла – бежать! Но куда? К Днепру? Там как раз проходит береговой «интернациональный» патруль. Назад, к яхтклубу? Однако там Белый, и не исключено, что это он привел свои угрозы в исполнение, направив немцев к дому Темных. Лишь бы отца не арестовали, оставили в покое...

«Я в ловушке, – обреченно подумал Сеня. – Даже если и сделать попытку к побегу, отыграются на моих родных. Нет, уж лучше пусть подавятся мною».

Мальчишка сдвинулся с места, направляясь к своим палаткам. Немцы увидели его, пошли навстречу.

«Главное, не поддаваться страху, – поддерживал Сеню внутренний голос. – Не трепещи перед врагом, он того не стоит. Будь достойным своих друзей-героев»...

– Хальт! – грозно прозвучала команда приближающихся к нему гитлеровцев. – Хенде хох!

Резко щелкнул затвор автомата.

Эпилог

Судьба почти всех юных подпольщиков с Карантинного острова завершилась трагически.

Чуть не утонув, а после этого заболев, преждевременно ушел из жизни Ваня Иванов.

Выполняя задание, подорвался на mine Валя Кабаков.

22 августа 1942 года, на рассвете, были расстреляны возле завода имени Петровского восьмеро мальчишек: Федя Запорожчук, Шура Рублев, Шура Теленга, Шура Падалка, Сережа Бабенко, Миша Еременко, Миша Деев, Толя Тендитный.

В тот же день на улице Суворова, возле кинотеатра «Спартак», гестаповцы повесили четверых героев: Толю и Андрея Запорожчуков, Петю и Леню Чернявских.

В 1944 году около пивзавода за антифашистскую деятельность оккупанты расстреляли группу херсонцев, среди них значился и Леня Лагутенко.

До сих пор в памяти Семена Тихоновича Темного последние слова, сказанные Леней Лагутенко: «Сенька! Кто останется жив, должен рассказать правду о нас, островских пацанах. Для одних мы были хулиганами, для других обыкновенными мальчишками, которые любили рыбалку, увлекались футболом. А правда наша была в том, что мы, рискуя жизнью, боролись с врагом»...

Перед самым освобождением Херсона, в марте 1944 года, была схвачена Лида Григоровская.

Она выполняла задание командования наступающих частей нашей армии, являясь наводчицей артиллерийского огня. Гитлеровцы ее казнили.

Неизвестно, где поделся Федя Зинченко. О нем с давних пор – ни слуху, ни духу.

А вот Сеня Темный прошел через многие немецкие тюрьмы и концлагеря. Находился в известном всему миру Майданеке, где изверги умертвили 1,5 миллиона человек.

Несколько раз Сеня совершал побег, но неудачно. Беглеца ловили и, подвергнув истязанием, возвращали за колючую проволоку. И лишь в феврале 1945 года, с четвертой попытки, Сене удалось перейти линию фронта и оказаться в расположении наших войск. Его, исхудавшего, больного, взяли в запасной полк.

И вскоре гвардии рядовой Семен Темный уже принимал участие в боевых операциях. День Победы он встретил в Берлине. Был ранен. В настоящее время Семену Тихоновичу Темному 82-й год. Он – инвалид Великой Отечественной войны, участник боевых действий, награжден нагрудным знаком «Партизан Украины», что означает признание его подпольной деятельности в тылу врага.

Живет Семен Тихонович по-прежнему на Карантинном острове. Живет в одиночестве, сохраняя верность Лиде Григоровской – первой и единственной любви в его жизни.

Трагическая участь постигла и тех взрослых, кто так или иначе был связан с юными подпольщиками Карантинного острова.

В марте 1943 года после очередного допроса, не выдержав пыток, умер в фашистских застенках Яков Федорович Рублев. Его труп гестаповцы выбросили на улицу. Бывшего депутата – заслуженного и отважного человека с почестями хоронили жители острова, весь коллектив судостроительного завода имени Коминтерна. Фашисты, опасаясь народных волнений, весь путь до кладбища, с овчарками сопровождали похоронную процессию.

«Дядьку Антона» еще в 1942 году Сеня Темный, как шаландер, переправил лодкой в Каховку. На прощание Бородин сказал юному другу: «Сынок, мы отомстим за погибших ребят!» Это была их последняя встреча. Анатолий Павлович Бородин, будучи в партизанском отряде в Великой Лепетихе, погиб в схватке с противником – в одном их боев.

Уже в мирное время нелепая смерть настигла Павла Григорьевича Жилу. Он работал бухгалтером в Херсонском мор-

порту. Жила пробирался под вагонами, перегородившими железнодорожный переезд. И в этот момент паровоз дернул состав, Павла Григорьевича придавило насмерть.

Тихон Федорович Темный, отец Сени, отправился зимой в лютый холод на заработки в Цюрупинск. Возле конторы «Заготзерно» он, устав с дороги, присел отдохнуть. И замерз. Окоченевшее тело обнаружили 31 января 1947 года.

Остается туманной судьба Кострижевых. Есть сведения, что они сбежали с отступающими немецкими частями на запад. В этом помог их зять – шеф-шущман Кириш. По слухам, Кострижевы осели в Голландии.

Алексей Иванович Белый после войны предстал перед трибуналом. За предательство, за пособничество немцам он был осужден на тюремный срок в 25 лет.

И все-таки, даже через годы возмездие настигало карателей. Любопытную историю рассказал Георгий Иванович Цыганков, кадровый работник Херсонского судостроительного завода, который жил в микрорайоне Корабел.

После войны ему довелось работать переводчиком при оперативной группе советской военной администрации в Германии – в городе Бранденбурге.

В июне 1948 года местная полиция задержала немца, который занимался промышленным шпионажем. При обыске у него были обнаружены фотографии. На некоторых из них – крупным планом виселицы с трупами. Г.Цыганков, рассматривая внимательно снимки, узнал здание бывшего кинотеатра «Спартак», который находился на месте нынешнего Комсомольского райисполкома. При допросе выяснилось, что шпион ранее был офицером вермахта и служил в немецкой комендатуре Херсона. Он сам и снимал фотоаппаратом работу палачей. Вначале он утверждал, что повешенные являются грабителями и бандитами, однако впоследствии сознался, что это были молодые ребята – члены подпольной организации с острова. Да, собственно, отри-

цать это было бы трудно: на фотографиях повешенные выглядели совсем юными подростками.

Как бы там ни было, но одного из карателей настигла заслуженная кара!

А мальчишки-герои, дети рыбаков, мастеров корабельного дела, погибли непокоренными. На их боевом счету немало патриотических дел, и все они посмертно награждены медалью «За отвагу».

На заводе имени Коминтерна установлен памятник погибшим в Великой Отечественной войне, чья судьба в той или иной степени была связана с этим предприятием. В мартирологе на гранитной плите знакомые фамилии:

Бабенко Сергей
Бородин Анатолий
Деев Михаил
Еременко Михаил
Запорожчук Анатолий
Запорожчук Андрей
Запорожчук Федор
Падалка Александр
Рублев Яков
Рублев Александр
Теленга Александр
Тендитный Анатолий
Чернявский Леонид
Чернявский Петр

На постаменте надпись: *«Вечная слава коминтерновцам, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне».*

На улице Суворова, возле здания Комсомольского райисполкома, стоит гранитная стела с изображением пылающего факела. Она воздвигнута в честь херсонцев-патриотов, повешенных фашистскими палачами на этом месте. Среди них и четверо юных героев с Карантинного острова – братья Запорожчуки и Чернявские.

В 80-х годах прошлого столетия молодежные организации предприятий, расположенных на Карантинном острове – заводе имени Коминтерна, докостроительного завода «Паллада», Херсонского судостроительного завода, а также островских средних школ №3 и №9 выступили с инициативой о сооружении памятника в микрорайоне Корабел. По данному поводу Херсонский горком ЛКСМ Украины и Херсонская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры выпустили специальную листовку-обращение – о сборе средств на памятник «Мальчишкам с Карантинного».

Более 15 лет назад был установлен гранитный камень с табличкой из нержавеющей стали, на которой надпись гласила: «Здесь будет стоять памятник юным героям острова Карантинного». Прошли годы. Рядом с закладным камнем появилось увеселительное заведение – кафе «Медуза», с камня исчезла табличка, а памятника нет и поныне. Однако не так давно появилась другая табличка – из черного мрамора.

В свое время было обнародовано завещание бывшего врача херсонской поликлиники № 1:

«Я, Бодяга Анна Григорьевна, проживающая в Херсоне по улице Белинского, 49, кв.13, в случае моей смерти завещаю принадлежащий мне денежный вклад с процентами, который находится в сберкассе № 71 г. Херсона на счету №026682, перечислить на сооружение памятника на Карантинном острове мальчишкам, замученным и казненным фашистами в августе 1942 года».

Завещание было написано 13 ноября 1974 года. Сумма вклада – без процентов – составляла тогда 12 тысяч рублей. На то время большие деньги!

Однако благородная цель Анны Григорьевны Бодяги и других жертвователей до сих пор не достигнута. И дань памяти по-прежнему висит неоплатным долгом над нами – ныне живущими.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Великая Отечественная война принесла нашему народу неисчислимые бедствия и страдания, огромные человеческие жертвы. На кровавых дорогах войны оказались и дети.

В 1941—42 гг., в период оккупации в г. Херсоне действовала подпольная молодежная группа „Мальчишки с Карантинного“. На боевом счету этой группы немало патриотических дел. Но, к сожалению, в августе 1942 г. группа в составе 12 юных подпольщиков была выслежена немецкой разведкой и полностью уничтожена. 4 человека: Запорожчук Анатолий, Запорожчук Андрей, Чернявский Петя и Чернявский Леня были повешены на улице Суворова, 8 остальных: Рублев Шура, Тендитный Толя, Ергменко Миша, Бабенко Сережа, Теленя Шура, Запорожчук Федя, Деев Миша и Падалка Шура после страшных истязаний были расстреляны в тюремных застенках. Все они посмертно награждены медалью „За отвагу“.

Комсомольские организации завода им. Коминтерна, средних школ № 3, № 9 и других организаций выступили с инициативой о сооружении памятника на жилмассиве „Корабел“, „Мальчишкам с Карантинного“. А бывший врач Бодяя Анна Григорьевна, которая была невольной свидетельницей жестокой расправы немцев над юными патриотами, завещала 12 тысяч рублей на строительство им памятника.

Сооружение памятника будет данью благодарных херсонцев юным патриотам, которые внесли и свой вклад в Победу над коварным врагом.

Правление областной организации Общества охраны памятников, Херсонский горком комсомола обращается ко всем трудовым коллективам, комсомольским организациям и гражданам г. Херсона и области с просьбой внести свой вклад в благородное дело—сооружение памятника „Мальчишкам с Карантинного острова“

Средства принимаются во всех сберкассах области на расчетный счет № 700376 в областном управлении Жилсоцбанка в фонд охраны памятников—на памятник „Мальчишкам с Карантинного“ в адрес Херсонской областной организации Общества охраны памятников истории и культуры.

Подвиг юных патриотов, отдавших самое дорогое за великую Победу – свои жизни, вдохновил поэтов и прозаиков. О юных херсонцах-героях написаны очерки, рассказы, стихи.

Поэтесса Алевтина Дрозд посвятила мальчишкам с Карантинного поэму, в ней есть такие строки:

И пусть года проходят чередой.
Другие дети пусть листают книжки.
Но сохранятся в памяти людской
Навечно с Карантинного мальчишки!

Херсонский драматург Николай Каляка написал пьесу о молодых подпольщиках.

Автор от души благодарен ему за переданные записи Лары Аникиной, которые частично использованы в данном издании.

И было бы совершенно правильным, чтобы в местном календаре знаменательных дат 22 августа стал Днем памяти юных героев – мальчишек с Карантинного!

октябрь 2004 г. – ноябрь 2006 г.,
ноябрь 2010 г. Херсон

Стела на улице Суворова – на месте казни юных героев

Памятный знак в микрорайоне Корабел

Толя Запорожчук

Петя Чернявский

Андрей Запорожчук

БАЛЛАДА О МАЛЬЧИШКАХ С КАРАНТИННОГО

Днепровский край – густые плавни,
На островах – кипенье вишен.
Росла на Карантинном славная
Ватага островских мальчишек.

Мальчишки с Карантинного
Из племени орлиного.
Футбол, рыбалка и кино –
В делах и играх заодно.

Шура Рублев

Шура Падалка

Миша Ерëменко

Война!.. И нету детства больше.
Всё в прошлом – и футбол, и книжки.
Беду страны восприняв с болью,
Взрослели на глазах мальчишки.

Мальчишки с Карантинного
Из племени орлиного...
Они не ведали преград:
Отважный, смелый был отряд.

Толя Тендитный

Миша Деев

Лёня Чернявский

Урон врагу от них немалый.
И нет врагу спокойной жизни.
И ни о чём не знают мамы,
Покой их берегут мальчишки.

Мальчишки с Карантинного
Из племени орлиного
Вы шли с врагом в неравный бой,
Бесстрашно жертвуя собой.

Федя Запорожчук

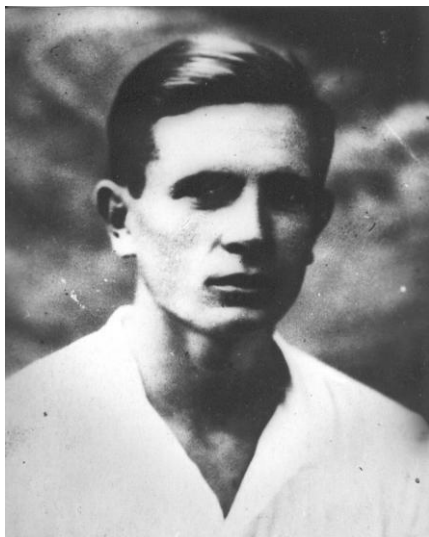
Шура Теленга

Серёжа Бабенко

Схватили юных патриотов...
Настигла смерть их на рассвете.
Живым оставив плавни, остров,
Шагнули мальчики в бессмертье.

Мальчишки с Карантинного
Из племени орлиного.
С тех пор их матери твердят:
«Сынок... сынок...» Но нет ребят.

Лёня Лагутенко

Сеня Тёмный

А.П.Бородин

В музее снимки их, награды
В соседстве с саблей командира.
Серьёзные на фото взгляды:
Несут мальчишки вахту мира.

Мальчишки с Карантинного
Из племени орлиного.
Вас не забудем никогда,
Вы в нашей памяти всегда!

Содержание

Глава 1.....	3
<i>На рыбалке. Моряки-разведчики. Появление Дунайской военной флотилии. Отец Сени строит блиндаж. Лет бабочек. Враг уже в городе.</i>	
Глава 2.....	8
<i>Воздушный бой. Немецкие танки в порту. Неравная схватка: бронекатер затонул, «Очаковский канал» сел на мель. Ночная вылазка за оружием.</i>	
Глава 3.....	15
<i>Вторжение немцев на остров. Оккупанты ловят гусей. Ганс из дивизии СС «Адольф Гитлер» слушает патефон.</i>	
Глава 4.....	20
<i>Дом тюремных рыбаков. Клятва юных патриотов. Вторая вылазка за оружием на затопленное судно. Ночная стрельба. Арестованы мужчины островского поселка. Гитлеровцы наводят порядок под страхом смертной казни.</i>	
Глава 5.....	28
<i>Повешенный моряк. Один против гитлеровцев. У Лары Аникиной. Встреча с Дифой-Фридой. Чтение дневника. Успех на концерте. Маленькая месть за моряка-героя.</i>	
Глава 6.....	40
<i>Дифа-Фрида в гетто. «Реквием» Моцарта. Старуха выкрала младенца. Прощание с Дифой-Фридой. Расстрел евреев.</i>	
Глава 7.....	49
<i>Бомба в трюме. Леня Лагутенко объявляет бойкот родителям. Взрыв на пляже и гибель немецкого офицера.</i>	

Глава 8.....	54
<i>На могиле Шуры Мамкиной. О прозвищах. Плевков в офицера. Тайник в доме Сережи Бабенко. Поджог на заводе имени Коминтерна. Разговор Анатолия Бородина с ребятами.</i>	
Глава 9.....	62
<i>Якова Рублева продержали три дня в гестапо. Дневник Лары Аникиной – продолжение. В гимназии. Сочинение на тему «Гитлер и Сталин». Тетради сгорели в топке.</i>	
Глава 10.....	69
<i>Возвращение Белого. На допросе у Кольтера, полковника службы безопасности СД. Враг овладел Цюрупинском. Друзья мстят Белому за Найду.</i>	
Глава 11.....	76
<i>Лида-Коза – островская амазонка. Как возник род Темных? Два сапога-пара. Постовой забирает часть зерна. Сеня срывает портрет Гитлера.</i>	
Глава 12.....	81
<i>Разделение юных подпольщиков на две группы. Операция «Телефонный кабель». Духа ранен. Второй взрыв – отвлекающий. Кострижевы в кабинете Кольтера.</i>	
Глава 13.....	92
<i>Первая листовка на острове. Пароль «Снег». Гитлеру – вызволителю снова достается. Лида-Коза в рядах подпольщиков. У Кольтера приступ гнева.</i>	
Глава 14.....	101
<i>Духа на костылях. Смерть Вани Иванова. Поджог лесосклада. Валя Кабаков подорвался на mine. Костя Чернега потерял ногу.</i>	

Глава 15.....	107
<i>«Шурки, поиграем в жмурки!»! Колонна моряков на льду. Обстрел конвоя. Двое спасенных у Лиды-Козы. Ваню отправляют в госпиталь.</i>	
Глава 16.....	115
<i>На катке. Концы в воду. Неожиданная встреча с полицией. Операция «Пакет». Благодарность «Центра».</i>	
Глава 17.....	126
<i>Нужно ли давать название подпольной организации? История Карантинного острова.</i>	
Глава 18.....	134
<i>Знакомство с Ильей Куликом. Шалости с указателем. На Чернобаевском аэродроме: два самолета выведены из строя.</i>	
Глава 19.....	142
<i>Белый отбирает у Сени лодку. Сеня – юнга в яхтклубе. Подъем бронекатера из воды. Белый предлагает Сене стать осведомителем.</i>	
Глава 20.....	151
<i>Сеня находит знамя. Флаги над островом. «Диверсия» в немецком казино. Смерть – обычное дело.</i>	
Глава 21.....	158
<i>Иван-Стрелок получает отпор. Привлечение Ивана Кострижева в ряды подпольщиков. Белый выследил Ивана. Ситуация для Белого проясняется.</i>	
Глава 22.....	163
<i>В «Центре» довольны действиями патриотов. Новое задание: взорвать баржу с боеприпасами. Миша Еременко и Мария Теленга не доверяют Ивану Кострижеву.</i>	

Глава 23.....	167
<i>Сеня готовится к операции. Полицаи разыскивают Мишу Еременко. Схватили Шуру Теленгу. Арест Рублевых. Леня Лагутенко тоже схвачен.</i>	
Глава 24.....	173
<i>Сеня с Лидой прячутся в стогу сена. Одного за другим ребят отправляют в гестапо. Все, кто был в списке Белого, арестованы. Белый принуждает Темных вернуться в яхтклуб.</i>	
Глава 25.....	181
<i>Сработал план Пети Чернявского. Лиду-Козу чуть не отправили в Германию. А Федя Казанчик едет туда с охотой. Столкновение паромов в Перебойне.</i>	
Глава 26.....	189
<i>Пытки юных патриотов. Встреча Белого и Бородина на лодочном причале. На ребят «вешают» нераскрытые убийства. Пароль «Снег» действует и в застенках. Казнь героев.</i>	
Глава 27.....	199
<i>Темные уходят из яхтклуба. Новое задание: переправлять военнопленных через Днепр. О жизни пленных в лагере. Сеня узнает Василия-моряка.</i>	
Глава 28.....	205
<i>Кострижев упрекает Белого. Провокация. Лида-Коза спасает женщину, которая вырвалась из плена. Сеня в ловушке.</i>	
Эпилог.....	214

Документально-художественное издание

Марченко Леонид Владимирович

КЛЯТВЕ ОСТАЛИСЬ ВЕРНЫ

– о юных героях с Карантинного острова –

Роман

(издание 2-е, дополненное)

ISBN 978-966-630-017-4

Для среднего и старшего школьного возраста

Художественный редактор О.Кучерова

Художник К.Амелин

Корректор Н.Терновская

Компьютерный набор и верстка Н.Мамонтова

Технический редактор С.Дудченко

Подписано в печать 04.11.2010 г. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. п. л. 14,5. Тираж 300.

Отпечатано в ООО “Айлант”

73000, Украина, г.Херсон, пер.Пугачева, 5/20.

Тел.: 26-67-22.